КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ

1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою Кіевъ, 19 февраля 1898 года.

Сверхъ книгъ помѣщенныхъ въ дополненіи къ каталогу при № 2, въ книжную торговлю при «Кіевской Старинѣ» (Безаковская, 12) вновь поступили слѣдующія изданія:

1. *Горленко* В. П. Южнорусскіе очерки и портреты. Кіевъ, 1898, 1—229, цѣна 1 рубль.

2. *Котляревскій* И. П. Собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ: 1) Энеида 2) Наталка—Полтавка. 3) Москаль чаривныкъ. Съ портретомъ автора. Изданіе полтавскаго губернскаго земства. Полтава, 1897 г., 1—440, ц.—35 к. (Чистая прибыль предназначается на памятникъ поэту).

3. *Лисовскій* А. Н. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка. Изданіе А. А. Зиновьева. Полтава, 1896, 1—48. Цѣна 25 к.

4. *Ляскоронскій* В. Г. Исторія Переяславской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII ст. (Монографія). Кіевъ, 1897, I—VII, 1—486, I—XIII,+карта, цѣна 3 руб.

5. *Чернявськый* Н. Ф. Донецьки сонеты. Бахмутъ, 1898, 1—30. Цѣна 10 к.

6. *Чернявськый* Н. Ф. Писни кохання. Харькивъ, 1895, 1—100 +I—II, цѣна 75 к.

7 *Чорнушенко* Васыль. Заклати гроши. Изданіе Наголкина. Кіевъ, 1894, 1—14, цѣна 5 к.

8. *Щоголевъ* Я. Ворскло. Лірна поэзія. Харькивъ, 1883, 1—154, I—III, in 4°. Ц. 1 р. 30 к.

Письма Честаховскаго, писанныя въ 1861-мъ году о похоронахъ поэта Шевченка[1].

Авторъ нижепечатаемыхъ писемъ о похоронахъ Т. Г. Шевченка—*Григорій Николаевичъ Честаховскій.* Онъ, вмѣстѣ съ пишущимъ эти строки, по порученію друзей поэта, провожалъ его тѣло отъ Петербурга до Канева[2]).

Г. Н. Ч-ій происходилъ изъ *военныхъ поселянъ*, сколько помнимъ, херсонской губерніи, и въ Петербургъ сначала пріѣхалъ, желая учиться живописи, большая охота къ которой проявилась у него съ дѣтства. Но талантъ у Ч-аго оказался небольшой, и онъ сталъ зарабатывать насущный хлѣбъ канцелярскою службою въ Капитулѣ орденовъ. Съ переселеніемъ Шевченка въ Петербургъ въ 1857 г., въ кругъ его близкихъ знакомыхъ скоро вошелъ Г. Н. Ч-ій. Сближеніе послѣдовало сначала на задушевномъ пѣніи Ч-имъ малорусскихъ пѣсенъ, а затѣмъ горячая привязанность пѣвца къ поэту была послѣднимъ оцѣнена, и Г. Н. Ч-ій сталъ однимъ изъ частыхъ и желанныхъ посѣтителей Шевченка, когда послѣдній зажилъ своимъ хозяйствомъ въ зданіи Академіи Художествъ. Когда получено было разрѣшеніе на перевозъ праха Шевченка въ Малороссію и понадобился проводникъ, то лучше Г. Н. Честаховскаго для этого трудно было и придумать[3]). На него и указали бли-

---

[1]) За предоставленіе въ наше распоряженіе этихъ писемъ считаемъ долгомъ принести глубочайшую благодарность В. В. Тарновскому, собственность котораго они составляютъ.

[2]) Г. Н. Ч-ій былъ главнымъ распорядителемъ проводовъ и похоронъ, а пишущій эти строки былъ лишь его, такъ сказать, помощникомъ.

[3]) Указаніе покойнаго Н. М. Бѣлозерскаго (К. Ст., 1882 г., окт., 75), что сначала предположено было поручать проводы тѣла Ш-ка художнику Мокриц. кому—по нашему мнѣнію, невѣрно; по крайней мѣрѣ мы не помнимъ этого.

жайшіе друзья поэта. Можно сказать, что Ч-ій *свято* исполнилъ возложенную на него миссію. Онъ настоялъ, между прочимъ, чтобы тѣло поэта было похоронено на Чернечьей горѣ, а не въ Каневѣ.

Г. Н. Ч-ій въ послѣдніе годы своей жизни бывалъ частымъ гостемъ у В. В. Тарновскаго въ его чудесной Качановкѣ. А когда Ч-ій умеръ (въ мартѣ 1893 г.) въ Петербургѣ, то тѣло его въ томъ же году было перевезено В. В. Т-имъ въ ту-же Качановку и тамъ похоронено въ паркѣ, причемъ надъ прахомъ горячаго почитателя памяти Шевченка была насыпана могила почти одинаковыхъ размѣровъ съ тою, которую покойникъ насыпалъ въ 1861 г. надъ прахомъ *Тараса*.

При какой обстановкѣ вторично похороненъ былъ поэтъ на Чернечьей горѣ, Г. Н. Ч-ій подробно разсказалъ въ своихъ письмахъ къ пославшимъ его друзьямъ поэта. Эти письма здѣсь и печатаются [1]).

А. Л.

I.

Федоръ Ивановичъ и люба Громадонько Украиньска [2])!

Учора, въ середу, 3-го числа мая, въ четверть третёго часу, Кобзарь нашъ дужій ставъ уже на свою ридну землю Украиньску [3]), а я ставъ навколишки и тричи уклонывся рид-

---

[1]) Пользуясь случаемъ, сдѣлаемъ коротенькое добавленіе къ напечатаннымъ уже свѣдѣніямъ о перевезеніи тѣла Т. Г. Шевченка изъ Петербурга въ Каневъ.— Н. М. Бѣлозерскій, сообщая свѣдѣнія объ этомъ, говоритъ, между прочимъ (l. c.), что „въ Москвѣ гробъ Шевченка стоялъ за городомъ, на дворѣ какого-то столяра, среди кучи стружекъ". Это невѣрно. Прямо со станціи желѣзной дороги гробъ былъ перевезенъ и поставленъ до слѣдующаго дня въ церкви *Тихона на Арбатѣ*. Это обстоятельство хорошо помнитъ и Н. В. Шугуровъ, тогда студентъ московскаго университета. Въ церкви тѣлу поэта кланялись О. М. Бодянскій и Н. С. Тихонравовъ (хорошо его помню по хромотѣ). Другихъ посѣтителей изъ тогдашняго московскаго учено-литературнаго міра что то не помнимъ; кажется, ихъ и не было. Проводы тѣла при переѣздѣ черезъ Орелъ были особенно торжественны: впереди гроба шло духовенство съ пѣніемъ „Христосъ Воскресъ", а за гробомъ слѣдовала военная музыка Камчатскаго пѣхотнаго полка, игравшая малорусскіе мотивы. Процессію замыкали гимназисты Орловской гимназіи, сопровождаемые своимъ начальствомъ.

[2]) Федоръ Ивановичъ Черненко. У него собирались на вечера петербургскіе малороссы.

[3]) При переѣздѣ изъ Орловской въ Черниговскую губернію, по почтовой дорогѣ изъ Сѣвска на Глуховъ.

ній неньци Украини й тричи поцилувавъ іи святу землю одъ себе и одъ ридныхъ дитей іи, котри свято почитають іи, проживаючи на чужини далекій. Потимъ зайшлы зъ моимъ дорогимъ спутныкомъ въ шинокъ, купылы машталирамъ горилочки; винъ выпывъ пивъ чарочки, а я повну за Тарасову памьять, за неньку Украину и за добрую и любую нашу Громадоньку, роскинувшуюся по усёму свиту, котра почитае святу Украину; ззилы варену тарань въ шинку, потимъ выйшлы на двиръ, поговорылы своею мовою зъ маленькимы диточкамы Украиньскимы, котри тутъ якъ на те случилысь; я давъ имъ по тры копійки серебромъ, и поганяй дальше.

Теперъ я пышу вамъ изъ *Кролевця*, котрый одъ Кіева за 267 верстъ. Якъ тилки мы повернулы зъ Орла на Кромы, то прырода така, шо не тилко наблюдательне око, а даже саме просте мужиче побаче и скаже: „що нивже се не те, що бачилы доси.

Честаховській.

Четвергъ, 4-е мая, 1861 року.

II.

Федоръ Ивановичъ и люба Громадонько Украинська!

Батько нашъ дорогій Кобзарь, орелъ сызокрылый уже въ Кіеви. Учора, 6-го числа, въ 7 часивъ утра мы прыйихалы въ Бровари; тамъ ночувавъ студентъ Кіевского Университета,—дожидавъ насъ. Мы сказалы ему, шо рушимо зъ Броваривъ въ 10 часивъ утра, и винъ одправывся въ Кіевъ.

Черезъ пивтора часа, ище прыйихало до насъ тры студента, тутъ мы тилко одъ ныхъ узналы, шо Варфоломей[1]) жде насъ у Кіеви. Тутъ я роблю пропускъ,—потимъ розскажу.

Процессія началась коло пяты часивъ вечера у самому лиси, що зъ стороны Броваривъ. На мосту одпряглы коней, и студенты й громада везлы на рукахъ Кобзаря ажъ до самисинькои церквы Рождества, шо на Подоли[2]). Усю дорогу казалы прывитлыви

---

[1]) Варф. Григ. Шевченко.

[2]) См. „Кіевск. Стар." 1894 г., № 2.

слова батькови Кобзареви и поставылы его на ничъ въ церкви. У недилю въ чотыри часа одслужилы панахиду и понеслы Батька Дужого на рукахъ своихъ дитки щири та розумни, чтущи святую памьять Кобзаря свого. Якъ выйшовъ я съ церквы, та подывывсь, що діеця на двори пидъ открытымъ небомъ, то й не знаю, браты Украинци, якъ Вамъ сказать, що діялось зо мною;—хотилось бы умерты.

Домовыну Кобзарську поставылы на мары и неслы на рукахъ по-надъ Днипромъ широкимъ и по-надъ крутымы горамы.

Попереду йихалы на коняхъ верхи два жандармы, за нымы хоръ не салдатськои, а городовои музыки, гралы маршъ; за нымъ хрестъ, а за хрестомъ корогва, за нею ище дви корогвы церковни, потимъ попы, за нымы группа цеховыхъ городскихъ значкивъ, а потимъ красувавсь Кобзарській гробъ, накрытый червоною китайкою—заслугою козацькою, а кругомъ его одынадцять значкивъ городськихъ цехивъ. Процессія ростягнулась на цилисиньку верству, и выдъ бувъ такій велычный та добромъ пахучій, що хиба тилки у Бога е въ раю.

Отожъ вся оця процессія йшла до парохода; теперъ Батько Тарасъ незабаромъ буде уже зовсимъ у своій господи. Его поставылы на пароходи, завтра въ 7 час. ранкомъ въ Каневъ йидемо.

Г. Честаховскій.

7 мая. 2 часа ночи.

III.

3-е іюня 1861 г. Каневъ.

Федоръ Ивановичъ!

Я ще й доси не маю одъ Васъ ніякои вистоньки, якъ Вы живете таменьки, и що діеця на свити; я блужу соби одынокій окрестъ Канева по высокихъ та крутыхъ горахъ, якъ черкесынъ по Кавказу. Тутъ дуже гарно, не хотивъ бы розставатысь зъ мылымъ краемъ, де колысь завзяти Гайдамаки зъ свяченымы гулялы та виру, та волю людську ратувалы. Колы та колы збираю людцивъ та насыпаемо нашому дорогому Кобзареви могилу, уже высыпалы зъ сажень заввышки, та вздовжъ саженивъ тры; мо-

гила мае выдъ пирамидки, а въ головахъ дубовый окрашеный хрестъ заввышки два сажни. Поробымо, поробымо съ людцямы, а потимъ знимемось та й помандруемъ въ Пластунку пидъ Княжу Гору, де вольна горилочка; народъ пидопье—и веселенькій; а Батькови Тарасови стилко царства небесного надавалы!

Я пославъ свидительство докторське про мою хвористь;—не знаю, шо тамъ діеця въ нашому капитулѣ [1]). Одъ Василія Тимофѣевича Новицкого не маю ще ніякои висти.

Не знаю, чи Каменецкій выславъ Кобзаривъ и прочого кныжного краму; якъ шо не выславъ, то будьте ласкави, нагадайте ему, шобъ высылавъ якъ мога скорише. Я буду дожидать одъ Васъ пысьма зъ грошима и заразъ рушу въ Петербургъ. Якъ бы Вы прыслалы Хату и Букварь: тутъ дуже цёго дыва треба для народа, тутъ пипъ заводе для народа школу и дуже-дуже нуждаеця въ букваряхъ, а грошей чортъ-ма.

Поклоныця одъ мене усій нашій Громади. Шо тамъ у васъ діеця? Дядькови Данылови Семеновичу (Каменецкому) и дидови Щербаку душевно кланяюсь и жду одъ ныхъ краму.

Адресъ. Кіевской губерніи, въ городъ Каневъ, на почтовую станцію.

Г. Честаховській.

IV.

Федоръ Ивановичъ!

Я получивъ любый лыстъ Вашъ якъ разъ на святу недилю и дуже дякую, шо обизвалысь до мене. Отъ Даныла Семеновыча тожъ получивъ лыстъ и накладную, а кныжокъ и патретивъ кобзаревыхъ ще не получавъ. Спасыби Вамъ укупи съ Дан. Сем., шо обизвалысь любымъ голосомъ, бо якось дуже осыротивъ я безъ нашои петербурськои громадоньки, не чувши іи мовы и що тамъ діеця. Тутешни де-котри паны запрошують мене до себе, а я нейду, бо воны паны, а *одъ простого люду тилько й чуешъ*—

[1]) Мѣсто службы Г. Н. Честаховскаго.

паны та панщина переплетена батогомъ або хворостомъ, а до того ще проклята сарана дуже напала на поля коло Канева; ажъ страхъ, ажъ сумно! сказавъ бы Батько Тарасъ, якъ бы почувъ, та подывывся. Оце учора 16-го тильки шо вывершивъ Батькови Тарасови могилу сажени въ дви заввышки, а теперъ пиду оброблять; добрый людъ дуже помигъ мени у сёму дили; зъ канивськимъ людомъ начавъ робыть могилу, а кончивъ зъ пекарцямы й хмилянамы (помищичимы крепакамы),—одны за 7-мъ верстъ одъ Канева, а други за 14-ть, и робылы щирише, нижъ канивське мищанство. Боже мій! якъ бы мени хотилось хоть капелыночку подякувать ихъ на прощаніе—зварыть имъ обидъ на вичне помынання Батька Тараса; цежъ у насъ обычай старынного заповиту, и народъ нашъ дуже за его прыдержуеця. Дуже бъ гарно було, бо Батька Украины поховалы, а людови не далы ни шматочка хлиба въ помынокъ, тильки своя громада та попы выпылы по чарочци, трошки перекусылы печенои рыбы съ хлибомъ, а потимъ Шевченки симьею зварылы капусты й локшины два горшки, тожъ все для своихъ пьятнадцяти чоловикъ, та тимъ и закинчалы. А потимъ розийихалысь по куточкахъ, якъ горобци по острихахъ, тильки я одынъ остався и коженъ день вештаюсь на Тарасовій гори, хоть дернину або дви выкопаю, та положу ему на широки груды, и якось легшае на серци.

Канивськимъ панамъ и людови якось моторошно дывыця на мене, що я, паничъ зъ велыкого Пьетенбурха, та надину гайдамацьки штаны й сиру свытку, та визьму заступъ въ руки й роблю Тарасови могилу не такъ, якъ бы панъ робывъ зъ заступомъ въ рукахъ, а таки такъ, якъ добрый хазяйскій сынъ, або щирый робитныкъ—або ще краще, якъ добрый панъ посередъ крепакивъ зъ палыцею або батогомъ прыстае до помочи людови на панщини; та ще писля того возьму та прочитаю що небудь изъ Кобзаря, або карандашъ въ руки тай нарысую якого чоловика або-що,—те имъ въ дывовыжу и сами не прыдумають и не прыберуть соби толку, шобъ то воно за чоловикъ такій. Сказать бы шо воно панъ, такъ не выходыть: паны жъ того не роблять, шо винъ выробляе заступомъ и довбежкою.

Отъ для сихъ сырить я дуже бажавъ бы одъ усего серця зварыть обидъ коло Тарасовои хатыны и помьянуть съ щирымъ нашимъ людомъ его велыку да любящу душу, нехай бы воны згадувалы, шо колысь то було, якъ прыйихавъ Батько Тарасъ зъ далекои дороги у свою господу панувать мижъ нымы. Воны вси называють его Батькомъ Тарасомъ, рятувавшимъ ихъ волю, а гора, на котрій поховалы—Тарасовою горою, замись прежнёго названня *Чернечою.* Оце моя думка; якъ вы прыймете іи своимъ серцемъ такъ, якъ и я, то чи не можно вамъ переговорыть зъ громадою объ цимъ дили, може складуця карбованцивъ 15-ть, то буде вволю, бо у мене нема вже ни копійки за душею, а ти гроши 50 карбованцивъ, шо прышлете, то треба на дорогу. Я пысавъ Вамъ, шобъ прыслалы мени 50 карбованцивъ моихъ грошей изъ сохранной казны, шо на кныжку, и теперъ дожидаюсь.

Душевно кланяюсь усій Громадоньци любій и Данылови Семеновычу: Винъ дуже угадавъ, шо мое перше слово було проты кіевського панства,—теперъ мени дуже николы пысать объ цимъ. Якъ кончу Тарасову могилу, то прышлю лыстъ до Громадоньки, тоди все опышу, якъ шо було, а теперъ тильки скажу, шо якъ бы я не почувъ изъ Тарасовыхъ устъ пры его жизни слова, шо: „тыхе прыстаныще и спокой найдешъ коло Канева", то Батько Тарасъ смило запанувавъ бы въ Кіеви зъ панамы, бо ни однои души живои не було, котра бъ не потягла зъ усеи сылы на панську сторону. Дуже добре зробывъ я, шо пойихавъ зъ Батькомъ Тарасомъ, а то прыйшлось бы весь викъ жалкувать до одури. Я пославъ въ Капитулъ свидительство о болисти моій и пысьмо Новицкому, а одъ ёго нема ни однои строки, ни одного слова; якъ бы у Васъ малось часъ времени завернуть до его и роспытаця, що и якъ воно діеця, та сказалы бъ и мени. Прощайте! весь Вашъ

Г. Честаховській.

Якъ будете пысать до Пантелеймона Александровыча, то поклониця ему щиро одъ мене.

Въ вивторокъ 13-го іюня я ишовъ до Хмильнои збирать громаду до Тарасовои могилы, а шляхъ иде черезъ жита и черезъ лисъ,—

рай земный тай годи! жита на четверть выще мого росту. Не розстався бъ зъ Украиной!

17-го Іюня 1861 года. *Каневъ.*

V.

20 Іюня. 1861 года.

Федоръ Ивановичъ и люба Громадонько Украинська!

Ище сонечко на неби сяе, а наше сонечко святе—батько Тарасъ, великій свитъ Украины, уже въ останне сховалось за темну гору, видкиль уже его ясного нового свиту бильше не побачить ридна земля Украинська зъ своимъ добрымъ людомъ козачимъ.

10-го мая въ симъ часивъ пополудни нашъ дорогій та любый Кобзарь улигся на вишни вики у своій новій темній хатыни, видкиль уже не выйде бильше подывыця на свитъ Божій, своимъ яснымъ та орлынымъ козацькимъ поглядомъ не окине неньку Украину, не почуе бильше его новои та голосной писни добрый людъ козачій, а та писня, шо проспивана имъ, нехай буде писнею благовисти для молодого козачого поколиння и направля къ добру, чести и корысти народнои кожного чесного Украинця.

Якъ йихать одъ Кіева на пароходи по Днипру, то верстовъ добрыхъ зъ чотыри треба унызъ спустыця за Канивъ; тамъ надъ самисинькимъ берегомъ, на высоченній гори—Тарасъ осивъ своимъ новымъ селыщемъ посередь самои горы. Вершина тіеи горы буде вздовжъ саженивъ *сто,* а у поперекъ до *сорока пьяти.* Гора къ востоку круто опускаеця къ берегу Днипра такъ, шо по прямому идучи не зійдешъ, а треба пиднимаця на хитрощи: ступышъ развивъ пьять упередъ по пидъ горою, а потимъ повертай лыцемъ туды, куды бувъ потылыцею, та упьять подаеся напередъ, та хватаеся за лищину, шобъ не полетить шкеребертъ; къ западу и юго-западу тежъ саме, а къ югу и юго-востоку изъ-за цеи горы встае друга гора, така жъ завбильшки, якъ и Тарасова гора, и покрыта густымъ молодымъ лисомъ,—кучерява та хороша, густымъ лисомъ оквичана, верхомъ своимъ пидпирае хмары и далеко, дуже далеко выдніеця, якъ йидешъ одъ Кіева. На цій

Могила Т. Г. Шевченка.

гори я хотивъ поховать Тараса;—Варѳоломей перехитрывъ мене, сказавъ, шо то помищича земля; я тилько поплямкавъ, та ничого робыть. Якъ начавъ насыпать Тарасови могилу и писля трудивъ повивъ людей въ Пластунку, на вольную горилочку, тоди узнавъ, шо то земля Канивська, а не помищича. Буду до вику жалкувать, шо Варѳоломей обманувъ мене; мабуть, и Тарасъ пожалкуе, бо якъ выстроилы-бъ школу на тій горы, то Тарасови, литаючи на хмарахъ, не стоило-бъ труда унызъ спускаця, прямо на хмари у викно влетивъ бы я подывыця на своихъ школяривъ, шо воны выробляють. Де оця гора спускаеця круто къ западу, то одъ неи росте тожъ гора трошечки ныжче, а за ціею ище гора, а промижъ гиръ, де одна гора до другои склоняюця, дальше выдны верхи другихъ гиръ гостроверхихъ. Такъ, шо якъ станешъ на Тарасовій гори лыцемъ къ югу, то одъ юго-востока и до сѣверо-запада Тарасову гору други горы облягають, якъ ти хмары оступають, шобъ взять его биле тило и подать другимъ хмарамъ, шо литають выще та до Бога блыжче; нехай несуть туды, де понеслы его любу да щиру душу по широкому простору, бо ій тисно було на земли,—до чубатыхъ дидивъ запорожцивъ на бенкетъ небесный! Зь Тарасовои горы выдно далеко ажъ до Переяслава, а тамъ дали тилько мріе[1]).

8-го мая въ 7-мъ часивъ у ранци знялысь мы пароходомъ „Кременчукъ" одъ Кіева и прывезлы батька Тараса до Канева въ чотыри часа пополудни. Пароходъ прыставъ къ берегу ныжче Канева верстовъ дви съ половыною; знялы съ парохода гробъ, поставылы на жидивську повозку и повезлы по-надъ самисенькимъ Днипромъ крутогорымъ берегомъ въ Канивську церковь Успенія Божіей Матери. Дойихалы до сельскои деревянои церкви Спаса Преображенія (передъ Каневомъ)—маленьке сельце по надъ берегомъ Днипра протяглось ажъ до Тарасовои гори и дилыця на тры названня: одъ Канева звеця *Сельще*, середня часть Бесарабивка, а коло самои Тарасовои горы—Монастырыще.

---

[1]) Ввидѣ иллюстраціи помѣщаемъ рисунокъ могилы Г. Г. Шевченка, послѣ реставрированія ея въ 1885 году, съ видомъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Рисунокъ исполненъ масляными красками о[д]нимъ молодымъ] художникомъ, проживишимъ на Шевченковой горѣ для своихъ художественныхъ студій нѣсколько недѣль въ 1889 г.

Тутъ бувъ колысь монастырь; е люды, котри памьятають, якъ его розбиралы и построилы зъ его церковъ Спаса Преображенія, шо прынадлежить до Канивського Селыща. Цей монастырекъ памятный тимъ, шо въ ему на Тарасовій гори похова624 *тры козачи гетманы*—Иванъ Пидкова, Кишка и Шахъ. Максимовичъ[1]) розсказувавъ оце и показувавъ шляхъ, де везлы убытого Ивана Пидкову; по тому шляхови везлы й Тараса до его тыхого дому. Тамъ насъ зострививъ отецъ Ѳеодосій въ облаченіи съ причетомъ и корогвамы и проводывъ до городськои церкви Успенія. Якъ переийхалы базаръ и сталы пиднимаця въ гору, то насъ зострило ще два протопопы въ облаченіи съ хрестамы, образамы, цеховымы корогвамы и якоюсь цеховою коробкою видъ гроба, покрытою червонымъ сукномъ. Оци жъ то попы зъ Успенскои церкви йшлы проты насъ съ червоною коробкою скорымъ параднымъ маршемъ и добрыхъ за пивъ верствы одъ Успенскои церкви спиткалысь зъ намы. Попередъ кобзаревои домовыны йшлы попы, потимъ хресты зъ орламы, а попередъ пуста червона коробка застаршинувала, и процесія зробылась такою пышною, шо й самъ блескучій Петербургъ не бачивъ такого дыва. Хто не бачивъ сёго дыва, то ей Богу, такъ, якъ и я, подумавъ бы, шо двохъ мертвецивъ ховають разомъ. То, бачите, тутешній звычай такій мищанській. Та це ще ничого, шо одна коробка выпала на нашу долю, а то бува якъ ховають якого дуку, то иде стилько коробокъ, скилько е цехивъ въ городи; бачите—кожный цехъ ма свою коробку, и якъ протянуця одна за другою, то смило укрыють гиръ дви або тры однымы коробкамы й червонымы, й зеленымы, й сынимы, й жовтымы, и всякимы та ажъ потимъ уже несуть настоящу домовыну зъ мертвецемъ; цёго звычаю хто не зна, то ей Богу, подумае, шо громада ховае цилу громаду, и побоитця пидійты, подумае, шо чума передушила стилько народу.

Передъ входомъ въ цвинтарь процессія остановылась служить литію. Тутъ одынъ изъ Кіевсько-Университетскои громады, сопутствующей Кобзареви до Канева, выступывъ до гробу и ска-

---

[1]) Мих. Ал. Максимовичъ пріѣзжалъ съ своей Михайловой Горы на похороны Т. Г. Ш—ка.

завъ щире сердечне слово Батькови Тарасови; це дуже-дуже подобалось Канивськои громади цеховій. Узнавши, шо я йиду при тили Тарасовимъ, кинулысь до мене и усердно просылы, шобъ я давъ имъ на памьять Батька Тараса те, шо оце читалы „бо намъ такъ подобалось, шо й сказать не можна, якъ то хороше". Я сказавъ: „просить у того, шо читавъ, а у мене нема". Поставылы гробъ у церкви, одслужилы паныхиду й вечерню, тай потяглы шукать прыстаныща. Найшлы, повистылы громаду нашу, котра зоставалась у цвинтари, зійшлысь, я й кажу: „напьемось, браты, чаю, та ляжемъ спать, шобъ завтра якъ можна рано встать, та пойидемо обирать мисто для новои хаты кобзареви". А мени й кажуть, шо вже мисце обибране. А я: „та воно добре, шо обибране, алежъ треба усимъ укупи обибрать, роздывывшись та посовитувавшись". Кажуть: „та мы бачилы вже—мисце добре; а вы хиба не бачилы"?—„Та колыжъ мени бачить? тилько шо прыйихали, уже й бачить! я ще й горы тіеи не знаю, де вона, на котрій будемъ ховать". А воны: „якъ то не бачилы? адже вы булы коло церкви, то повынни бачить, бо коло церкви жъ будуть ховать Тараса. Уже, кажуть, договорылы й гробокопателивъ за десять карбованцивъ, и воны пишлы за заступамы, шобъ яму копать. Я заразъ побигъ у цвинтарь, пытаюсь, а мени й мисце показують, де яму копать. Я объявывъ народу, шо воля покойного була така: поховать его на тій земли, де винъ дуже бажавъ поселыця при жизни своій, и нихто не мае права закопать его тамъ, де винъ не хотивъ. Народъ одностайне заговорывъ, шо яка воля покойного була, то такъ треба й робыть. Це мене ободрыло трошки, я найшовъ сынивъ Варѳоломея Шевченка, воны зналы про се, шо батько хоче поховать Тараса коло церкви, и тривожно поглядалы на мене, а я репетувавъ свое и спытавъ ихъ: „чи правда, шо вашь батько хоче закопать коло церкви Тараса"?—Правда.—„А хто-жъ ему натуркавъ оце въ голову? Я жъ ему объявлявъ задушевную волю покойного и бажання нашои Украинскои-Петербугскои громады."—Мы сёго не знаемъ; батько казавъ, шобъ отъ на цимъ мисти яму копалы". „А де батько? шукайте его". А я тожъ пишовъ розглядать его помижъ народомъ. Народу була сыла велыка. Выйшовъ я за цвин-

тарь, колы дывлюсь—Варооломей бижить до мене зъ дитьми, стреноженый й каже: „друже мій, чи вы оте мисце бачили, де я хочу поховать Тараса? ось подывиця, якъ тутъ гарно: и гора высока, и Днипро блызько, и Боже мій якъ то хороше; а таменьки за оградою купымъ мисце тай школу поставымо. Ось подывиця, якъ добре буде. А школа буде у его пидъ самымъ бокомъ".—„Якъ бы воно добре не було, то все добре тилько по нашому, а мы давайте добре робыть по Тарасовому, якъ бажала его душа безсмертна, то тоди ще краще зробымо и добре буде. Бо якъ начнемъ порядкувать по своему, то душа Тарасова и потомство козацьке, чтуще памьять его святу, буде клясты насъ, поки свита сонця и грихъ нашъ буде неокупный. А давайте лышень, Варооломей Григоровычъ, поховаемъ Тараса подальше одъ церкви, а якъ що вамъ хочеця безпреминно коло церкви, то й тамъ можна буде поставыть церковь Тарасову, хоть манесеньку. Може у васъ нема грошей чимъ орудовать, возьмить моихъ тридцять карбованцивъ, а потимъ оддасте". А Варооломей: „якъ будемъ тамъ ховать, то ще й завтра не управымся зъ цимъ диломъ, а у мене кожна мынута время дорога, я вже й такъ, якъ недиля рушивъ зъ дому". Я натякнувъ, шо якъ бува николы вамъ, то мы й сами поховаемо; покажить тилько мисце, де ота гора, а вы зъ Богомъ йидьте.—Варооломей пиддався: „ну, добре, каже, такъ завтра пойидемо обирать мисто, а тимъ часомъ ходимъ поговорымъ съ цехамы, шо возьмуть зъ насъ, шо выкопають могилу". Цехари, недовго думавши, запалылы зъ насъ *сто карбованцивъ*. „А шо, Григорій Мыколаевычъ, яка у васъ думка отъ про се дило"? каже мени Варооломей. А я ему: „у мене зовсимъ немае ніякои думки въ голови, а просто завтра вранци достанемо заступивъ та лопатъ, пойидемъ вкупи зъ Кіевскою Громадою, та збудуемо своимы рукамы нашому Батькови хату". Тоди Варооломей, не сказавши мени ничого, повернувся до цехаривъ и каже имъ: „идить вы соби до чорта, а зъ нымъ до самого старшого сатаны на пораду, а мы, пане Грицьку, ходимъ съ тобою та напьемося чаю, то чи не буде лышень краще". На другій день, у вивторокъ, 9-го мая уранци пишлы до Днипра, наналы човенъ, силы й пойихалы Дни-

промъ по надъ крутымы берегамы. Дойихалы до горы, на велыку сылу зибралысь на неи, роздывылысь; я показавъ мисце, де, по моему бъ, прыходылось робыть Тарасови новый будынокъ, спытавъ громады: чи согласни на те? Громада въ одынъ голосъ— „согласни!" И началась робота. Выкопалы яму, а каменщики солдаты вымуровалы кирпичный зводъ и на третій день, у середу 10 мая, въ тры часа пополудни, отправылысь въ церковь, одслужилы якъ слидуе по закону, що було треба, потимъ протоіерей промовывъ, спасыби ему, въ церкви до Батька Тараса прощальне слово: „Ты, каже, брате нашъ о Христѣ, Тарасе, настоящій щирый Батько свого Украинського люду, ты першій заступывсь за ридне слово Украинського народу въ солдацькіі шинели, у тяжкій неволи, далеко на чужини, не перестававъ болить серцемъ за людъ свій и его слово! Миръ ти, Тарасе!"

Потимъ вынеслы гробъ, поставылы на козацькій визъ, накрылы червоною китайкою, а замись воливъ впрягся людъ хрещеный и повезлы, якъ слидъ, диты свого батька, повернувшого зъ далекого краю до свого дому. Якъ рушилы одъ церкви, то везлы парубоцтво, чоловики и наша кіевська громада. Я давай ходыты помижъ дивчаткамы и диткамы малымы, шобъ и воны прыставалы до купы, „бо вы жъ, кажу, для Тараса однакови булы люби, якъ парубки, жинки, диды и бабы, то берицця уси вкупи везты"; дивчатка усмихалысь, соромылысь, отговорювалысь, шо и такъ багацько везуть безъ насъ. „Багацько, та не вы, а то треба, шобъ и вашу працю Богъ побачивъ". Повезлы Кобзаря тіею дорогою, видкиль йихалы по-надъ Днипромъ; въ однимъ мисти треба було зовсимъ звернуть зъ теи дороги на праву руку. Дорога йшла горамы въ лисъ; тутъ треба було обйихать сажнивъ пивтораста у бикъ потикомъ (де малесенька водыця протикае изъ джерелъ; называецця потикомъ). Людъ и каже мени: „ходимте, паничу, зъ намы, тутъ прямійша дорога, мы ихъ переженемо, а то дуже далеко останемся сзаду; бачите, яка улычка тисна, не протовпымось". Бачу, шо правда: „ходимъ", кажу. Тутъ скажу ось що. Якъ тильки ступывъ я першій шагъ на Канивську землю, то заразъ познакомывсь зъ людомъ. „Здорови булы, люде добри! Здоровеньки, дивчатка!"

Здрастуйте!—„А шо, чи сегодня празныкъ якій чи що, шо вы гуляете“?—Ни, празныка нема ніякого, а чулы, шо сюда прывезуть оцёго пана, шо прывезлы, такъ оце стоимо й дожидаемось.—„А хто жъ вамъ сказавъ, шо ёго прывезуть?—Та тутъ увесь людъ про се говоре; у насъ давно чутка йде, шо ёго прывезуть, ще казалы въ пистъ або на велыкодныхъ святкахъ прывезуть, але жъ не було; а учора казалы, шо сёгодня безпреминно буде, такъ мы й выйшлы подывыця“.—„И добре зробылы, спасыби вамъ; такъ уже колы прыйшлы назустричъ, то проводьте вже ажъ до церкви, якъ слидъ диткамъ почтыть памьять Батька.—„Та мы жъ оце туда йдемо“.—Добре, ходимте у купщи, ходимте—и потяглы за возомъ. Я йшовъ зъ людомъ, розсказувавъ имъ, шо оце за чоловикъ Тарасъ, просывъ ихъ, шобъ воны не звалы его паномъ, а звалы батькомъ Тарасомъ. Дійшлы до слобидки; я роздавъ дивчаткамъ по квиточци зъ Тарасовои петербургскои могилы на памьять, и третья доля канивського люду була уже знакома зо мною. На такій ладъ робывъ я скризь, де пройихалы зъ Тарасомъ, одъ Петербурга и до самисинького Канева. Такъ ось чого людъ коло мене ходывъ роемъ: ему хотилось слова, а я не скупывся на цей товаръ. Тараса скризь прыймалы то за полковныка, то за генерала. „Люде добри! Богъ зна, за вищо оце одъ васъ така зневага на простого крепака Тараса“—якъ гримъ трищало въ ушахъ хрещеного люду. Повезлы Тараса унызъ на потикъ, а я пишовъ напростець горою зъ людомъ, побачивъ маленького та гарненького хлопчика и кажу ему: „Ты жъ таки якъ козакъ добрый, то тоби зовсимъ не слидовало-бъ отутъ плентаця помижъ жинкамы та дивчатамы, а пишовъ бы ты прыставъ до козацькои громады, шо везуть батька Тараса, та помигъ бы козацькому батькови за сонця доплестысь до дому, та якъ звычайный козакъ, той дивчатъ пидмовывъ бы до помоги“. Колы це пидходе до мене молодыця въ червонимъ платку повьязана и пытаеця мене: „паничу, а скажить, будьте ласка: „чи то жъ воно подобае женьскому полу мишаця въ оце дило?“ А я ій—що нема ничого найкращого, найподобнійшого, якъ усимъ диткамъ у купи, и женському и мужському полови, одъ малого й до старого, почтыть памьять Батька

Тараса, бо винъ бувъ усимъ диткамъ Украины батько и кохавъ усихъ однаково, якъ мужській, такъ и женській полъ. Молодычка одійшла одъ мене, а я забалакавсь зъ хрещенымъ людомъ и оперeдывъ саженивъ на сто кобзаривъ пойиздъ, йшовшій мижъ горамы потикомъ; мени було выдно за садамы тилько верхи короговъ. Я спустывся зъ людомъ унызъ, перейшлы потикъ, и я пиднявсь трошки пидъ другу гору, видкиль стало выдно, якъ на долони, весь кобзаривъ пойиздъ. Колы дывлюсь—якъ макова нывa зацвила коло кобзаревои домовыны, а сама домовына якъ найбильша макивка красуеця посередь велыкои нывы: все дивочки, якъ квиточки, а дивчата, якъ макивки, облавылы густою батовою й везуть визъ Тарасивъ, а жиночки позадъ воза помогають и ни одноu мужськои души нема, не тильки въ вози, а и блызько коло воза. У мене навернулысь въ очахъ слёзы одъ такого дыва, и я пишовъ назустричъ и сказавъ: „Велыке вамъ спасыби, батькивськи дочки, хай вамъ Богъ счастлывыть за оцю услугу и помога на все добре въ жизни". Було дивочимъ отвитомъ: „мы думалы, панычу, шо вы шуткуете; а якъ бы сказалы, мы бъ одъ самои церкви повезлы, а теперъ уже никому не дамо везты, ажъ до самои могилы довеземо". Молодыця въ червонимъ платку була стара дивка—старшинецъ надъ дивкамы, и якъ допыталась у мене правды, шо не жартую, заразъ загадала дивчатамъ везты Тараса. А ще тилько одийихалы одъ города зъ верству. Окрестъ Канева нема ни одного мисця ривного, навить на двадцять сажень, усе горы, та горы поросши лисомъ, и прыходыця, чи йты, чи йихать зъ горы у пызъ, а зъ пызу на гору отакою дорогою. Люби Канивськи дивчата везлы батька Украины добрыхъ верстовъ зъ висимъ або и усихъ десять, бо треба було далеко, далеко кругомъ обйизжать лисомъ, бо таки гори усе, шо зъ велыкимъ трудомъ зійдешъ пихтурою, а йихать нема и въ помыни. Верстовъ зо дви одъ Канева у ту сторону, де мы йихалы зъ Кобзаремъ, нема густого лису,—уже сплюндрованый: такъ, де та де, стоять дубы поростыкани, та кущамы росте молодый лисъ, а потимъ начинаеця густый молодый лисъ. Которы дивчата не малы де прытулыця до Кобзаревого воза, напалы на лисъ и давай ломать виты и устылать дорогу Кобзареви.

Якъ побачила те уся челядь, и мале й велыке, якъ кинуця на лисъ—затрищавъ сердешный якъ одъ доброго пожару; покрылась Кобзарева дорога зеленымы витамы, якъ зеленымъ килымомъ заслана. Ажъ серце млило одъ такого дыва, наче яка комашня зъ Божого неба залетила мени пидъ саму шкуру и козака витанцёвувала,—такъ було любо, радисно та весело дывыця на дивоцьку, славну потугу. Таки картыны, таки картыны, шо ніяка голова чоловича не вымизкуе такои чудасіи, и любый, безсмертный нашъ Тарасъ не подасть Богови жалобу на людъ козачій, не скаже, шо винъ усю жизнь вештався мижъ татарамы, бо хоть коло его домовыны запахло чоловичимъ духомъ. Якъ везлы, то попередъ усіеи процессіи неслы патретъ Кобзаривъ, и увесь людъ до малои дытыны бачилы, якій винъ бувъ живымъ. Якъ прывезлы до гробу, то знялы домовыну зъ воза и началы знову одправу попы, а патретъ поставылы высоко на груши, у головахъ домовыны. Кончилы попы, заразъ начала кіевська наша братія въ остание прывитне и прощальне слово Кобзареви. Такихъ було чотыри чоловика; одынъ державъ слово отъ Билоруськои народности; а кончивъ пипъ, отецъ Өеодосій, цей уже пьятый. Опустылы биле тило въ гробъ и начавъ народъ росходыця. Попивъ угощалы то вынамы, то ромамы и чаемъ. Потимъ я пидійшовъ зъ громадою до попивъ и поблагодарывъ ихъ одъ усіеи громадоньки нашои за те, що воны держалы значне слово нашому любому Кобзареви. Попы дуже булы рады нашому прывитанню, повставалы зъ травы и перецилувалысь зо всею нашею громадою. Потимъ мы повечерялы и розійшлысь, а де-котри осталысь ночувать на Тарасовій гори, и усю ничъ огныще горило, наче гайдамацтво ночувало въ лиси зъ свяченымы. Оце жъ вамъ, щири браты Украинци, розсказавъ, якъ зъумивъ, якъ и шо було, по своимъ сыламъ и знанню.

Щирый до Васъ Г. Честаховській.

Канівъ 20 Іюня 1861 года.

VI.

1-е Іюля 1861 года Каневъ.

Федоръ Ивановичъ!

Ще не мавши одъ Васъ ніякои вистоньки зъ Петербурга, я говорывъ зъ Варфоломеемъ Грыгоровычемъ про землю, на которій полягъ спочить Батько. Винъ получивъ лыстъ отъ другого нашого Батька *Пантелеймона*; той пысавъ Варѳоломееви, шо землю купе Черненко и шобъ на его имя и купчу запысать, и шо Черненко и гроши заплате.

А Варѳоломей казавъ мени, шо чи не можно бъ запысать купчу на землю на ёго имя, бо мени, каже, якъ братови Тараса, кажеця, якось нибы бильше прыстало бъ, нижъ другому якому чоловикови. Я одповидавъ ему, шо я не можу рышить сёго дила ни такъ ни сякъ, а напышить, кажу, до Федора Ивановича и до Пантелеймона Александровича, хай воны зъ Громадою подумають, якъ заблагорозсудять.

Моя думка така, нехай Варѳоломей объясныть Вамъ, чого винъ бажа, шобъ на ёго, а не на ваше имя, була запысана купча, тоди помиркуете зъ Громадою и побачите, шо треба робыть.

28 іюня я йиздывъ въ Корсунь, за 50 верстъ одъ Канева. Бачите, ясносвитлійшій Лопухинъ бувъ мынынныкъ; туда коженъ годъ у се время йизде и Канивське, и друге панство, — отъ и мене пидмовылы, и я потаскався зъ людьмы. Тутъ гарна церковь; въ канастаси е Шебуевськи образа. Бачивъ ясносвитлійшаго здоровенного дидугу Лопухина въ церкви.

Вертавшись изъ Корсуня (я тильки бувъ тамъ одынъ день), роспытавсь, по як ихъ мистахъ ходывъ Тарасъ, будучи у Корсуни, пройшовъ по ёго слидахъ тропки, посыдивъ на тихъ скелях, де винъ одпочивавъ, тай потягся до Канева. Любувавсь на ланы широкополіи; хлиба, Боже мылый, яки хороши,—рай тай годи! Тилько по якихъ мистахъ е багацько сараны, такъ шо ажъ муравьи по за шкурою тнуть, якъ подывыся (Тарасове: „Ажъ страхъ, ажъ сумно!“ якъ разъ пидходе до сего несчастя). Данылу Семеновычу скажить, шо я получивъ кобзареви кныжки, патреты и брошюрки въ исправности и дякую ёму дуже шо ихъ прыславъ, та

ще прошу его, якъ можна, то нехай якъ мога бильше прышле брошюрокъ для продажи, я ще тутъ проживу може зъ мисяць и якъ не продамъ, то оставлю у попа Өеодосія, той продасть и гроши прышле, а може ще и я успію продать; та якъ мога бильше усякихъ: и Хмельныщины, и Кобылы Сирои и Пидбрехача и усихъ, усихъ, яки тилько е у его, и писень. Глядить же, я буду ждать.

Легенды народа про Тараса: Ни, теперъ уже пуста домовына, а винъ у печеряхъ у Кіеви перевернувся въ мощи. А то винъ йиде на митли (комета); кажуть, шо усихъ панивъ передуше, а таки насъ одстоить зъ-пидъ неволи. Ни, винъ не вмеръ, тильки народъ морочать пустою домовыною, а винъ самъ ходе живисинькій помижъ народомъ, кажуть его бачилы, шо прыйшовъ до корчмы, купывъ горилки, самъ выпывъ дви чарки та ще почастувавъ жинку й чоловика и проч. Про мене отъ якъ розсказують: якъ живъ Тарасъ, то оцей чоловикъ точнисинько иде по его слиду. Це якійсь пророкъ, бо, кажуть, бачилы его чи у Хмильній, чи якійсь другій слободи, шо нисъ на соби превелыченный хрестъ сажнивъ зъ двадцять, а писля взявъ тай почепывъ соби на груди, и хочъ бы винъ самъ и не прызнавався людямъ, шо пророкъ, то таки такъ выдно, шо се шось не просте. Про легенды я ще вамъ напышу, це ще не все. Прошу Дан. Семен. шобъ не гнивавсь, шо до его не пышу; мени якъ пысать, то день терять.

Помищикъ Кіевськои губерніи Парчевській прыйиздывъ до справныка и казавъ, шо якъ попадеця на мойій земли оцей шо прывизъ Шевченка, то препроводю его до васъ якъ бунтовщика и возмутытеля. Отакій ляхъ! а я зовсимъ не говорю ничого возмутытельного. Имъ досадно, ляхамъ, шо мы, будучи чиновни особы, и за панибрата зъ простымъ селяныномъ обходымось, то за це на ляхахъ ажъ шкура ихъ репаеця. Громада Кіевського Университета, провожавша до Канева тило Тарасове, уся була одягнута въ билыхъ козацькихъ сорочкахъ вымережаныхъ заполоччу, въ шароварахъ, свыткахъ, пидперезаныхъ червоными поясамы и смушевыхъ шапкахъ, а въ голови—зъ братськоюдумкою, та люби та щири въ обхожденіи зъ народомъ якъ ридни браты, якъ диты одного батька и однои матери, то паны, глядя на такій но-

вый братській ладъ, якъ-бы моглы огнемъ выпалылы молоде поколиня братськои семьи Украинського люду.

Сердечно благодарю за гроши, шо прыслалы; я получивъ 54 карбованци. Кланяюсь усій нашій Громадовьци Украинській и дуже буду жалкувать, шо не маю сылъ выповныть іи волю. Я якъ прыймавсь за дило робыть Тарасови могилу, то у мене була така думка, шо це буде временна могила, шобъ тилько дать яко мога кращій выдъ, то й затіявъ таку могилу, думаю шо якъ будуть ставыть памятныкъ, то іи рознесуть геть, и такъ народови объявывъ, котри робылы, що другу насыплють могилу круглу. А якъ бувъ у Корсуни, то говорывъ Вареоломееви, шо якъ буде ставыть хрестъ чугунный, высокій, то тамъ, де теперъ стоить хрестъ у головахъ, начавъ бы выводыть каменный стовпъ, на котримъ укрипывъ бы хрестъ, та зъ другого боку прыбавывъ бы стилько могилы, скилько теперъ е, та й насыпавъ бы круглу могилу. Отъ яка моя думка, а поки ще нехай буде такъ, бо дуже багацько время займа, такъ шо не успію ничого и намалювать для себе.

Попросить Данила Семеновыча, нехай передасть Билозерскому Василію Мих., чи не може винъ подарувать попови *Осиову* за годъ, а на будущій годъ винъ буде выпысувать уже за гроши.

Честаховській.

Посписувавъ уси лысты, а ще таки хочетця сказать. До мене прыходыть бытый людъ помищичій, я дывлюсь на его малевану спыну,—серце рвеця, а шо я зроблю? и бодай языкъ не родывся, щобъ казать нымъ отаке слово гирко обиженному людови, „шо якъ я взявся бъ тоби шо небудь помогты, то мене тутешне панство опыше, якъ бунтовщика и возмутытеля народного, и тилько запышу для себе якъ то було, тай тимъ и покинчаю, и бидолаха бытый здвыгне плечима и я здвыгну плечима, та тимъ и закинчаемъ панську роботу. Якъ мы прыйихалы въ Каневъ съ Тарасомъ, то тутъ уже сыдивъ одынъ студентъ Кіевського Университета, покинувшій Университетъ и пишовшій служить народови, зробывся пысаремъ въ деревни Дударяхъ въ 20 верстахъ отъ Канева.

Мы бралы его изъ тюрмы на поруки, простыця съ Тарасомъ въ церкви, а до могилы не пустылы. Отаке то! Прощайте.

1-е Іюля 1861 года Каневъ.

Прочитайте Основу: якій то чортяка удовбавъ въ голову *Мордовцеву*, шо нашъ народъ, писля кути и взвару проты Риздва, прыймаеця куделю прясты на гребни, а на двори фуга та метиль мете; треба бъ було ему ще додать, шо гримъ гремыть и блыскавка блыска, а веретена зюрчать. Оце чортовщина яка!

Скажить Василію Михайловичу Билозерскому, нехай вышле всю Основу съ 1-го Генваря 1861 года въ Каневъ на имя Ивана Лаврентьевича Прохоровича и напыше, шо стоить, то грошы прышлють.

Прочитайте 22 № Сына Отечества 28 мая о погребеніи Тараса въ Кириловкѣ, имѣніи Фліорковского, та скажить ему, шо винъ брехунъ.

VII.

15 іюля.

Федоръ Ивановичъ и люба Громадонько!

Громадськи двадцять-пять карбованцивъ я получивъ въ четвергъ 7-го Іюля и заразъ накупывъ усякой всячины, трохи не ввесь канивській базарь закупывъ.

Въ субботу 8 Іюля святылы попы Тарасову могилу и правылы панахиду. Зъ самого ранку людъ почавъ сходыця на „Тарасову гору“ (такъ іи теперъ называють) и до пивъ дня зибралось мыра стилько, шо вкрылы всю гору. Въ часъ полудня началы панахиду и якъ кончилы, то попы й мыръ хрещеный пишлы у Пекарській лисъ, за пивторы верствы одъ Тарасовои могилы, тамъ було симъ видеръ дешевои горилки, по 1 р. 40 к. сер. видро, и варена страва. З першу далы мырови, за попивськимъ благословеніемъ, *коливо*, а потимъ рыбу варену й печену, борщъ зъ поросятыною, печеню, локшину и взваръ, та ще й додалы, якъ ведеця мижъ хрещенымъ людомъ, по чарци варенои. Несподи-

вано выйшло такъ гарно, шо бильше й бажать не можна. Обидало мыра до чотырехъ сотъ съ половыною и було для всихъ вдоволь и выпыть, и пообидать, бо багацько було такого люду, шо якъ почулы, шо „Грыцько“ дае обидъ на вишный помынокъ Батька Тараса, то понаготовлювалы всякои всячины й попрывозылы зъ собою, а де котри варылы й пеклы у лиси, тамъ, де й нашъ обидъ готувавсь, и горилки, пыва, меду, черешень, поричкивъ суныцъ (суныци—лисова ягода зъ породы полуныцъ) и огиркивъ и стрючкивъ, и Боже мій—чого тамъ не було! Народъ дуже бувъ довольный; та, мабуть, и Батько Тарасъ, поглядаючи изъ-за хмары, розглажувавъ вуса й тилько слынку ковтавъ, плямкаючи, якъ хрещеный уконтентувавсь на вишню его памьятку. Обидъ бувъ у густыхъ пущахъ, за пивтораста ступнивъ одъ Днипра, на славній лощини, пидъ самисинькою горою, мае названя *Городокъ*, мабуть одъ Гайдамацькихъ трехъ городкивъ, выкопаныхъ на сій гори. Верхъ сеи горы буде выщый пьятинбурського Ісакія, и вся поросла густымъ старымъ лисомъ. Отъ у такимъ то мы раю помыналы Тарасову козацьку душу. Боже ты мій, Господы! якъ було любо та гарно у сей день святый, шо „ажъ, ажъ, ажъ“!—якъ мовлявъ було батько Тарасъ.

Про Тараса знае вся крепацька Украина, шо винъ бувъ ій Батькомъ заступныкомъ, шо винъ улягся коло Канева. Прыходять люде зъ слобидъ вклоныця его могили. Я часто застаю коло могилы простыхъ слобожанъ: стоять знявши шапки, пидпершись на ципки зъ клуночкамы за плечима, и дывляця на могилу такъ, шо я ще ни разу на своимъ вику не бачивъ такого щирого, тыхого, умыленного погляду людського, нибы у сій могили закопалась остання надія ихъ на лучу долю. Бо паны ляхи кажуть: уже вашу волю закопалы у землю, то не диждете буты на воли; воля ваша здохла и іи якъ стерво вонюче закопалы коло Канева. А шо, хотилось вамъ буть вольнымы,—отъ ваша й воля! На панахиди булы слобожане изъ-за Мошенъ, за тры дни ходу до Тарасовои могилы. Де хожу, шо говорю зъ хрещенымы—очей не зводять: кожне слово нибы зъ неба падае имъ якою-сь благодатною отрадою въ серце. Якъ правылы панахиду, то я стоявъ соби похило, а коло мене Лазаревского Иванъ,

и роздумувавъ: де то наша люба Громадонька? шо коженъ изъ ныхъ діе й де повертаеця? Чи знають, чи видають, шо мы въ оцей часъ цилою Украиною чтымо святу памьять нашого дорогого Батька Тараса и шо ихъ свята жертва зибрала сюда людъ хрещеный для святого дила.

У субботу, въ начали девятого часу, бувъ Мыхайло Матвіевичъ Лазаревській коло Тарасовои могилы и дуже жалкувавъ, шо Тараса не закопалы въ Кіеви. Про се буде рахувать потомство—хто помыляеця, а на мою просту думку здается, шо кожна душа щира козача буде радуваця, шо Тарасъ биля Канева похованый, а не у Кіеви. Я якъ выйду отъ на ту гору та якъ окину очима навкруги ажъ до Переяслова, то ей же Богу наче въ моихъ грудяхъ вся будуща Украина, зо всимы своимы найпизнійшимы потомкамы, зъ усіеи сылы гарцюе та радисно выспивуе, шо Батька Тараса поховалы на простори, де легенька хмара перелитае та птыця щебече на воли. Буйнесенькій витеръ та тыхая Украинська думка буде витать кругъ его домовыны. Хотилось бы, шобъ на ту пору душа зъ мене вылетила и простягты копыта на Тарасовій вольній земли. Теперъ я нездужаю и думаю: отъ якъ бы то Богъ змылосердывся та не вернуця въ Петенбурхъ, шобъ тутъ и закопалы,—тоди бувъ бы я самый настоящій козакъ запорожського заповиту. Граматки 50 штукъ отъ Федора Ивановыча получени, трыдцять отдано попови, а двадцять народови, воны дуже нуждаюця у сему. Ото шо получени отъ дорогого Даныла Семеновыча брошюри, то якъ каця зъ неба упала на засыхающій отъ жары языкъ народа. Изъ слобидъ прыходять и пытаюця, чи нема ще,—мы бъ купылы.

Я пысавъ, шобъ прысылалы якъ мога скорише усякихъ кныжечокъ; тутъ можна продавать на базари, народъ дуже хапаеця за кныжки. Якъ буду йихать до Петенбурху, то оставлю на базари у лавочци на такимъ слови, якъ бажа Данылo Семеновычъ; я вже говорывъ объ цимъ и прыймають зъ радостю.

Мих. Матв. Лазаревскій пойихавъ у суботу въ симъ часивъ вечера въ Корсунь до Варѳоломея. Клыкавъ мене зъ собою, я не пойихавъ, бо дуже перепекло мене сонцемъ на роботи коло Тарасовои могилы и теперъ, якъ розвареный, не можу ничого ро-

быть. У недилю 9-го Іюля прыйиздывъ у Каневъ изъ Корсуня Вареоломіевъ сынъ Каленикъ тарантасомъ за Чалымъ. Чалый у Кіеви инспекторомъ 2-й гимназіи; винъ ийхавъ изъ Кіева зъ жинкою на пароходи до Канева, сыдивъ довго на Тарасовій гори и дуже жалкувавъ, шо мене не бачивъ; я бувъ за Днипромъ у Келеберди, а якъ прыйихавъ до дому, то заставъ визитну карточку одъ Чалого зъ жинкою. Чалый—це душа дуже щира й тепла; я думаю, вы знакоми зъ нымъ по его слову надъ Тарасовою домовыною.

Учора 14 Іюля прыйихавъ изъ Кереливки Тарасивъ братъ Мыкита; винъ казавъ, шо у недилю у вечери бувъ у ныхъ у Кереливци Мыхайло Матвіевичъ и, поговорывши де що, пойихавъ упьять, здается на Умань чи що. Кереливка за 26 верстовъ по той бикъ Корсуня, значить одъ Канева за 76 верстовъ.

Мыкита каже, шо у недилю, 16-го Іюля, Вареоломей самъ прывезе Чалого у Каневъ до парохода. Якъ прыйихавъ Мыкита до Тарасовои могилы, то заставъ тамъ двохъ попивъ, одну попадю, діакона и военного поручика зъ Мыхайливки, верстовъ за 15 ть одъ Тараса. Пипъ и діаконъ зъ Хмильнои, а другій пипъ зъ Межиричи. Ишовъ великій дощъ, а попамъ и гадки нема, имъ про те байдуже; напьяли пидъ ясеномъ палатку, поставылы самоваръ видеръ зъ трое завбильшки, навезлы гориляча, закуски та цилисинькій день и пробайдыкувалы. У вечери запалылы велыку купу багатя, та до пивъ ночи усе служилы панахиды. Оце пьють та йидять, та повылизають на могилу уси та якъ начнуть правыть панахиду, то Боже мій, якъ то хороше иде луна по лиси и по всему Монастырыщу (слобидка коло Тарасовои горы. Голоса усе молоди та хороши, самому старшому попови тилько 29 годъ, а ти вси далеко молодчи одъ его, и попадя зъ ными спивала, то ей же Богу, ридко пошукать такои пивчеськои. Оце одправлять панахиду, та давай спивать козацьки стародавни писни. А якъ бажалы побачить Грыця: сто карбованцивъ не гроши, тилько достань Грыця, того, шо прывизъ Тараса. А Мыкита и каже: „нездужа," а то бъ прывизъ бы его вамъ". Дуже жалкувалы. Десять панахидъ одслужилы, та уже почало на свитъ займаця, якъ пойихалы до дому.

Пекари имѣніе Царчевского, котрый збираеця піймать мене на своїй земли, звязать яко возмутытеля народного и представыть по команди въ городъ Каневъ.

Якійсь *ляхъ* Шаманскій прыйшовъ до сотныка Пекарского Опанаса, тай й каже ему: „а покажи мени, будь ласковъ, свое ружо, я куплю у тебе". Опанасъ пишовъ у комору за ружомъ, а *ляхъ* за нымъ; побачивъ дви кныжечки на полыци, узявъ ихъ тай заховавъ за халяву у чобитъ. Опанасъ просывъ, шобъ виддавъ, а *ляхъ* отговорювавсь, пославъ за горилкою тай давай напувать Опанаса поты, поки Опанасъ таки гарненько пидобравъ, тоди *ляхъ* знявся тай потягъ. Опанасови байдуже, а Опанасова жинка до *ляха*: виддай кныжечки! А винъ не оглядаеця. Тоди Опанасыха, не будучи дурною, кинулась до ятривки, а зъ ятривкою до третёи жинки сусидки, черезъ дорогу, та крыкнулы на Опанаса, той пробуркавсь та побиглы наганять, нагналы ляха, обаранылы зъ усихъ чотырехъ бокивъ; *ляхъ* не оддававъ, тоди воны взялыся за его щирише та повалылы й поотнималы кныжечки. Понеслы до попа; пипъ, прочитавши ихъ, и каже: прыйдить до мене у суботу чоловикъ зъ шисть, я прочитаю вамъ усимъ, шобъ вы почулы у купи, шо тутъ напысано. Тоди вы пидить до того *ляха* та нехай винъ прочитае изъ вашихъ рукъ, а въ его руки не давайте, нехай не оскверняе цихъ кныжечокъ своимы поганымы рукамы. Кныжечки булы: „Тарасова ничъ" и „Псалмы Давыдови". Якъ бувъ обидъ у суботу, то я при всему народови заставывъ Опанасову жинку, якъ шо було, розсказать попамъ. Якъ розсказала, пиднявся регитъ на ввесь лисъ.—А я подякувавъ ій та ще й поцилувавъ за те, шо добре управылась зъ ляхомъ. Боже мій! якій нашъ народъ добрый та благонравный! Якъ прыведе кого Богъ буты въ Украини, то сами побачите, шо це правда. Якій складъ, яка походка у жинокъ и чоловикивъ—не можна очей одирвать, такъ гарно, прыгоже. Це якась орлына порода людей, а чистота въ серци и добродушіе—плакать хочеця!

Изъ мого лыста вы вже знаете народну легенду, шо Тарасъ не вмеръ и шо бачилы его, якъ купывъ у Пластунци го-

рилочки и почаступавъ чоловика и молодычку. Сегодня я, йшовши на Тарасову гору, зайшовъ до жида Ёски, коло Тарасовои горы, взять горилки та почастувать Мыкиту Шевченка та ще хто трапыця; колы дывлюсь, ажъ Мыкита вже тамъ кружае съ рыбалками, а часъ бувъ сёмый ранкомъ. Ёська пидходыть до мене: „панычу, дывиця,—якъ на мени и доси тило тремтыть. Якъ бы вы зналы, якъ я сёгодня у ночи переляkався, то Богъ мене накажи; мало не упавъ мертвый на доливку. У саму пивничъ хтось стукаеця въ двери:—одчины! Я й кажу: иды до викна, шо тоби треба?—Дай горилки, будь ласка!—Я одсунувъ викно й пытаюсь: „а хто ты такій?"—„Шевченко"! Я якъ крыкну зъ усіеи сылы: а ну-ну, якій ты! ой вей-миръ,—и жинка й диты до смерти попереляkувалысь; то якъ бы винъ не сказавъ: чого ты кричишъ? я Шевченко, старшій братъ того, шо на гори захованый",—то ей Богу й не знаю, шо й було-бъ зъ намы".—Мыкита гулявъ зъ попамы, та якъ вицидылы горилочку, то винъ пишовъ до жида о пивъ-ночи.

Мабудь, писемъ уже не прысылайте до мене, бо въ кинци мисяця поверну въ Петенбурхъ. Оце заразъ прыйшлы люде зъ Хрещатыка, душъ шисть: чотыри жиночки и два чоловика, прыйшлы на поклоненіе Тарасови и зайшлы мене побачить.

Будьте ласкави, попросить Василія Тимофеевича Новицкого, шобъ вислалы мени отсрочку отпуска на тры або на чотыры мисяци, якъ ще не высылали, а якъ выслали то ничого й казать.

Якъ шо губернаторъ заарештуе мене, то треба жъ таки выдъ маты и сыдячи въ тюрми; а якъ найде це дило неважнымъ та выпроваде до Петербургу, то выдъ все таки не помишае,—его прышлють назадъ, якъ бува мене въ Каневи не застане. Хочъ це дило, по моему, для малыхъ дитей годне, але беруця за его велыки пани, то ще шобъ не прыйшлось изъ-за мухи—слона зазимувать у Каневи. Та глядить, шобъ изъ-за цего не выключилы изъ Капитула, бо я ни на волосокъ невыненъ, а тилки не можна було цего обійти, бо попавъ мижъ вовкивъ, то трудно було вывернуця, шобъ не укусылы.

Зъ будущею поштою напышу, колы рушу до дому, до Громады. Прощайте.

Честаховскій.

Александръ Матвѣевичъ[1])! прочитайте оце пысьмо и будь ласка заразъ одишлить Федору Ивановичу Черненко, въ С. Петерб., на углу Ивановской и Кабинетной улицъ, домъ Матушевича.

VIII.

19 Іюля 1861 г. Каневъ.

Федоръ Ивановичъ и браты Украинци!

Досыдився я у Каневи! коилы, коилы тай докоили. Учора, часивъ въ шисть вечеромъ, пишовъ я до Начальныка Полиціи, не до того ляха Монастырського, а до самого старшого Полицейского Окружного, и кажу: ось вамъ контръ-марка зъ почты, шо мій пачпортъ одисланый въ Петербургъ, и прошу выдать мени выдъ на пройиздъ въ Петербургъ. Добре, каже, прыходьте завтра въ одынадцять часивъ, а потимъ каже: „або не прыходьте—я вамъ прышлю его самъ.“ Подякувавъ и пишовъ; зайшовъ до отца Өеодосія, просыдивъ тамъ довгенько, а потимъ потягъ до дому. Колы це згодомъ являеця квартальный: „пожалуйте до начальныка Полиціи“. Бувъ уже дванадцятый часъ ночи. Одягся тай пойихавъ у купочци зъ квартальнымъ. Прыйихалы, увійшлы въ хату. „А, мое почтеніе! А шо це вы, Грыгорій Мыколаевычъ, здумалы утикать одъ насъ ничью, хиба вы не знаете, якій порядокъ ведеця, шо вы должни получить одъ мене выдъ на пройиздъ, а не такъ, якъ вы здумалы утикать одъ насъ ничью“.—„Я не злодій, шобъ мавъ утикать одъ васъ, и никого не обикравъ, шобъ пускаця навтикача проты ночи. Та чи вы пизналы мене чи ни? А же я бувъ сегодня у васъ и просывъ выдать мени выдъ на пройиздъ; цежъ було, кажеця, недавно, часивъ зъ шисть тому время; чи у васъ памьять чимъ-небудь прышиблена, шо

---

[1]) Писано съ начала къ А. М. Л—ому, жившему въ это время дома, въ конотопскомъ уѣздѣ, а онъ уже отсылалъ въ Петербургъ.

такъ скоро забулы".—„Бачите, каже, тутъ дильце возныкло и уже Губернатору послалы доносъ, то треба вамъ уже пидождать у Каневи, шо зъ цёго буде. Ось возьмить лышень, та пидпышить оце, шо я прыготовывъ для васъ, та тоди й зъ Богомъ, до дому". Прочитавши,—пидпысавъ, шо не пойиду зъ Канева до разришенія Начальства, тай прысивъ по прозьби начальства. Подумавши трохи, и кажу: Господы, невже чоловикъ зъ лучшимы думкамы въ голови и благимъ намиреніемъ непреминно долженъ буты мученыкомъ! Посыдивъ зъ мынуту, тай пишовъ до дому. Отаке то! Оце жъ браты Украинци! знайте, шо може день, або другій, то и я уже буду сыдить за мурамы одинокій й сыротою, мижъ вовкамы ляхамы. Що буде, то побачимо, а знайте, шо я бачивъ бытыхъ понивеченыхъ людей и на ихъ прозьбы помогты имъ одвитувавъ: шо якъ я начну вамъ шо небудь совитувать, то паны опышуть мене бунтовщикомъ народнимъ—разъ, а друге—робить усе, шо вамъ будуть прыказувать паны, бо въ покирности есть прряма надежда вашого спасеня одъ крепацтва; а якъ же, Боже сохраны, будете бунтуваця, та не слухать, то смило будете, шо паны сядуть вамъ на шію литъ на двисти, або на трыста—и бильше ничого не говорывъ. Не знаю, чи послалы до Губернатора и други брошюрки, тилко полицейскій казавъ, шо пры лядськимъ доноси послалы „Гайдамакъ". Прощайте!

Пидить, будьте ласка, до Василія Тимофеевича Новицкого и объяснить ему усе, шо я ничимъ не вынуватъ и ничого не боюсь—хоть бы самого чорта зъ рогамы. Тилько мени и досадно одного, шо якъ не поспію до срока отпуска явыця на службу, то шобъ не исключилы изъ Капитула [1]).

Александръ Матвѣевичъ! Прочитайте и пошлить до громады.

Г. Честаховській.

[1]) Весь этотъ эпизодъ подробно изложенъ въ запискѣ Г. Н. Честаховскаго, напечатанной въ „Кіевск. Стар. 1896 г. № 2.

ШЕВЧЕНКО И ЩЕПКИНЪ.

(Очеркъ).

I.

Шевченка и Щепкина связывали узы самой искренней, самой задушевной пріязни. Гдѣ и когда познакомились между собою поэтъ и артистъ, съ какого времени начались между ними теплыя, дружескія отношенія,—на эти вопросы не даютъ прямого отвѣта извѣстные до сихъ поръ біографическіе матеріалы о Шевченкѣ и Щепкинѣ. Но одинъ эпизодъ изъ ихъ многолѣтняго знакомства, одинъ небольшой періодъ, можно прослѣдить очень подробно. Въ этихъ подробностяхъ ясно видна степень ихъ взаимной привязанности, отчетливо обрисовываются и сами знаменитые земляки, и ихъ отношенія между собой. Этотъ періодъ, прослѣдить который является возможнымъ по дневнику и письмамъ Шевченка, по письмамъ къ нему Щепкина и нѣкоторымъ воспоминаніямъ, относится ко времени житья Шевченка въ Нижнемъ Новгородѣ, по возвращеніи изъ ссылки, и въ Москвѣ, до отъѣзда въ Петербургъ. Письмо Тараса Григорьевича къ Щепкину, приводимое мною дальше и впервые появляющееся въ печати, относится также къ этому періоду, хотя писано изъ Петербурга, и добавляетъ нѣсколько чертъ къ картинѣ всего эпизода.

Въ своихъ письмахъ [1]) и дневникѣ [2]) Шевченко называетъ Михаила Семеновича „давнимъ", „старымъ" другомъ. Отсюда

[1]) „Основа", 1861, октябрь, стр. 12.

[2]) Тамъ-же, 1862, апрѣль.

можно заключать, что знакомство ихъ началось если не въ первые годы по пріѣздѣ Шевченка въ Петербургъ, когда и онъ и имя его не были никому извѣстны, то въ первые годы его занятій въ академіи художествъ или по выходѣ „Кобзаря". Можно, такимъ образомъ, предполагать, что къ началу сороковыхъ годовъ Щепкинъ и Шевченко были между собою знакомы. Знаменитый артистъ былъ уже тогда въ полной силѣ и славѣ своего таланта. Онъ пріѣзжалъ играть въ Петербургъ и здѣсь, прослышавъ про выдающееся дарованіе, про горемычную судьбу дѣтства и юности молодого земляка, могъ самъ броситься на знакомство съ Шевченкомъ и „привитать" его также отзывчиво, горячо, какъ всегда откликался съ пыломъ юноши на все свѣтлое, даровитое, требующее поддержки и поощренія.

Первое, по времени, указаніе на знакомство Шевченка съ Щепкинымъ встрѣчается въ стихотвореніяхъ самого Шевченка. Свою *Пустку*, написанную въ Кіевѣ, въ 1846 г., онъ посвящаетъ М. С. Щепкину. Это можетъ, пожалуй, указывать на то, что они познакомились между собою во время странствованій Шевченка по Малороссіи, въ 1843—46 гг. Изъ самой *Пустки* легко вывести заключеніе, что она написана подъ впечатлѣніемъ близкихъ, сердечныхъ отношеній автора съ артистомъ. Не однимъ дружескимъ, теплымъ словомъ надо было обмѣняться имъ прежде, чѣмъ Шевченко могъ просить своего друга:

Заворожи мени, волхве,
Друже сивоусый!
Ты вже серце запечатавъ,
А я—ще боюся...

Однако, такимъ впечатлительнымъ людямъ, какъ Щепкинъ и Шевченко, не надо было долгихъ лѣтъ знакомства, чтобы договориться до откровенныхъ рѣчей, до сердечныхъ изліяній. Щепкинъ могъ встрѣтиться съ Шевченкомъ во время своихъ поѣздокъ на гастроли въ южные города, и одного - двухъ свиданій было достаточно, чтобы явилось взаимное расположеніе, надолго и прочно сохранившееся.

Во всякомъ случаѣ Шевченко познакомился съ Щепкинымъ задолго до *Пустки*. Въ дневникѣ своемъ онъ утверждаетъ,

что въ послѣдній разъ, передъ ссылкой, онъ видѣлся съ своимъ „старымъ друзякой“ въ 1845 г. [1]). По возрасту между ними была большая разница: Щепкину въ сороковыхъ годахъ шелъ уже шестой десятокъ лѣтъ жизни, богатой опытомъ, полной и невзгодъ, и радостей,—онъ, по выраженію Шевченка, уже „запечаталъ свое сердце“; поэтъ же былъ больше, чѣмъ на четверть вѣка моложе своего пріятеля и въ возрастѣ бодрыхъ силъ и надеждъ на будущее, смѣнившихъ невеселое прошлое. Но эта разница возраста не могла помѣшать имъ близко и скоро познакомиться. Шевченко вообще былъ скоръ на знакомства. Съ Шевченкомъ, разсказываетъ Костомаровъ, мы познакомились необыкновенно быстро: на другой день мы говорили другъ другу „ты“ [2]).

Тѣмъ легче и проще сдѣлалось это, безъ сомнѣнія, съ Щепкинымъ. Михаилъ Семеновичъ горячо отзывался всегда на все, что носило характеръ простоты и искренности. Помимо этого, помимо того, что ихъ связывали интересы искусства и литературы,—у Щепкина и Шевченка было и еще общее: это—ихъ родина. Съ нею были соединены для нихъ самыя радостныя, самыя свѣтлыя воспоминанія о дняхъ далекаго, невозвратнаго дѣтства,—какъ бы горько ни жилось въ ту пору. У обоихъ дѣтство прошло въ крѣпостной средѣ, въ непосредственной близости къ народу. Щепкинъ воспитывался при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Шевченко, но и тому, и другому горько достались корни ученія. Наконецъ, у обоихъ съ дѣтскихъ лѣтъ зародились артистическія страсти—у одного къ сценѣ, у другово—къ рисованію.

II.

Въ 1847 году Шевченко на долго разлучился съ своими друзьями и знакомыми. Сосланный на далекую окраину, онъ лишенъ былъ и утѣшенія вести съ ними переписку. Со Щеп-

---

[1]) *Основа*, 1861, іюль, стр. 12.

[2]) *Автобіографія Н. И. Костомарова*, „Рус. Мысль“, 1885, № 5, стр. 211.

кинымъ, какъ замѣчено выше, онъ видѣлся въ послѣдній разъ еще раньше—въ 1845 году, а затѣмъ, къ концу своей ссылки, не зналъ даже, живъ-ли знаменитый комикъ. Вѣсточку о Щепкинѣ доставилъ ему Я. Г. Кухаренко, который, живя въ Москвѣ во время коронаціи, въ 1856 году, познакомился съ артистомъ и отъ послѣдняго узналъ о мѣстопребываніи Шевченка. Тогда Кухаренко написалъ Шевченкѣ письмо, на которое тотъ, между прочимъ, отвѣчалъ вопросомъ: „Чи старшій Щепкинъ ще живый? Отъ щира козацька душа и молода якъ у дытыны. Чи не пышешъ ты ему часомъ? Якъ пышешь, то цилуй его за мене. Яку винъ тамъ тоби *Пустку* читавъ? Я—поганий зъ мене батько—забувъ свою ридну дытыну" [1])...

Вѣсть о Щепкинѣ не могла не обрадовать Шевченка въ его тяжеломъ одиночествѣ, гдѣ верба, когда-то посаженная палкою, была его единственнымъ отдыхомъ и другомъ, единственнымъ отраднымъ эпизодомъ безотрадной жизни [2]). Посылая Кухаренку свои стихотворенія, онъ вспомнилъ и про Щепкина. „Дай,—пишетъ онъ,—доброму пысареви перепысать и *Крыныцю* и *Ченьця*, и *Вечиръ*, та пошлы старому Щепкину,—нехай на старисть читае та не забувае безталанного кобзаря" [3]).

Въ мечтахъ своихъ о скорой свободѣ, о близкомъ свиданіи съ друзьями Шевченко удѣляетъ мѣсто и Щепкину. Во снѣ, какъ и на яву, ему видятся картины давно пережитого, отдѣленнаго отъ настоящаго гранью десятилѣтней подневольной разлуки. Въ одномъ изъ нѣсколькихъ, записанныхъ Шевченкомъ сновъ является и М. С. Щепкинъ. Это было въ ночь на 4 іюля 1857 г., когда земляки свидѣлись во снѣ. Они говорили, конечно, о театрѣ, и Шевченко спрашивалъ артиста: отчего онъ не продолжаетъ своихъ записокъ? Щепкинъ отвѣчаетъ на это, что жизнь его протекла такъ тихо, такъ счастливо, что и писать не о чемъ [4]). Само собою разумѣется, что, собираясь по пути

---

[1]) „Листи до Кухаренка", письмо отъ 22 апр. 1857 г., *Основа*, 1861, окт. стр. 8.

[2]) Письмо къ Н. О. О., 1855. *Москов. Вѣдом.*, 1862, № 45.

[3]) „Листи до Кухаренка", письмо отъ 3 іюня 1857 г., Основа, 1861. окт., стр. 9—10.

[4]) „Дневникъ", *Основа*, 1861, іюль, стр. 12.

въ Петербургъ изъ ссылки остановиться въ Москвѣ, Шевченко разсчитывалъ непремѣнно видѣться съ Щепкинымъ. Онъ даже проситъ Кухаренку направлять ему письма черезъ Щепкина [1]).

18 сентября 1857 г. Шевченко пріѣхалъ въ Нижній Новгородъ и здѣсь, по его выраженію, „застрялъ",—застрялъ невольно. Мечты о Петербургѣ, надежды скоро свидѣться съ старыми друзьями—разлетѣлись прахомъ. Пришлось жить въ чужомъ и чуждомъ городѣ, среди незнакомаго общества. Правда, Шевченко быстро пріобрѣлъ себѣ кружокъ пріятелей изъ людей, составлявшихъ мѣстную интеллигенцію. Но это не могло заставить его забыть о прежнихъ друзьяхъ, съ которыми для поэта были связаны воспоминанія о лучшихъ годахъ его творческой жизни. А друзья не ѣхали навѣстить опальнаго поэта. Одни не желали этимъ вредить ему, другіе были изъ тѣхъ, дружба которыхъ живетъ лишь „до чернаго дня"; тѣмъ было нельзя, а этимъ—некогда. И изъ всѣхъ старыхъ пріятелей лишь одинъ Щепкинъ пріѣхалъ къ Шевченку въ Нижній-Новгородъ,—пріѣхалъ только затѣмъ, чтобы повидаться, пріѣхалъ, не взирая на зимнюю стужу, не взирая на свои преклонные годы и служебныя обязанности.

III.

12 ноября Шевченко написалъ письмо Щепкину и просилъ съ нимъ свиданія гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Москвы. „Какъ бы я радъ былъ видѣть этого славнаго артиста-ветерана",—отмѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ. Щепкинъ никогда не задерживалъ отвѣтовъ на письма и 27 ноября послалъ уже второе письмо поэту. Верстахъ въ сорока отъ Москвы у сына Щепкина находилась дача, и тутъ-то артистъ предлагалъ устроить свиданіе. Но какъ человѣкъ, болѣе, чѣмъ его другъ, опытный въ житейскихъ дѣлахъ, Щепкинъ задаетъ прежде всего „нескромный" вопросъ: „есть-ли у Шевченка средства на эту поѣздку?" Вопросъ оказался вполнѣ умѣстнымъ. У Шевченка

---

[1]) „Листи до Кухаренка" *Основа*, 1861, октябрь, стр. 11.

средствъ, дѣйствительно, не было, потому что у него только что передъ тѣмъ украли 125 заработанныхъ рублей. Приходилось согласиться на другое рѣшеніе задачи, предложенное въ томъ же письмѣ самимъ Щепкинымъ: на пріѣздъ артиста въ Нижній.

Предлагая такую комбинацію, Щепкинъ, конечно, сознавалъ и самъ всѣ связанныя съ ея выполненіемъ неудобства. Но добрый порывъ былъ всегда для Щепкина главнымъ двигателемъ во всѣхъ его поступкахъ. Къ тому же въ результатѣ поѣздки Щепкинъ видѣлъ и нравственное значеніе. Не для того только, чтобы повидаться собирался онъ въ Нижній: „а поговорить бы о многомъ нужно,—пишетъ онъ,—можетъ быть, моя старая голова навела бы и твою на добрую мысль". Да и какъ бы иначе могъ отвѣчать Щепкинъ на сердечную просьбу поэта, закинутаго судьбою на перепутьи въ незнакомый уголъ. „Друже мій давній, друже мій едыный! писалъ Шевченко,—изъ далекои Киргизьскои пустыни, изъ тяжкои неволи витавъ я тебе, мій голубе сызый, щирымы сердечнымы поклонамы. Не знаю тилько, чи доходылы воны до тебе, до твого щирого, велыкого серця". А если и доходили, что изъ этого толку? Вотъ если бы можно было свидѣться, „якъ бы то намъ хоть часыночку подывытьця одынъ на одного, хоть годыночку поговорить съ тобою, друже мій едыный. Я оживъ бы, я напоивъ бы свое серце твоимы тыхимы речамы, неначе живущою водою".

Не въ характерѣ и не въ натурѣ Щепкина было отвѣчать на такія трогательныя просьбы отказомъ.

Когда Шевченко получилъ письмо Щепкина, ему пришла въ голову мысль—соединить съ пріѣздомъ артиста и его гастроли на Нижегородской сценѣ. И не думая надъ этимъ долго, онъ сталъ подготовлять почву. Переговорилъ съ директоромъ театра,—тотъ соглашался на какія угодно условія, лишь бы знаменитый артистъ выступилъ въ Нижнемъ. Сообщилъ о своей мысли Далю, извѣстному театралу Улыбышеву и другимъ поклонникамъ Щепкина. Конечно, всѣ обрадовались случаю лишній разъ насладиться игрою ветерана русской сцены. Въ своемъ письмѣ отъ 5 декабря Шевченко все это излагаетъ Щепкину и соблаз-

няетъ его пріѣхать въ Нижній. „Тутъ бы тебе, преславного, на рукахъ понеслы твои безчисленные поклонники,—пишетъ Шевченко. Щаслывый ты, дуже щаслывый, мій славный, мій великій друже! Вси тебе бачилы, вси до едыного руського чоловика, вси тебе знають и съ любовью повторяють твое обаятельное, прославленное имя“. А я,—говоритъ онъ про себя,—„подывлюся на тебе, подывлюся неначе на всесвитнюю галерею, неначе на всесвитній театръ, и забуду хоть на годыну свое невсыпуще горе“.

Занятый мыслью о пріѣздѣ Щепкина, Шевченко 8 декабря началъ писать своихъ *Неофитовъ*, задумавъ ихъ посвятить своему старому другу, какъ поэтическую дань своей душевной признательности. „Я ему посвящаю это произведеніе,—отмѣчаетъ онъ въ дневникѣ — и мнѣ бы ужасно хотѣлось ему прочитать и услышать его вѣрныя дружескія замѣчанія“.

Въ это время директоръ Нижегородскаго театра Варенцовъ съѣздилъ въ Москву, видѣлъ Щепкина и, вѣроятно, переговорилъ съ нимъ о дѣлѣ. Отъ 11 декабря Щепкинъ пишетъ, что къ празднику пріѣдетъ—„колядовать вкупѣ“. Что касается до участія въ спектакляхъ, то, пожалуй, раза два—три онъ выступитъ. „А колы що не такъ, то мы и безъ театра обійдемось“.

Изъ всей этой переписки видно, что Щепкина побуждало ѣхать въ Нижній исключительно желаніе повидаться и поговорить съ Щевченкомъ, а гастроли явились случайностью, придуманною поэтомъ.

Итакъ, вопросъ о поѣздкѣ Щепкина въ Нижній былъ рѣшенъ, и артистъ увѣдомилъ своего друга, что 21 декабря выѣзжаетъ изъ Москвы, чтобы праздникъ встрѣтить вмѣстѣ. Получивъ это извѣстіе, Шевченко выразилъ въ дневникѣ свой восторгъ такими словами: „Послѣзавтра я обниму моего стараго, моего искренняго друга. Какъ я счастливъ этой нелицемѣрной дружбой! Немногимъ изъ насъ Богъ посылаетъ такую полную радость, и весьма немногіе изъ людей, доживъ до 70 лѣтъ, сохранили такую поэтическую свѣжесть сердца, какъ М. С., счастливый патріархъ и артистъ!“

Наконецъ, 24 декабря Шевченко записалъ въ своемъ дневникѣ, очевидно, подъ впечатлѣніемъ безумной радости: „Праздникамъ праздникъ и торжество есть изъ торжествъ! Въ три часа ночи пріѣхалъ Михайло Семеновичъ Щепкинъ!“ И этимъ днемъ онъ отмѣтилъ свое посвященіе *Неофитовъ*.

Съ этого дня и до отъѣзда друга Шевченко не заглядывалъ въ свой дневникъ—не до того ему было[1]).

IV.

Сохранился анекдотическій разсказъ о Нижегородской встрѣчѣ друзей. По этому варіанту Щепкинъ, прежде чѣмъ увидаться съ Шевченкомъ, долженъ былъ попросить на это разрѣшеніе у губернатора, которымъ тогда въ Нижнемъ состоялъ М. Н. Муравьевъ. Губернаторъ разрѣшилъ свиданіе, но въ своемъ присутствіи. И вотъ,—читаемъ дальше,—друзья встрѣтились и, несмортя на долголѣтнюю разлуку, узнали другъ друга, бросились въ объятія и оба расплакались, какъ дѣти. Муравьевъ не выдержалъ, прослезился и со словами: „видно вы въ самомъ дѣлѣ прекрасный человѣкъ, если васъ такъ встрѣчаютъ пріятели“,—бросился къ Шевченкѣ и началъ обнимать его! Тогда Щепкинъ, наблюдавшій эту сцену, промолвилъ, обращаясь къ Муравьеву: „Ваше превосходительство, что это вы плачете? Да вы мнѣ всѣхъ губернаторовъ испортили“.—Острота была благосклонно принята просвѣщеннымъ губернаторомъ и всѣхъ развеселила[2]).

Какъ анекдотическій, разсказъ этотъ характеренъ. Но изъ самаго содержанія и смысла его видно, что врядъ-ли что-нибудь подобное могло произойти въ дѣйствительности. Замѣтимъ прежде всего, что въ перепискѣ Шевченка съ Щепкинымъ, по поводу Нижегородской встрѣчи, нигдѣ не упоминается объ особомъ разрѣшеніи, которое надо было имѣть для свиданія съ поэтомъ.

---

[1]) Всѣ предыдущія и послѣдующія цитаты заимствованы изъ дневника Шевченка и изъ переписки его съ Щепкинымъ. Письма Шевченка къ артисту были напечатаны въ *Основѣ* 1861, октябрь, стр. 12—16. Письма же Щепкина къ поэту были помѣщены М. Чалымъ въ *Кіевлянинѣ*, 1870, №№ 40, 41 и 43.

[2]) *Трудъ* 1881, № 5, замѣтка, М. К. „Кое-что о Шевченкѣ“.

Самый эпизодъ встрѣчи вполнѣ правдоподобенъ. Конечно, друзья бросились другъ другу въ объятія, расплакались. Но трудно допустить, чтобы въ такія минуты всегда тактичный и осторожный Щепкинъ сталъ острить надъ губернаторомъ, отъ котораго, при томъ, зависѣло свиданіе друзей.

Какъ бы тамъ ни было, они встрѣтились, и для Шевченка, по его собственному признанію, въ дневникѣ, настали „шесть дней полной, радостно-торжественной жизни". Шевченко сознавалъ, что Щепкинъ „сдѣлалъ ему честь, какой не многіе удостоились отъ знаменитаго старца"[1]). Но дороже чести во сто кратъ было то душевное потрясеніе, то счастье, тѣ „радостныя, сладкія слезы", которыя вызвалъ въ Шевченкѣ пріѣздъ Щепкина.

Ни въ перепискѣ, ни въ дневникѣ Шевченка не встрѣчается указаній на то, какъ провели друзья эти шесть дней. Но эту картину легко себѣ представить. На первомъ планѣ, безъ сомнѣнія, были долгія, долгія бесѣды: бесѣды о прошломъ, о горемычномъ житьѣ-бытьѣ поэта, о полной радостями и успѣхами жизни артиста. „Старая голова" Щепкина наводила Шевченка на „добрыя мысли." О чемъ, какъ не о своемъ жизненномъ идеалѣ могъ внушать мысли своему другу „артистъ-человѣкъ", „старецъ-юноша"? А этотъ идеалъ выражался словами, проводимыми въ жизнь: честный и добросовѣстный трудъ, стремленіе къ умственно-нравственному совершенствованію, любовь къ людямъ, вѣра въ свѣтлое будущее... Можно вообразить себѣ, какъ глубоко западали живыя рѣчи въ глохнувшую душу поэта, какъ будили онѣ въ его сердцѣ добрыя чувства, въ его творческой способности—новыя силы.

Часть времени уходила, конечно, на посѣщеніе знакомыхъ и поклонниковъ Московской и всероссійской знаменитости, съ которою Шевченко всѣ эти дни былъ не разлученъ, а вечера посвящались спектаклямъ: Щепкинъ игралъ, а Шевченко упивался его игрой, отъ которой потомъ не сразу пришелъ „въ нормальное состояніе, какъ отъ волшебнаго, очаровательнаго видѣнія".

---

[1]) *Кіев. Стар.*, 1889, Февраль, стр. 309, „Воспоминанія Н. И. Усковой о Т. Г. Ш-кѣ".

Щепкинъ выступилъ на Нижегородской сценѣ въ лучшихъ своихъ роляхъ: въ Гоголевскомъ Городничемъ,—одномъ изъ самыхъ яркихъ своихъ созданій,—въ трогательномъ, вызывавшемъ слезы *Матрозѣ* и въ Чупрунѣ изъ *Москаля Чаривныка*, котораго онъ игралъ неподражаемо. Четвертою его ролью былъ Любимъ Торцовъ изъ *Бѣдность не порокъ*, котораго сыгралъ здѣсь единственный разъ. Роль эта ему не удалась да и вообще произведенія и типы Островскаго были ему не по душѣ.

Особенный, совсѣмъ личный интересъ имѣла для Шевченка постановка *Москаля Чаривныка*. Она связана была съ сердечнымъ увлеченіемъ поэта одною изъ юныхъ Нижегородскихъ актрисъ,—увлеченіемъ, увы, не закончившимся благопріятнымъ исходомъ, также какъ и другіе его романы.

Еще въ первомъ своемъ письмѣ по поводу гастролей Шевченко писалъ Щепкину: „Тутъ есть прехороша дивчина и талантлива артистка Піунова. Чи вы не вшкварылы бъ сего *Чаривныка* на вдывовыжу Нижегородскимъ людямъ?“ Но самъ, не дожидаясь отвѣта, увлекъ на это дѣло Піунову, которая стала учиться малорусскому говору, такъ что въ томъ же письмѣ Шевченко приписалъ въ post-scriptum'ѣ: „Зрадило дивча—ажъ заплакало.“

Не изъ любви къ искусству и къ своему другу хлопоталъ Шевченко. Ему хотѣлось дать сыграть съ знаменитымъ артистомъ и выдвинуть впередъ юную артистку, предметъ своего любовнаго увлеченія. По воспоминаніямъ Е. Б. Піуновой-Шмидгофъ [1]) и по другимъ разсказамъ, хорошо извѣстно это неудачное романическое приключеніе поэта, и мы не будемъ останавливаться на немъ во всѣхъ подробностяхъ.

Шевченко бывалъ у Піуновыхъ и возгорѣлся страстью къ 15 лѣтней Катрусѣ, о чемъ и сообщилъ ея родителямъ, прося руки ихъ дочери. Какъ ни любили Шевченка въ семьѣ Піуновыхъ, но отъ предложенія его свѣта не взвидѣли. Ему былъ пятый десятокъ лѣтъ на исходѣ, да и что въ немъ было жениховскаго?—спрашиваетъ Піунова. „Сапоги смазные, дегтярные, тулупъ чуть не нагольный, шапка самая простая, барашковая,

---

[1]) Н. Ө. Юшковъ. *Е. Б. Піунова-Шмидгофъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ*. Казань, 1889, стр. 35—43.

да такая страшная, хлопающаяся въ день по сотнѣ разъ." Съ отвѣтомъ на его предложеніе рѣшили подождать и ждали до тѣхъ поръ, пока не явился для дѣвушки ея суженый, когда Шевченко жилъ уже въ Петербургѣ. А тогда и самъ Шевченко отрезвился отъ своего увлеченія, какъ видно изъ печатаемаго ниже письма.

Въ *Москалѣ Чаривныкѣ* Піунова играла Тетяну. „Тарасъ Григорьевичъ, а въ угоду ему и Михаилъ Семеновичъ учили меня малороссійскому языку и вдолбили роль Тетяны",—говоритъ по этому поводу Піунова. По замѣчанію современнаго критика, Піунова была такъ хороша въ этой роли, что Щепкинъ былъ въ восторгѣ и утверждалъ, что ни съ кѣмъ онъ не игралъ съ такимъ удовольствіемъ. Объ этомъ отзывѣ артиста говоритъ въ дневникѣ и самъ Шевченко, замѣчая, что Щепкинъ вообще „благодѣтельно подѣйствовалъ на это милое и даровитое созданіе".

Послѣ отъѣзда Щепкина изъ Нижняго, Шевченко прибѣгалъ къ авторитетному вмѣшательству своего друга, чтобы устроить Піунову на Харьковскую сцену, просилъ объ этомъ и другихъ лицъ [1]), но хлопоты его успѣха не имѣли.

29 декабря Щепкинъ уѣхалъ изъ Нижняго въ Москву. Шевченко съ нѣсколькими изъ своихъ знакомыхъ проводилъ его до первой станціи и, возвратясь домой, былъ весь подъ обаяніемъ испытаннаго умиротворяющаго вліянія. Онъ не зналъ, чѣмъ можетъ отплатить старому другу. „Любовью!—восклицаетъ онъ въ дневникѣ—но я люблю тебя давно, да и кто, зная тебя, не любитъ? Чѣмъ же? Кромѣ молитвы о тебѣ, самой искренней молитвы, я ничего не имѣю".

И на другой день образъ Щепкина и его сценическія созданія не покидаютъ воображенія поэта. „Но ярче и лучезарнѣе великаго артиста,—записываетъ онъ въ дневникѣ,—стоитъ великій человѣкъ, кротко улыбающійся, другъ мой единый, искренній мой, незабвенный Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ".

---

[1]) Напр. М. А. Максимовича (*Кіев. Стар.*: 1885, № 2, стр. 334.

V.

Въ тотъ самый день, который Шевченко отмѣтилъ какъ „праздникамъ праздникъ“, въ рождественскій сочельникъ, Щепкина поразило тяжкое, хотя и не неожиданное горе: заграницей, въ Испаніи, умеръ отъ чахотки старшій сынъ Щепкина, Дмитрій, котораго ожидала блестящая карьера ученаго[1]). Извѣстіе объ этомъ престарѣлый артистъ получилъ на порогѣ дома, возвратясь изъ Нижняго. Волненія, испытанныя во время поѣздки, смѣнились сильнѣйшимъ душевнымъ потрясеніемъ. „И тѣло устало и душѣ некогда“,—пишетъ онъ Шевченку сейчасъ по пріѣздѣ домой. „Дай душѣ отдохнуть, а то она все время была въ такомъ волненіи, что немножко и не подъ силу, а пріѣхалъ домой—все взворушилось въ старой душѣ моей“.

Это, однако, не помѣшало Щепкину въ томъ же письмѣ просить Шевченка замолвить предъ почтовымъ начальствомъ словечко за почтальона, который сопровождалъ его изъ Нижняго и ухаживалъ за нимъ, какъ за ребенкомъ: „доброе слово въ пользу маленькаго человѣка необходимо“.

Прошло немного времени, и у Шевченка созрѣлъ планъ побывать въ Москвѣ. Снова выдвинулся на сцену проектъ устроить свиданіе подъ Москвой. Щепкинъ на это отвѣчалъ приглашеніемъ пріѣзжать, если на масленицѣ и если разрѣшатъ, то въ Москву, а если постомъ, когда артистъ освободится отъ занятій, то и на дачу. Въ томъ же письмѣ Щепкинъ увѣдомляетъ Шевченка, что рисунки его будутъ разыграны въ лоттерею.

Изъ сохранившейся переписки между друзьями, относящейся къ этому періоду, извѣстны письмо Шевченка и четыре письма Щепкина. Письма касаются со стороны поэта хлопотъ по ангажементу Піуновой въ Харьковъ. Щепкинъ отвѣчаетъ по этому вопросу, стараясь умѣрить восторженность своего друга и указать на его непрактичность. Кромѣ того, въ письмахъ Щепкина идетъ рѣчь о В. А. Кокоревѣ, извѣстномъ откупщикѣ

---

[1]) Д. М. Щепкинъ оставилъ послѣ себя начало большой работы: *Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія.* М. 1859.

того времени. Здѣсь дѣло идетъ, повидимому, о деньгахъ, которыя нужно было получить съ Кокорева за художественныя работы Шевченка. Исполнить это порученіе Щепкину не удавалось. „Я бы и своихъ тебѣ послалъ, но и самъ теперь безъ денегъ; а потому изввернись какъ нибудь. Въ первыхъ числахъ февраля мой бенефисъ, и я могу тогда свои деньги отдать, а съ него получу послѣ". Такъ, вѣроятно, и было сдѣлано, потому что въ письмѣ отъ 3 февраля Шевченко благодарилъ Щепкина за присылку 200 рублей.

Въ хлопотахъ о матеріальныхъ дѣлахъ Шевченка Щепкинъ не оставлялъ заботы и о нравственномъ его обиходѣ. Въ Москвѣ дошли до Щепкина слухи о кутежахъ поэта, и онъ пишетъ: „Не вытерплю, скажу! Ты, кажуть, дуже кутнувъ трохи? Никакая пощечина меня бы такъ не оскорбила. Богъ тебѣ судья. Не щадишь ты ни себя, ни друзей твоихъ. Погано, дуже погано. Не набрасывай *этого* на свою натуру и характеръ. Я этого не допущаю: человѣкъ тѣмъ и отличается отъ животныхъ, что у него есть воля. Не взыщи за мои грубыя слова. Дружба строга, а ты самъ произвелъ меня въ друзья, и потому пеняй на себя".

Ни на масленицѣ, ни на первой недѣлѣ поста Шевченку не пришлось поѣхать въ Москву. Случилось это немного позже. 1 марта 1858 г. Шевченко получилъ дозволеніе жить въ Петербургѣ и 8 марта выѣхалъ изъ Нижняго въ Москву. Пріѣхалъ онъ прямо къ Щепкину, жившему у Стараго Пимена, и, какъ самъ записалъ, „повидимому, надолго". Отъ гостепріимнаго Щепкина вообще трудно было скоро вырваться. А тутъ еще у поэта распухъ и покраснѣлъ глазъ, на лбу высыпали прыщи. Хозяинъ ухаживалъ за гостемъ, какъ „за капризнымъ ребенкомъ". У Щепкина было въ обычаѣ—„носиться" съ тѣми, кого онъ любилъ и кого считалъ отмѣченнымъ искрою Божьей. Это было извѣстно его друзьямъ и знакомымъ. По поводу *Неофитовъ* Костомаровъ писалъ еще раньше Шевченку: „Такъ не тилько друковать сю вещь рано, да позволь мени, брате, не посылать и Щепкину: бо винъ зъ нею усюды носытыметьця и пійде про

тебе така чутка, що прытьмомъ не слидъ пускать тебе до столыци" [1]).

Щепкинъ перебывалъ съ Шевченкомъ у всѣхъ своихъ знакомыхъ,—а знакомыхъ у него—была вся интеллигентная Москва: Аксаковы, Максимовичъ, Бодянскій, Кетчеръ, Кошелевъ, кн. Репнина, Забѣлинъ, Якушкинъ, Станкевичъ, Бабстъ, Чичеринъ, Коршъ и многіе другіе—у всѣхъ у нихъ побывалъ Щепкинъ съ своимъ другомъ или „показывалъ" имъ его въ знакомыхъ домахъ. Шевченко, какъ поэтъ, испытавшій превратности судьбы, не могъ не интересовать передовыхъ людей московскаго общества, а особенно, когда появлялся съ своимъ популярнымъ и всѣми любимымъ другомъ.

Этотъ періодъ московскихъ знакомствъ закончился 25 марта обѣдомъ въ честь Шевченка у Максимовича, и 26 марта, прогостивъ у Щепкина больше двухъ недѣль, поэтъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Друзья разстались на-вѣки. Жизненному пути и того, и другого близокъ былъ конецъ. Но письменныя сношенія между ними поддерживались. Извѣстны два письма,—одно Щепкина, другое Шевченка, относящіяся къ этому предсмертному періоду жизни поэта въ Петербургѣ. Въ это же время было написано и то письмо, которое мы печатаемъ теперь впервые.

Шевченко, пріѣхавъ въ Петербургъ, сразу попалъ въ моду и закружился въ водоворотѣ столичной жизни. Не съ такими намѣреніями, которыя они, конечно, обсуждали вмѣстѣ съ Щепкинымъ, стремился Шевченко въ Петербургъ. Работать и работать—вотъ къ чему призывалъ своего друга старый артистъ. Понятно, что ему не могла нравиться разсѣянная, свѣтская жизнь поэта. И этимъ вызваны, безъ сомнѣнія, его слова въ письмѣ отъ 23 мая: „Теперь два слова старика—за дѣло и за дѣло. Не давай овладѣвать собою бездѣйствію". И снова въ концѣ письма: „Да, еще разъ: за дѣло и за дѣло". Какъ откликъ на этотъ призывъ, звучатъ слова Шевченка въ письмѣ отъ 13 ноября 1858 г.: „якъ той щирый волъ запрягся я въ

---

[1]) М. Чалый. *Жизнь и произведенія Т. Г. Шевченка*, стр. 117.

роботу". И тутъ же Шевченко добавляетъ, что и этого письма не написалъ бы, если-бы не безденежье. Онъ проситъ Щепкина „вырвать у Кокорева оти 100 карбованцивъ" и переслать ихъ ему. Наконецъ, и послѣднее, приводимое нами письмо, касается того же денежнаго дѣла.

Вотъ это письмо съ орфографической точностью [1]):

„Благородный мій единый друже!

Де доткнеця до користи до грошей, то я бачу що твоя натура моій сестра ридна, и соромлива, и боязлыва. Чого се воно такъ? Мабуть того що гроши душу холодять, а наши души бояця холоду. Повинно буть такъ. Кокоревъ, якъ я бачу, забувъ про мои гроши, а нагадать йому никому причъ тебе, а ты соромыся. Я думаю ось що зробить. Напиши ты Кокореву письмо тай адресуй його на мое имя, *съ передачею.* Результатъ повиненъ буть такій. Я получу свои гроши, и лично познакомлюся съ цимъ замѣчательнымъ чоловикомъ. Добре було бъ, якбы ты такъ зробывъ. Або выдумай лучше.

Скажи мени, будь ласкавъ, щобъ зъ мене теперъ було якбы бувъ я оженывся на моій любій *Тетяси?* Пропащій чоловикъ та й білшъ ничого. Не пишешъ ты мени, чи бувъ у тибе художникъ Раевъ зъ моею новою гравюрою. И чи бачився ты зъ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ. Якъ не бачився, то побачся и подякуй йому одъ мене.

У насъ теперъ африканскій актеръ, чудеса виробляе на сцени. Живого Шекспира показуе. Не знаю чи поиде винъ до васъ. А билше нового нема ничого. Цилую твою жинку, дитей и внучатокъ, нехай здорови ростуть та щаслыви будуть. Поцилуй С. Тимофеeча за мене и Кетчера и Мина и Максимовича и всихъ кого знакомого побачишъ.

---

[1]) Письмо написано, на цвѣтной, сине-голубовато-блѣдной, почтовой бумагѣ. Оно находилось въ бумагахъ одного изъ наслѣдниковъ Щепкина, а теперь принадлежитъ автору настоящаго очерка. Письма Шевченка къ Щепкину, напечатанныя въ октябрьской книжкѣ *Основы* за 1861 г., были сообщены въ редакцію самимъ Щепкинымъ. Почему къ числу этихъ четырехъ напечатанныхъ писемъ не было присоединено печатаемое теперь письмо—неизвѣстно. Вѣроятно, оно не было разъискано Щепкинымъ.

Оставайся здоровъ мій друже едыный, не забувай мене твого ридного брата. Т. Шевченко".

1858. Декабря 6.

Для будущаго біографа поэта письмо это представляетъ интересъ. Прежде всего Шевченко даетъ разгадку того, что связывало его съ Щепкинымъ. У нихъ были родственныя натуры,— „и соромливыя и боязлывыя". Ихъ души „боялись холода".

Исторія съ полученіемъ денегъ отъ Кокорева затрогивается и въ этомъ письмѣ.

Почему-то тутъ же Шевченко вспоминаетъ о своей „Тетясѣ" (Піуновой),—вспоминаетъ съ раскаяніемъ о своей мысли жениться на ней.

О художникѣ Раевѣ Шевченко сообщалъ Щепкину въ письмѣ отъ 13 ноября. Раевъ привезъ въ Москву экземпляръ гравюры (eau-forte), изданной на счетъ графа Алексѣя Серг. Уварова, котораго Шевченко и проситъ „подякувать".

Африканскій актеръ, который „живого Шекспира показуе" былъ Ольриджъ. Извѣстно, какая пріязнь существовала между трагикомъ и поэтомъ, хотя они объяснялись только мимически.

Этимъ письмомъ заканчиваются, въ хронологическомъ отношеніи, извѣстные до сихъ поръ матеріалы для характеристики дружбы между Шевченкомъ и Щепкинымъ. Съ небольшимъ черезъ два года послѣ этого письма (26 февраля 1861 года) угасъ навсегда поэтъ, а еще черезъ два съ половиной года (11 августа 1863 года) сошелъ въ могилу и его „старый друзяка", на памятникѣ котораго написано: „артистъ—человѣкъ".

Алексѣй Ярцевъ.

О МОТИВАХЪ ПОЭЗІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе — значеніе и условія изученія поэтическихъ мотивовъ Шевченка. Постороннія вліянія. Опредѣленіе значенія и задачъ творчества. Слово. Дума. Муза. Пѣсня. Нива. Кобзарь. Пророкъ. Апостолъ правды. Народность. Заимствованія и подражанія. Народныя пѣсни, повѣрья, обычаи, обряды, сравненія. Народность въ міросозерцаніи и описаніяхъ быта. Внѣшняя природа: солнце, мѣсяцъ, вечерняя звѣзда, вѣтеръ, тучи, море, Дунай, Днѣпръ, Украина, флора и фауна. Историческіе мотивы: гетманщина, козачество, панщина, чумачество, солдатчина, чужина. Религіозно - нравственные мотивы: религіозное чувство. Молитва. Кіевскія святыни. Понятія о добрѣ и злѣ, богатствѣ и бѣдности. Трудъ. Наука. Мотивы политическіе, этнографическіе, автобіографическіе и литературно-бытовые. Славянофильство. Мотивы семейно-родственные. Село. Хата. Молодежь. Дѣвичья красота. Бракъ. Дѣти. Байструки. Мать, сынъ и дочь. Покрытка. Наймичка. Смерть. Кладбище.

Изученіе жизни Т. Г. Шевченка значительно подвинулось впередъ въ трудахъ г. Чалаго и г. Конисскаго. Сравнительно меньше сдѣлано для изученія его поэзіи; но и въ этой области въ послѣднее время появилось нѣсколько цѣнныхъ статей, преимущественно галицкихъ ученыхъ—Партицкаго, Франка, Студинскаго. Въ особенности выдается крупный и весьма цѣнный въ научномъ отношеніи трудъ г. Колессы въ 3 ч. „Записокъ Товариства Шевченка“ (стр. 36—152) о вліяніи Мицкевича на Шевченка. Вышедшая недавно въ Полтавѣ брошюра г. Лисовскаго о мотивахъ поэзіи Шевченка представляетъ чистую фантасмагорію изъ теплыхъ словъ, или своеобразное стихотвореніе въ прозѣ—звучное, красивое, но и только.

Научное изученіе поэзіи Шевченка со стороны мотивовъ представляется затруднительнымъ по многимъ причинамъ. Хотя по внѣшнему объему Кобзарь не великъ, и его вполнѣ можно издать въ какой-либо „Дешевой библіотекѣ" въ объемѣ и стоимости полнаго собранія сочиненій Лермонтова въ 35 коп.; но по внутреннему содержанію Кобзарь—памятникъ сложный и богатый. Это малорусскій языкъ въ его историческомъ развитіи, крѣпостничество и солдатчина во всей ихъ тяжести стараго времени, въ отношеніи преимущественно къ семейному положенію женщины, и наряду неугасшія воспоминанія о козацкой вольности. Здѣсь сказываются удивительныя сочетанія, съ одной стороны, вліянія странствующаго украинскаго философа Сковороды и народныхъ кобзарей, съ другой—вліяніе Мицкевича, Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. Въ Кобзарѣ отразились кіевскія святыни, запорожская степная жизнь, идиллія малорусскаго крестьянскаго быта—вообще исторически выработавшійся народный душевный складъ съ своеобразными оттѣнками красоты, задумчивости и грусти. При посредствѣ своего ближайшаго источника и главнаго пособія—народной поэзіи, Шевченко тѣсно примыкаетъ къ козацкому эпосу, къ старой украинской и отчасти польской культурѣ и даже стоитъ въ связи, по нѣкоторымъ образамъ, съ духовно-нравственнымъ міромъ Слова о полку Игоревѣ. Шевченко не случайно перевелъ плачъ Ярославны. Въ его душѣ звучали поэтическія струны, близкія къ тѣмъ, которыя подъ вѣщими перстами Баяна рокотали славу древне-русскимъ князьямъ.

Главная трудность изученія поэзіи Шевченка заключается въ томъ, что она насквозь пропитана народностью, и крайне, трудно, почти невозможно, опредѣлить, гдѣ кончается малорусская народная поэзія и гдѣ начинается личное творчество Шевченка. Народное начало поглотило и скрыло литературныя вліянія; получается такое общее впечатлѣніе, будто поэзія Шевченка сложилась сразу, безъ историческихъ и литературныхъ традицій, безъ постороннихъ вліяній, безъ внутренняго органическаго роста—впечатлѣніе ошибочное. Несомнѣнно, и у Шевченка были источники и пособія въ богатыхъ уже въ его время запасахъ

литературъ русской, польской и малорусской. Ближайшее, научное изученіе открываетъ литературные источники, которыми пользовался Шевченко то удачно, то неудачно. Такимъ источникомъ была поэзія Мицкевича (см. ст. г. Колессы въ Запискахъ Товариства Шевченка), отчасти Н. Маркевичъ (см. ст. г. Студинскаго въ 24 № Зори 1896 г.). Извѣстно, что Шевченко любилъ Пушкина, зналъ многія его стихотворенія наизусть, и при всемъ томъ вліяніе Пушкина на поэзію Шевченка трудно опредѣлить за украинскими наслоеніями. Замѣтно вліяніе „Братьевъ разбойниковъ" на Варнака (282, 283), вліяніе „Египетскихъ ночей" (362), „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда" (246). Кое-гдѣ замѣтно вліяніе Лермонтова (о чемъ ниже). Есть еще одно препятствіе для научнаго анализа Шевченка—художественная цѣльность, простота и задушевность его стихотвореній.—Его мягкія поэмы живутъ своей внутренней, присущей имъ жизнью и не поддаются холодному и сухому научному разбору. Впрочемъ, выдѣленіе мотивовъ представляется дѣломъ сухимъ и малопривлекательнымъ лишь въ процессѣ работы, а не въ результатахъ ея. Сближеніе отдѣльныхъ мотивовъ открываетъ цѣлый рядъ глубоко жизненныхъ явленій, наводитъ на такія стороны въ мысляхъ и чувствахъ поэта, которыя ранѣе не были замѣчены или не были достаточно поняты. Съ выдѣленіемъ мотивовъ ярко обрисовываются кое-какія характерныя черты малорусскаго народнаго міросозерцанія и быта. Затѣмъ, лишь при выдѣленіи мотивовъ и по сравненію ихъ съ породившими ихъ явленіями литературы и быта, можно будетъ проникнуть въ тайну художественнаго творчества Шевченка и опредѣлить, какъ отражались и кристаллизировались въ чуткой душѣ поэта испытанныя имъ житейскія эмоціи.

Цѣль настоящей статьи—скромная: нѣсколько общихъ замѣчаній по вопросу изученія Кобзаря по мотивамъ, нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ мотивахъ. Для полнаго и обстоятельнаго изученія Шевченка нужно еще многое такое, чего нѣтъ въ настоящей статьѣ, нужно во 1) составить словарь Шевченка, что поможетъ опредѣленію самыхъ мелкихъ мотивовъ, 2) нужно изучить формальную сторону его поэзіи (непочатое поле), т. е.

строеніе стихотвореній, эпитеты, повторенія и пр. т. п., 3) нужно привлечь прозаическія статьи и письма Шевченка, 4) подыскать соотвѣтствующія литературныя параллели въ поэзіи малорусской, великорусской и польской, съ одной стороны—въ цѣляхъ опредѣленія возможныхъ литературныхъ подражаній, съ другой—для уясненія общихъ пріемовъ художественной концепціи, и въ 5) путемъ постановленія всѣхъ подмѣченныхъ мотивовъ нужно опредѣлить главные запасы житейскихъ наблюденій, какіе накопилъ Шевченко, и его личныя точки зрѣнія. Послѣдняя задача намѣчена ниже лишь вкратцѣ и мимоходомъ.

Не придавая настоящей статьѣ значенія полнаго и разносторонняго изслѣдованія, мы, однако, сочли бы ошибочнымъ и несправедливымъ, если бы она сочтена была за простой предметный указатель. Это было бы несправедливо потому, что мотивы большей частью сгруппированы по внутреннему ихъ сродству и мѣстами комментированы; стоитъ только, при достаткѣ времени, раскрыть данныя въ скобкахъ цифровыя ссылки, какъ настоящая сравнительно небольшая статья легко можетъ быть обращена въ большое изслѣдованіе.

Прежде всего нужно отмѣтить признанія поэта о *значеніи и цѣляхъ художественнаго творчества* вообще, его личнаго творчества въ частности. Правда, въ литературѣ существуютъ уже замѣтки на этотъ счетъ въ значительномъ числѣ; но онѣ далеко не исчерпываютъ всѣхъ, относящихся сюда, мотивовъ. Обыкновенно пользуются лишь тѣмъ, что поэтъ говоритъ о своемъ словѣ или о своей музѣ — всѣмъ извѣстныя „Орыся моя, ниво", или „Не нарикаю я на Бога", „За думою дума" и др. (см. по петербургскому изданію 1883 г., стр. 162, 217, 462, 479, 406, 407, 442, 326, 6, 165). Но этихъ мотивовъ (*слово, муза, пѣсня, нива)* еще недостаточно для обрисовки воззрѣній Шевченка на природу и значеніе поэзіи. Нужно привлечь еще тѣ мѣста, гдѣ говорится о счастьѣ, какъ понимаетъ его поэтъ (напр. на стр. 298), о славѣ (стр. 458). Въ особенности важны въ смыслѣ поэтическихъ признаній всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится

о кобзарѣ, *о пророкѣ* и о *думахъ*, какъ любимыхъ дѣтяхъ (1, 4, 162, 173, 202, 217, 218, 241, 278, 353 и др.).

Въ большинствѣ случаевъ поэтъ подразумѣваетъ подъ кобзаремъ самого себя; потому онъ внесъ во всѣ обрисовки кобзаря много лирическаго чувства. Исторически сложившійся образъ народнаго пѣвца былъ по душѣ поэту, въ жизни и нравственномъ обликѣ котораго, дѣйствительно, было много кобзарьскаго. О кобзарѣ Шевченко говоритъ очень часто (по изд. 1883 г. см. стр. 3, 4, 5, 7, 9, 12—13, 53, 55, 58, 91, 92, 96 и мн. др.). Рѣже сравнительно встрѣчается пророкъ (см. стр. 381, 406, 461). Къ стихотвореніямъ о пророкѣ тѣсно примыкаетъ небольшое, но сильное ст. объ апостолѣ правды (482). Въ обрисовкѣ пророка, въ особенности въ ст. „Неначе праведныхъ дитей“, замѣтно общее, довольно сильное вліяніе Лермонтова. Итакъ, въ самостоятельную субъективную группу можно выдѣлить всѣ мотивы: слово, пѣсня, муза, (отчасти слава), кобзарь и пророкъ, что, разумѣется, не исключаетъ возможности разсматривать эти мотивы и въ другомъ порядкѣ, хотя бы въ наиболѣе простомъ и сравнительно наиболѣе безопасномъ отъ ошибокъ—порядкѣ алфавитномъ.

Народность Шевченка, какъ народность Пушкина и др. выдающихся поэтовъ, слагается изъ двухъ родственныхъ элементовъ—а) народности внѣшней, заимствованій, подражаній и б) народности внутренней, психически наслѣдственной. Опредѣленіе внѣшнихъ, заимствованныхъ элементовъ не трудно; для этого достаточно ознакомиться съ этнографіей и подыскать прямые источники въ народныхъ сказкахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, обрядахъ. Опредѣленіе внутреннихъ психологическихъ народныхъ элементовъ весьма затруднительно и въ полномъ объемѣ невозможно. У Шевченка есть тѣ и другіе элементы; но при этомъ основные психологическіе такъ широки, что придаютъ общую окраску всей его поэзіи и сообщаютъ ей большую колоритность. Душа Шевченка до такой степени насыщена народностью, что всякій, даже посторонній, заимствованный мотивъ получаетъ въ его поэзіи украинскую національную окраску.

Къ внѣшнимъ, заимствованнымъ и въ большей или меньшей степени переработаннымъ народно-поэтическимъ мотивамъ принадлежатъ:

1) Малорусскія *народныя пѣсни*, приводимыя мѣстами цѣликомъ, мѣстами въ сокращеніи или передѣлкѣ, мѣстами лишь упоминаемыя. Такъ, въ „Перебендѣ" Шевченко упоминаетъ объ извѣстныхъ думахъ и пѣсняхъ—про Чалаго, Горлыцю, Грыця, Сербына, Шинкарьку, про тополю у края дороги, про руйнованье Сичи, „веснянки", „у гаю"—любопытный репертуаръ пѣсенъ, должно быть, особенно любимыхъ поэтомъ и хорошо ему извѣстныхъ. Пѣсня „Пугачъ" упоминается, какъ чумацкая, въ „Катерынѣ"; „Петрусь" и „Грыць" въ „Черныцѣ Марьянѣ"; „Ой не шумы, луже" упоминается дважды,—въ „Перебендѣ" и „До Основьяненка". Въ „Гайдамакахъ" и въ „Невольныкѣ" находится дума о бурѣ на Черномъ морѣ въ небольшой передѣлкѣ. Встрѣчается нѣсколько народныхъ пьяницкихъ пѣсенъ (13, 379). Свадебныя пѣсни, изъ тѣхъ скабрезныхъ, что поютъ на перезву, вошли въ „Гайдамакы" (стр. 120, 125). По всему „Кобзарю" разсѣяны отзвуки, подражанія и передѣлки народныхъ лирическихъ пѣсенъ (напр. на 344, 367, 371, 372, 374—380, 464 и др.).

2) *Легенды*, *преданія*, *сказки* и *пословицы*, сравнительно съ пѣснями, встрѣчаются рѣже. Изъ легендъ о хожденіи Христа взято начало ст. „У Бога за дверьмы лежала сокыра". Изъ преданій взятъ разсказъ о томъ, что „ксендзы нѣкогда не ходили, а ѣздили на людяхъ" (302). Пословица „скачы враже, якъ панъ каже" (7) въ „Перебендѣ". Нѣсколько поговорокъ рядомъ въ „Катерынѣ" (на 45 стр.). Много народныхъ пословицъ и поговорокъ разбросано въ „Гайдамакахъ".

3) Въ большомъ количествѣ встрѣчаются народныя *повѣрья и обычаи*. Таковы, повѣрья о сонъ-травѣ (229), о томъ, что на мѣсяцѣ „братъ брата на вильцяхъ держе" (513), что „веселка воду позычае" (248). Таковы многіе свадебные обычаи—обмѣнъ хлѣбомъ, дареніе рушниковъ, печеніе коровая и др. (150—152, 233, 335), обычныя формы ласки (мытье головы стр.188), обычай посадки деревьевъ надъ могилами (31) или по отсутствующему (232),

повѣрья о вѣдьмахъ (206, 443—457), о русалкахъ (26, 27, 29, 225), о ворожкахъ (16, 17), о прыстритѣ (179, 59).

4) Масса художественныхъ *образовъ* взята изъ народной поэзіи, напр., образъ смерти съ косой въ рукахъ (240), олицетвореніе чумы (360, 374). Въ особенности часто встрѣчаются народные образы доли и недоли. Не входя въ подробности, замѣтимъ только, что народный складъ представленій Шевченка о долѣ выступитъ очень рельефно, если взять, напримѣръ, тѣ мѣста „Кобзаря", гдѣ говорится о долѣ — и такихъ мѣстъ очень много—по изд. 1883 г., стр. 18, 312, 440, 174, 175, 276, 367, 369, 212, 213, 214, 216, 218, 219,—и сравнить ихъ съ народными пѣснями о долѣ въ V т. Трудовъ Чубинскаго 1042, 1019, 1025, 360, 361, 785, 627, 4, 28, 29, 30, 345, 41. Доля въ „Невольникѣ" (174—175) внушена поэту народными сказками.

5) Наконецъ, въ Кобзарѣ много заимствованныхъ народнопоэтическихъ *сравненій* и *символовъ*, напр. склоненіе явора—горе парубка (181), весилье—война (224, какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ думахъ), жатва—битва (161, какъ въ Словѣ о П. Иг. и въ думахъ), заростаніе шляховъ—символъ отсутствія милаго (232), калина—дѣвица (205, 214, 230).

Народная пѣсня потому часто встрѣчается въ Кобзарѣ, что она имѣла огромное значеніе для поддержанія духа поэта въ самые горестные часы его жизни, что прекрасно выражено на стр. 309:

Люде зрадять,
А вона мене порадыть
И порадыть, и розваже,
И правдоньку мени скаже.

Народность Шевченка опредѣляется далѣе его міросозерцаніемъ, излюбленными его точками зрѣніями на внѣшнюю природу и на общество, причемъ въ отношеніи къ обществу выдѣляется элементъ историческій—его прошлое, и элементъ бытовой—современность. Одна изъ этихъ основныхъ точекъ зрѣнія бываетъ иногда атрофирована, другими словами, нѣтъ природы, или отсутствуетъ исторія, или недостаетъ современности. У

Майкова, напр., не было современности, и природа у него освѣщена очень блѣдно. У большинства современныхъ лириковъ нѣтъ ни малѣйшаго историческаго интереса. Всего этого много у Пушкина, Лермонтова, Шевченка; всѣ основные моменты—внѣшняя природа, исторія и современный бытъ освѣщены у нихъ съ глубоко національной точки зрѣнія.

Внѣшняя природа обрисована оригинально, съ своеобразнымъ украинскимъ колоритомъ. *Солнце* ночуетъ за моремъ, выглядываетъ изъ-за хмары, какъ женихъ весной посматриваетъ на землю (6, 60, 184, 412 и др.). *Мѣсяцъ* круглый, блѣднолицый, гуляя по небу, смотритъ на „море безкрае" (65) или „выступае съ сестрою зорею". Всѣ эти образы дышатъ художественно-миѳическимъ міросозерцаніемъ, напоминаютъ древнія поэтическія представленія о супружескихъ отношеніяхъ небесныхъ свѣтилъ.[1] *Вечерняя звѣзда* въ „Сонце заходыть" (246) ставитъ это стихотвореніе въ близкую связь съ пушкинскимъ „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда". Подробно я говорилъ объ этихъ стихотвореніяхъ и народныхъ ихъ аналогіяхъ въ I вып. „Этюдовъ о Пушкинѣ" стр. 32. Сходные мотивы на 246, 248 и нѣкот. др.

Тучи, хмары упоминаются большей частью мимоходомъ (25, 27, 306 и др.). Превосходно изображеніе вечерняго облака на 306 стр.

Вѣтеръ у Шевченка является въ образѣ могучаго существа, принимающаго участіе въ жизни Украины (см. 161 стр. и др.); то онъ ночью тихонько ведетъ бесѣду съ осокой (203), то гуляетъ по широкой степи и разговариваетъ съ курганами (8, 209), то заводитъ буйную рѣчь съ самимъ моремъ (214, 216). Зимняя завирюха обрисована въ „Катерынѣ" (стр. 49).

Море—но объ немъ мы здѣсь не будемъ распространяться—въ виду существованія статьи А. Каневскаго „Море въ поэзіи Т. Г. Шевченка" въ 30 № „По морю и сушѣ" 1895 г., гдѣ собраны всѣ главныя обрисовки моря. Въ какой національно бытовой обстановкѣ является у Шевченка море, можно судить изъ слѣдующаго интереснаго по простотѣ и задушевности стихотворенія:

Каламутными болотамы,
Мижъ бурьянамы, за годамы
Три годы сумно протеклы;
Багато де-чего взялы
Зъ моеи темнои коморы
И въ море нышкомъ однеслы,
И нышкомъ проковтнуло море
Мое не злато—серебро—
Мои лита, мое добро,
Мою нудьгу, та и печали...

Эта картина въ основѣ имѣетъ представленіе о наиболѣе практикуемомъ въ Малороссіи способѣ воровства изъ коморы, гдѣ крестьяне хранятъ все лучшее, обыкновенно одежду, а кто побогаче—то и злато - серебро. Море является тайнымъ сообщникомъ вороватыхъ годовъ.

Дунай вошелъ въ стихотворенія Шевченка подъ прямымъ вліяніемъ народной поэзіи и обрисованъ (см. 38, 138, 190) въ духѣ народной поэзіи.

Другое дѣло *Днѣпръ*. Это, можно сказать, одинъ изъ самыхъ главныхъ и основныхъ мотивовъ всей поэзіи Шевченка. Съ Днѣпромъ въ сознаніи поэта связывались историческія воспоминанія и любовь къ родинѣ. Въ „Кобзарѣ“ Днѣпръ—символъ и признакъ всего характерно малорусскаго, какъ Vater Rhein въ нѣмецкой поэзіи или Волга въ великорусскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ. „Немае другого Днипра“, говоритъ Ш. въ посланіи до мертвыхъ, живыхъ и ненарожденныхъ земляковъ. Съ Днѣпромъ поэтъ связывалъ идеалъ счастливой народной жизни, тихой и въ довольствѣ:

Мижъ горамы старый Днипро,
Неначе въ молоци дытына,
Красуетця, любуетця
На всю Украину,
А по надъ нымъ зеленіють
Широкіи села,
А у селахъ у веселыхъ
И люды веселы....

Днѣпръ широкій (381), дужій, сильный (102), какъ море (2); всѣ рѣки въ него впадаютъ, и онъ всѣ ихъ воды несетъ въ море (297); у моря онъ узнаетъ о козацкомъ горѣ (20); онъ

реветъ, стонетъ, тихо говоритъ, даетъ отвѣты; изъ-за Днѣпра прилетаютъ думы, слава, доля. Здѣсь пороги, курганы, церковка сельская на крутомъ берегу; здѣсь сосредоточенъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній, потому что Днѣпръ „старый" (354), потому что Днѣпръ „сивый козакъ" (270). На берегу Днѣпра поэтъ, по собственному его желанію, и похороненъ (201). Вообще, Днѣпръ входитъ во многія лучшія стихотворенія Шевченка (см. 354, 381, 397, 297, 2, 8, 20, 25, 27, 29, 68, 102, 138, 164, 167, 186, 201, 225, 237, 241, 278, 242, 266, 267, 270, 277, 278, 353, 354, 465).

Другой весьма обычный мотивъ поэзіи Шевченка—*Украина*, то упоминается мимоходомъ, но всегда ласкательно, то съ обрисовкой или естественно-физической, или исторической, такъ что при систематизаціи мотивовъ пріуроченіе Украины представляетъ нѣкоторое затрудненіе. Съ наибольшей основательностью мотивъ этотъ можетъ быть отнесенъ въ разрядъ мотивовъ внѣшнихъ, тѣмъ болѣе, что природа Украины описана лучше и вѣрнѣе, чѣмъ исторія Украины, гдѣ поэтъ иногда впадаетъ въ одностороннюю идеализацію (стр. 4, 7, 8, 161, 265, 267, 273 и др). Въ описаніи природы Украины выступаютъ чередующіеся поля и лѣса, гаи, садочки, широкія степи (209, 246, 249 и др.)[1]).

Для кого я пышу, для чого,
За що я Вкраину люблю,
Чи вартъ вона огня святого?
А все таки іи люблю
Мою Украину шыроку... (292—293).

Изъ этой коренной психологической любви къ родинѣ вышли всѣ сочувственныя описанія малорусской *флоры* и *фауны*—тополи (13 и др.), перекатиполя (219), лилеи (227), королева цвита (227), ряста (251), барвинка (334) и особенно калины (210, 214, 229 и 230), соловья (14, 15, 210, 273 и др,), чайки (164), сыча (359). Сближеніе соловья съ калиной въ ст. „На вичну память Котляревському" построено на сближеніи ихъ въ народныхъ пѣсняхъ (напр. въ V т. Трудовъ Чубинскаго стр. 23, 463). Подроб. объ этомъ мотивѣ и сходныхъ восточныхъ о

---

[1]) См. еще *Партицкаго*, „Провидни идеи въ письмахъ Т. Шевченка",

любви соловья и розы см. въ IV вып. моихъ „Этюдовъ о Пушкинѣ“ стр. 1—5. Интересно сравнить „Лилею“ Шевченка (227—229) съ „Лилеей“ Манжуры. Можно подумать, что первыя строки стихотворенія Шевченка повліяли на Манжуру; но, несомнѣнно, что стихотвореніе Манжуры обработано вполнѣ оригинально; по силѣ и по стройности оно выше соотвѣтствующаго стихотворенія Шевченка.

Историческіе мотивы весьма разнообразны—плачъ Ярославны (474), гетьманщина (171, 270, 389), запорожцы (8, 24, 68, 178, 190, 191, 220, 261—2, 285, 355), въ частности запорожское оружіе (182, 234, 235), плѣнники (19, 20, 22), картины печальнаго запустѣнія (239, 354), историческіе шляхи (231, 352, 232, 235, 387), могилы козацкія (405, 236 и мн. др.), угнетеніе уніатами (10, 301 и др.), историческія мѣстности—Чигиринъ, Трахтемировъ (160, 270), историческія лица—Богданъ Хмельницкій, Дорошенко, Семенъ Палій, Пидкова, Гамалія, Гонта, Зализнякъ, Головатый, Дмитрій Ростовскій (467, 385, 284, 8, 191, 19 и др.). Иногда подъ однимъ мотивомъ, однимъ именемъ могутъ скрываться разныя пониманія, напр., въ однихъ мѣстахъ гетьманы „варшавське смиття“ (175), прокляти (270), въ другихъ гетьманщина называется „святой“ (389).

На рубежѣ между исторіей и современностью стоитъ мотивъ *о чумакахъ.* Во время Шевченка это было еще чисто бытовое явленіе. Позднѣе чумачество было убито желѣзнымы дорогами. Въ „Кобзарѣ“ чумаки являются довольно часто (45, 150, 375, 378, 13, 33, 156, 306, 374), причемъ чаще всего говорится о болѣзни и смерти чумака (33, 374, 375). При благопріятныхъ обстоятельствахъ чумаки везутъ богатые подарки (156); но иногда они возвращаются съ одними „батожками“ (378). Вообще, чумачество описано въ духѣ народныхъ пѣсенъ, и мѣстами подъ прямымъ ихъ вліяніемъ, что можетъ быть на-

глядно выяснено соотвѣтствующими народными параллелями изъ сборниковъ Рудченка, Чубинскаго и др.

Солдатчина у Шевченка тѣсно переплетается съ панщиной и нынѣ въ данной имъ обрисовкѣ въ значительной степени представляется архаическимъ явленіемъ: въ солдаты еще сдаютъ паны, служба продолжительная; сравнительно наиболѣе полный и сочувственный образъ солдата въ „Пусткѣ" (233) и въ „Ну що, здавалося, слова". (407)... Кромѣ того см. еще 232, 293, 295, 372, 389, 416.

Чужина обрисована большей частью въ духѣ народныхъ пѣсенъ, меланхолически и неопредѣленно (213, 217, 350 и др.)

На чужыни не ти люде—
Тяжко зъ нымы жиiты...

Поэзія Шевченка очень богата религіозно-нравственными мотивами. Теплое *религіозное чувство* и страхъ Божій проникаютъ весь „Кобзарь" (см. 168, 169, 183, 187, 219, 268 и мн. др.). Извѣстно молитвенное обращеніе Ш. къ Богу:

Дай жиiты—серцемъ жиiты
И Тебе хвалыты,
И Твій свитъ нерукотворный,
И людей любыты.

Въ посланіи до живыхъ и ненарожденныхъ земляковъ своихъ благочестивый поэтъ вооружается противъ атеизма и объясняетъ невѣріе одностороннимъ вліяніемъ нѣмецкой науки. Какъ человѣкъ весьма религіозный, Шевченко въ теплыхъ выраженіяхъ говоритъ *о силѣ молитвы* (425, 402), *о кіевскихъ святыняхъ, о чудотворномъ образѣ пр. Богородицы* (263), *о богомолкѣ* (283, 152, 184), постоянно выдвигаетъ христіанскіе принципы *добра* (289, 321, 322 и др.), въ особенности *прощеніе* врагамъ (247, 456, 457 и др.). Сердце поэта отъ смиренія и прощенія исполнено *надежды* (279, 288). Все это спасло поэта

отъ *пессимизма* и *отчаянія,* лишь по временамъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій его личной жизни и жизни его родины, пробивавшихся въ поэзію Шевченка, напр. въ видѣ горестнаго восклицанія, что „нема раю на всимъ свити, хиба що на неби" (222).

Въ тѣсной связи съ основнымъ религіозно-нравственнымъ настроеніемъ поэта стоятъ всѣ мотивы *о богатствѣ и бѣдности, о значеніи труда* (42, 43, 147, 221 и др.) Поэта смущаетъ имущественное неравенство людей и нужда ихъ, смущаетъ его еще болѣе, что богатство не обезпечиваетъ счастья:

Есть люде на свити—
Сриблομъ—злотомъ сяють,
Здается, панують,
А доли не знають,
Ни доли, ни воли!

Отсюда совѣты—„не женыся на багатій, бо выжене съ хаты;" въ другомъ стихотвореніи: „Не завыдуй багатому; багатый не мае ни пріязни, ни любови—винъ все те наймае..." Трудъ одобряется, какъ условіе самостоятельности.

Бо хто не вміе заробыть,
То той не вмитыме й пожить (569).

Наука Шевченка благочестива и человѣколюбива. Въ пользу поэта въ особенности подкупаетъ извѣстный выставленный имъ принципъ—„и чужому научайтесь и свого не цурайтесь". Поэту, однако, совсѣмъ была чужда идея исканія истины и служенія ей независимо отъ какихъ-либо, хотя бы самыхъ дорогихъ, традицій, въ смыслѣ словъ Виктора Гюго:

Je veux savoir,
Quand la science serait sombre
Comme le soir!

У Шевченка обнаруживается мѣстами національно-прикладное пониманіе науки, мѣстами отождествленіе науки съ моралью и неудачное иронизированіе надъ людьми „пысьменными и дру-

кованными“, которые будто бы даже солнце „гудять“ (66), или, какъ это выражено въ другомъ мѣстѣ:

Якъ бы вы вчылысь такъ, якъ треба,
То й мудрость бы була своя;
А то зализете на небо:
„И мы не мы, и я не я,
И все те бачывъ, все те знаю,
Нема ни пекла, а ни раю,
Нема и Бога, тилькы я,
Та куцый нимець узлуватый,
Та бильшъ никого...

Поэтъ хотѣлъ „своей мудрости“; но такая мудрость бываетъ иногда въ прямой ущербъ для науки и подчасъ даже и препятствуетъ развитію народнаго самосознанія и прогресса.

Оставляя въ сторонѣ *политическіе мотивы*, нынѣ большей частью устарѣвшіе, мотивы хорошо извѣстные по заграничнымъ изданіямъ „Кобзаря“ (лучшее изд. Огоновскаго), мы отмѣтимъ здѣсь лишь его *славянофильство*, которому посвящено въ Кобзарѣ не мало страницъ (109, 110, 141, 169, 194, 195, 196). Сюда же примыкаетъ стихотвореніе „славянамъ“, изданное въ октябр. кн. Кіевск. Стар. 1897 г.

Кое гдѣ разбросаны *этнографическіе мотивы*—о ляхахъ (457, 301 и др.), жидахъ (74, 76, 162, 223, 224 и др.), цыганахъ (444, 455), киргизахъ (241, 300, 301).

Въ особую группу нужно выдѣлить мотивы *автобіографическіе*, напр., цѣнное въ этомъ отношеніи посланіе къ Козачковскому (263), „Мени тринадцятый мынавъ“ и др. (268, 441, 442 и др.) и въ особую группу мотивы *объ отдѣльныхъ писателяхъ*, напр., о Сковородѣ (263), Котляревскомъ (212). Шафарикѣ (194), Марко-Вовчкѣ (461).

Всѣ перечисленные выше мотивы поэзіи Шевченка, за исключеніемъ двухъ - трехъ (Днѣпръ, Украина, козаки), уступаютъ передъ основными мотивами *семейно-родственными*. Семья—есть настоящая суть всего „Кобзаря“, а такъ какъ основу

семьи составляетъ женщина и дѣти, то они и наполняютъ собой всѣ лучшія произведенія Шевченка [1]). П. И. Житецкій въ „Мысляхъ о малор. думахъ" (стр. 72) говоритъ, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, народная этика сводится главнымъ образомъ къ семейной морали, основанной на чувствѣ родства. Въ другомъ мѣстѣ г Житецкій говоритъ, что въ народной поэзіи правда называется матерью ридною, а мать правдою вирною, и въ образѣ матери создана большая нравственная сила, какъ сила любви. Всѣ эти сужденія вполнѣ примѣнимы къ поэзіи Шевченка, которая по развитію семейно-родственныхъ идеаловъ примыкаетъ непосредственно къ народной поэзіи.

Арена развитія семейно-родственныхъ началъ—*село* обрисовано весьма сочувственно (175, 249, 269, 294, 310, 354, 361, 389, 464, 465). Какъ въ народной поэзіи, у Шевченка село обыкновенно риөмуется съ словомъ весело. Идеаломъ поэта было чтобы „пустыню опановалы веселіи села" (464). Есть и „убоги села", и „село неначе погорило"—все отъ панщины.

Еще чаще упоминается и мѣстами полнѣе описана *хата*—излюбленный мотивъ Шечвенка (396, 191, 202, 269, 271, 465, 236, 239, 244, 346, 388, 396, 486, 273, 279, 293, 298, 321, 354, 362, 373, 374, 378, 465, 478, 480, 482, 488). Большей частью хата лишь упоминается, обыкновенно съ добавкой эпитета „бѣлая": „Хатки биленьки—мовъ диты въ билыхъ сорочкахъ" (269, 293, 321, 354), „хатына, неначе дивчына, стоить на прыгори" (465); въ хатѣ „живе надія" (279, 298). Въ несчастныхъ семьяхъ хата „пусткою гніе" (244), покои немазани, сволокъ немытый—(346), пекло, неволя (388). Лучшія описанія хаты въ ст. „Хатына" (396) и „Вечиръ" (236). Своеобразны сравненія и образы: погорѣлая хата—истомленное сердце (202), хата—славянство (191), хата—могила (486).

Молодость, молодыя лѣта (277, 288, 309 и др.) обрисованы въ духѣ народной словесности, мѣстами какъ подражаніе и перепѣвъ.

---

[1]) О Шевченкѣ, какъ другѣ семьи, краткая статья А. Каневскаго въ 8 № „По морю и сушѣ" 1895 г.

Парубоцтво обрисовано блѣдно, случайно и мимоходомъ (напр. на 389); *дивчина* входитъ во многія стихотворенія, чаще всего описаніе дѣвичьей красоты (205, 215, 238, 296, 368, 412), любви (56, 59, 61, 123), дивованья (367, 368, 369, 373, 14). Отношеніе поэта къ дѣвушкѣ глубоко гуманное. Одно изъ лучшихъ стихотвореній Шевченка въ этомъ отношеніи. „И станомъ гнучкымъ" написано подъ вліяніемъ извѣстной „Молитвы" Лермонтова. Съ чувствомъ искренней горести поэтъ рисуетъ паденіе дѣвушки (204, 239, 244, 393, 477). Весьма замѣчательны по различію тона два однородныхъ стихотворенія—дѣвица безъ дружины (238—тонъ протяжный и грустный) и дѣвица помолвленая (237—тонъ бойкій, веселый).

Въ „Черниця Марьяна" и „Назаръ Стодоля" описаны *вечерницы*, на стр. 413 *сговоръ*, 151—*коровай*, 39 и др. *весилье*, 338—*бракъ неравный по лѣтамъ*, 390, 398, 402—*бракъ неравный по общественному положенію*. Потребность семейной жизни отмѣчена во многихъ мѣстахъ „Кобзаря" (напр. 221), а *идеалы* тихой и радостной *семейной жизни* выражены на стр. 397, 464, 465, 468, 472, 473.

Въ особенности видное значеніе въ поэзіи Шевченка имѣютъ *дѣти*. Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного писателя, у котораго такъ много мѣста было бы отведено дѣтямъ. Причиной тому были сильныя личныя впечатлѣнія поэта изъ тяжелаго его дѣтства и его любовь къ дѣтямъ, подтверждаемая, помимо Кобзаря, и многими біографическими данными, въ особенности характерными воспоминаніями г-жи Кропивиной. О дѣтствѣ самого Шевченка см. подробную статью г. Конисскаго въ „Русской Мысли" 1893 г. Стихи о дѣтяхъ въ петерб. изд. Кобзаря 1883 г. разбросаны на стр. 42, 46, 48, 146, 247, 253—4, 293, 353, 365, 388, 144, 252, 345 и др. Лучшее стихотвореніе этого рода—„И золотои, и дорогои" (292—293)—имѣетъ крупное автобіографическое значеніе.

Незаконнорожденныя дѣти, или *байструки* встрѣчаются на многихъ страницахъ Кобзаря, какъ темное пятно крѣпостного быта—стр. 52, 53, 146, 228, 319, 320, 326, 390, 374, 398 и

др. Поэтъ такъ объясняетъ свою симпатію къ байстрятамъ (стр. 326):

Неначе воронъ той, летячи,
Про непогоду людямъ краче:
Такъ я про слезы, та печаль,
Та про байстрятъ отыхъ ледачыхъ.
Хоть и никому ихъ не жаль,
Росказую та плачу.
Меня ихъ жаль!...

Семейныя отношенія выражены 1) въ обрисовкѣ *матери* вообще (396, 412, 457), 2) отношеній *между матерью и сыномъ* (стр. 365, 374, 41, 42, 45, 46, 51, 142, 146, 148, 149, 160 и др.) и 3) отношеній *между матерью и дочерью* (стр. 371, 205, 229, 253, 317, 16, 18—19, 34, 36—37, 39, 59, 61 и др.) Повсемѣстно разсѣяно много народно-поэтическихъ элементовъ, частью какъ результатъ прямого заимствованія изъ народной поэзіи, частью какъ наблюденіе надъ живой дѣйствительностью.

Отношеніе *отца къ сыну* въ „Сотникѣ“ (341) построено на нѣсколько исключительномъ мотивѣ любви къ одной женщинѣ.

Одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ мотивовъ Шевченка—*покрытка.* У Шевченка былъ предшественникъ, касавшійся этого мотива—Г. Ѳ. Квитка. Въ народной поэзіи покрытка встрѣчается рѣдко, кое-гдѣ въ пѣсняхъ, да и то большей частью мимоходомъ и описательно. Шевченку принадлежитъ заслуга обстоятельнаго изученія соціальныхъ условій, порождавшихъ при крѣпостничествѣ покрытокъ, и заслуга изображенія ихъ не только художественнаго но и гуманнаго, въ интересахъ пробужденія общественной совѣсти и состраданія. О покрыткахъ говорится на стр. 35, 51, 160, 295, 314, 317, 325, 326, 446, 456, 457, и др. Цѣлыя поэмы—„Катерына“, „Видьма“ трактуетъ о покрыткѣ. Наибольшая идеализація покрытки выразилась въ концѣ „Видьма“. Въ другомъ видѣ идеализація покрытки, еще болѣе искусственная („ій шкода мужыка да жаль святого сиряка“), проведена въ „Марынѣ“. Поэтъ не жалѣлъ темныхъ красокъ при описаніи горемычной доли покрытки, мѣстами не безъ круп-

ныхъ преувеличеній. Въ дѣйствительности „покрываніе“ сходило для дѣвицъ легче, при значительной снисходительности общественнаго мнѣнія. О покрыткахъ, какъ бытовомъ явленіи, см. замѣтку Фонъ-Носа въ Кіев. Стар. 1882. III. 427—429.

Большимъ сочувствіемъ Шевченка пользовались также *наймички*. Объясненіе дано на 388 стр.:

Мои голубкы молодыи!
Для кого въ свити жывете?
Вы въ наймахъ вырослы чужіи,
У наймахъ косы побиліють,
У наймахъ, сестры, й умрете!

Цѣлая поэма, лучшее произведеніе Шевченка, посвящено наймычкѣ и получило такое заглавіе. Здѣсь разлито много теплаго, гуманнаго чувства. Если бы Шевченко не написалъ ни одной строчки, кромѣ „Наймички“, то этой поэмы было бы достаточно, чтобы стать ему во главѣ малорусской литературы и въ ряду съ наиболѣе крупными славянскими гуманитарными поэтами.

Въ то время какъ народная поэзія оставляетъ безъ вниманія *старость*, Шевченко съ любовью относится къ старикамъ и старухамъ—бѣднымъ вдовамъ (365, 153, 154, 192, 273 и др.). Таково симпатичное изображеніе дѣда, вспоминающаго о молодости (273), дѣда въ семейной обстановкѣ, съ внуками (192 и др.), стараго кобзаря Перебенди (4—7).

Образъ *смерти* въ стих. „По надъ полемъ иде“ и въ „Невольникѣ“ въ видѣ косаря, образъ традиціонный, стоящій въ близкой связи съ произведеніями поэзіи и искусства какъ южнорусскихъ, такъ и западно-европейскихъ. Стихотвореніе это при всемъ томъ отличается въ высшей степени своеобразнымъ, чисто украинскимъ характеромъ, какъ образцовая національная обработка широкаго международнаго культурнаго мотива.

Даже *кладбище* описано у Шевченка такъ, что выдѣляется нѣчто характерно-украинское (стр. 295, 425).

По горы
Садочокъ темный, а въ садочку
Лежать собі у холодочку,

Мовъ у раю, мои стари.
Хресты дубови посхылялись,
Слова дощемъ позмывались...
И не дощемъ, и не слова
Гладесенько Сатурнъ стырае!..
Нехай святымы спочивають
Мои стари. . .

Въ этихъ словахъ сказалось такое глубоко-христіанское настроеніе поэта, какое роднитъ его по духу съ первыми христіанами, писавшими въ катакомбахъ на саркофагахъ своихъ родныхъ скромное „cum sanctis“ или даже одно „sanctis“, въ которомъ именно выражалось желаніе, чтобы покойники почивали со святыми.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ ШЕВЧЕНКУ.

1857—1860.

Задержанный на пути въ столицу 19 сентября въ Нижнемъ Новгородѣ, Шевченко разослалъ приглашенія къ своимъ друзьямъ—навѣстить его во время праздника Рождества [1]). Отъ 3 декабря онъ писалъ Кулишу въ Петербургъ:

«Зробы ты ось що: старый Щепкинъ на симъ тыжни хоче до мене прыйихать въ гости; а що якбы и ты молодый забигъ за нымъ у Москву, та вкупочци и прылетилы бъ до мене. Тутъ бы мы порадылысь зъ старымъ майстромъ и насчотъ твоихъ «Записокъ» и на счотъ мого никчемного добра».

Но П. А. отъ поѣздки наотрѣзъ отказался:

1.

«Не подобае мени, друже мій Тарасе,—писалъ онъ изъ Петербурга, йиздыть на розмову съ тобою, бо про тебе побываються, якъ бы тебе залучыть до столыци; якъ же пійде слава, що вже й теперъ до тебе збираются земляки, якъ жыды до рабына, то гляды—й попсуеться твое дило въ велыкихъ панивъ: Я жъ соби на лыхо, чоловикъ у громади замитный, то заразъ уси й дознаются, шо пойихавъ за симъ мылъ киселю йисты. Колыбъ же то люде толковалы дило по правди, а то таке выгадають, що й не снылось нашому брату. Такъ не жды мене и не пеняй на мене. Мени сей зъиздъ не зашкодывъ бы, а тоби певно зашкодыть. Пышешъ ты про свои вирши. Добре бъ ты вчинывъ, якъ бы довивъ ихъ до ладу да й попрысылавъ мени любенько. Друковаты жъ тоби на первыхъ порахъ ничого не ражу,—

[1]) См. раньше стат. г. Ярцевна „Шевченко и Щепкинъ".

хиба вже втеряешъ зовсимъ надію на столыцю. А якъ дасть Богъ прывитать тебе оттутъ на багнахъ, тоди порадымось, що зъ ными чиныты.

Нема твого «Гуса» ни въ кого, пане брате![1]). А згадай самъ, що здумаешъ, а що забувъ, то скомпануй наново. Симъ ты намъ догодышъ краще одъ караваю, далеби! Про журналъ я й не помышляю. Не наше се дило, Тарасе. Утонешъ у журнали безъ славы й безъ памяты. Нехай хто иншій веде журналъ, а мы помогатымемъ, то се такъ! намъ треба пысать у тому роди, который есть наше праведне достояніе и що вже нехай хто иншій, хоть якъ потіе, а ничого такого не втне. Журнальна жъ премудрость не велыке дыво и багато знайдется до сего дила мыстецивъ. Нехай соби мизкують на здоровье! А я оце копавсь у старосвитскихъ шпаргалахъ, доводывъ до ладу всяку всячину для «Записокъ», а дали печатавъ Гоголя, то зникчемнивъ бувъ ни на що, а теперъ якъ покинувъ таку работу, що всяке подужало бъ, то й свитъ мени одкрывся, и почавъ я пысать таке, чого опричъ мене—чи гарно воно, чи й не такъ то—нихто не напыше. Якъ бы ты бувъ тутъ коло мене, прочитавъ бы я тоби въ смакъ, а ты бъ мени запомигъ розумною радою, якъ довесты дило до кинця. Теперъ же мени ни съ кымъ и порадытысь. Усе то бачъ народъ або судовый, або военный, або дуже розумный зъ кныжнои науки, а такого, щобъ розумъ бравъ отъ самого Бога, якъ ты, мій брате,—и нема коло мене. Да вжежъ колысь побачимось, и наговорымось, и начитаемось! А колы ни, то такъ перекинемъ одынъ одному, що въ кого е—на пораду. Колыбъ тилько давъ Богъ довесты до кинця, бо кинець—дилу винець. А робота велыка!

Кныжки мои на Вкраини. Була така думка, щобъ тамъ и звиковать у зимовныку, а теперъ бачу, що тилько й жыття нашому брату на столыци. Колы що треба, то самъ иду въ публычную библіотеку, а треба мало не що дня по новій кныжци, то не накупысся.

Адресъ такъ: Имярекъ, въ собственной типографіи, на углу Вознесен. и Екатерингофск. проспекта, д. Лея. Твій душею П. Кулишъ.

NB. Пани моя на Вкраини, той не витае тебе, а дуже шануе и поважае, якъ и вси добри й розумни люде.

---

[1]) Объ утраченной поэмѣ „Иванъ Гуссъ" Ш—ко писалъ Кулишу: „Чы не найдешъ тамъ у панночкы хуторанкы въ альбоми мого Гуса, а то шкода буде, якъ пропаде"? Ч.

2.

Хотивъ я послать тоби, мій друже шановный Тарасе, де що зъ новыхъ кныжокъ, котри въ мене друкуються, та трудно набрать по лыстку зъ-пидъ велыкихъ купъ друкованого паперу. Нехай якъ доведеться все до ладу, тогди й прышлю. Побачишъ, яки дыва въ насъ творяться: уже й каминня починае вопіяты! Дежъ бакъ не дыво, що Московка преобразылась въ Украинку да таки повисти вдрала, що хоть бы й тоби, мій друже, то прыйшлысь бы въ миру! Ось побачишъ, щò на свити степови квитки!

Стилько въ мене роботы, що й въ голови не вмищаеться. Вybачай, що коротко пышу и про твое дороге пысанне не спомынаю. Коротко про його що й пысать, а шыроко николы, далеби! Ось напышы лышень до мене, якъ и що ты думаешъ—гадаешъ, то я тоби на всяке слово одвитуватыму, выбравшы добру годыну. А теперъ твій прыятель заразъ йиде, то й не схаменесся, зъ якого кинця почати.

Чи получывъ ты мои кныгы? Якъ воны тоби здалысь? Пышы гуляючы, про всячыну, бо Господь знае, колы побачымось. Спасыби жъ тоби, велыке спасыби, за Ченця [1]—се мени дорога буде памятка!

Твій до вику П. Кулишъ.

С.-П. Ноября 26, 1857.

3.

Посылаю тоби, брате Тарасе, зъ сею почтою «Оповидання Вовчка». Якъ то-то ихъ ты уподобаешъ? Пышы щыро, якъ думаешъ, бо ты въ насъ голова на всю Украину. Пышуть до мене зъ Москвы, щобъ у московському журнали що-небудь твое напечатать. Не квапся на се, мій голубе, до якого часу. Одно—що тоби треба спростоваты дорогу до столыци, а друге—зъ велыкою увагою треба теперъ роздывлюватысь, що напечатать, а що й прыдержать. Слава твоя пысательска теперь у зениті, то вже треба оглашаты себе голоснымъ диломъ, а не абы-якимъ. Посли 1847 году ждуть одъ тебе землякы ричей велыкихъ. А посли вже й малымы до ихъ обизвесся. Отъ якъ бы Гусса ты згадавъ, або нанoво скомпонувавъ! Мы знаемо тилько початокъ:

Кругомъ теснота и неволя,
Народъ закованый мовчить,

[1]) Поэма „Чернець", посвященная Кулишу—написана въ Орской крѣпости.

А на апостольскимъ престоли
Чернець годованный сидыть, и проч.

У 4-й кныжци Русской Бесѣды есть де-що про Гусса. Прочытай да й выведы свою красну мову про його [1]). Колы жъ у тебе е гарни вирши и безъ Гусса, то прышлы перше мени ихъ на проглядъ, що бъ пишло воно зъ моеи руки, якъ Наймычка, которои — самъ бачышъ — я не зопсувавъ. Щыро кохаю твою музу и не пожалую часу перепысать, що вона тоби внушыла, — нехай не выходыть мижъ люде росхрыстана й простоволоса, цыганкою, — нехай явытся мырови гарною дивчыною, отецькою дочкою, щобъ знаты було по дочци й батька. Оце жъ будуть тебе пидбывать москали, то ты не дуже подавайся и моеи рады не занехай. Почалы мы зъ тобою велыке дило, — треба жъ его такъ и весты, щобъ була нашому народу зъ нашыхъ ричей шаноба.

Прощай! пыши й до мене.1857, декабръ 22. С. П. Твій П. Кулишъ.

4.

Отъ тоби, брате Тарасе, гроши, — ажъ 250 целковыхъ! Се за твои невольныцьки пейзажи. Тутъ не знайшлось охочыхъ, такъ я пысавъ до нашыхъ панивъ, оцинывши 17 штукъ у 250 р. Хотилось мени, щобъ спомынки про твою святу для насъ неволю булы не въ чужыхъ, а въ ридныхъ рукахъ, и чого бажавъ, те Господь и помигъ мени вчыныты. 1857, дек. 23. Кулишъ.

5.

Твои «Неофиты», Брате Тарасе, гарна штука, да не для друку... Не годытся напомынать сынови про батька, ждучы одъ сына якого бы не було добра. Винъ-же въ насъ теперъ первый чоловикъ: якъ-бы не

---

[1]) Изъ черновыхъ лоскутковъ, оставшихся по смерти поэта, видно, что онъ, по совѣту Кулиша, пробовалъ написать поэму вновь, но это ему не удалось: стихи написаны съ большими помарками:

И Архимедъ и Галилей
Вына й не бачыли—елей
Потикъ у черево чернече...
А вы, святыи предотечи,
По всему свиту розійшлысь...

винъ, то й дыхнуть намъ не далы-бъ. А воля крипакивъ—тожъ ёго дило. Найблыжши теперъ до ёго люде по души—мы, пысатели, а не пузатыи чыны. Винъ любить насъ, винъ йме намъ виры, и вира не посрамыть ёго. Не тилько друковаты сю вещъ рано, да позволь мени, брате, не посылать и Щепкину, бо винъ зъ нею всюды носытымеця, и пійде про тебе така чутка, що прытьмомъ не слидъ пускать тебе у столыцю. Тутъ же саме се дило наклюнулось. Такъ-то, брате! Инша бъ була ричъ, якбы ты докинчавъ «Гусса»—тамъ бы тоби було де розгулятця; а панство—така лодарь, що іи зневажай скильки хочешъ—усяке скаже спасыби. Тутъ же й лыцарство въ тебе пидъ бокомъ, и вассалы, и славяне зъ нимцямы, и жыдова грошовытя—шырока выйде поэма!

Письни твои дуже гарни. Не вже обыдви ты самъ скомпанувавъ? «Дуда» наче мени знакома. Не хапайся, братику, друковать московськихъ повистей. Ни грошей, ни славы за ныхъ не добудешъ. Аджежъ и Данте и Петрарка думалы, що прославяться латынськимы своимы кныгамы. Оттакъ тебе морочитъ ся москальщына. Цуръ ій! Лучче ничого не робы, такъ сыды та чытай, а мы тебе хлибомъ погодуемо, абы твое здоровье! Ось, може, перепечатаемо твои перши стыхы, то за те буде й слава й гроши. Я поспытаюсь у Крузе, нашого щирого поспишныка, чи не пропустывъ бы винъ другимъ (выданнямъ) Кобзаря и Гайдамакъ? А до того можна де що прыбавыть. Вовчокъ тоби давно послано. Яке твое буде про ёго слово?

Твій душею П. Кулишъ.

1857 янв. 20.

6

Посылаю тоби, брате Тарасе, удруге Вовчка. Якъ прочытаешъ, то, далеби, помолодшаешъ. А все такы до мене заразъ пыши твое щыре про ёго слово. «Неофиты» пошлемо по словеси твоему, абы тильки той Шрейдерсъ завитавъ до насъ у друкарню. Перешлемо й тоби экземпляръ, що бъ ты бачивъ, що воно таке—добра редакція. Такъ и всяке твое пысання треба процидыть на решето, щобъ не осталось шкаралющы, або-що; а росхрыставшысь, далеби не годытьця выходыть мижъ люде. Сёго жъ бильше тоби нихт оне зробыть, хоть до ста бабъ иды. У мене есть перепысанный Кобзарь и Гайдамаки. Колыбъ

хто провнвъ ихъ через Главное Правленіе Цензуры, тоди бъ уже цензоръ добавку яку хочешъ безъ Правленія прочитавъ бы, да й выдать бы гарненько внyжку: «Думы, писни и поэмы Шевченка». Друковаты жъ нигде не кванся, опричъ мене, бо въ мене й оксіи вси зроблени, и наборщыки прывычни, и корректоръ—землякъ. Друкуемо й теперъ «Повисти Квитки», то вже всяке наломылось, якъ що й до чого. А Гусса нема въТарновського: я сёго пана добре знаю, и нигде таки нема й нечутно по Вкраини—се певно!

Грошей тоби наскидалы цилковыхъ изъ 200 на дорогу, якъ почулы, що ты йихатымешъ изъ неволи, и си гроши у одного панычa лежалы, да треба роспытаты, де воны теперъ. Изновъ же давалы у гр. Толстого домашній спектакль якійсь,—и тамъ назбиралы грошей доволи, да й держать, боячись, щобъ ты не процындривъ, и все пиджидаючи тебе въ столыцю, щобъ тогди було тоби за що руки зачепыты. Колыбъ ище сами не повроциндрувалы, бо й таке на свити бувае. Шкода, що я не дуже мижъ людьмы вештаюсь, то гараздъ ничого й не знаю... А ты пыши Лазаревському, що оттакъ и такъ, и щобъ винъ хотъ у графа Т. забравъ гроши, а ти, що въ паныча, не пропадуть, и я ихъ знайду, де воны теперъ, бо панычъ повіявсь у Ниметчыну, то комусь певно оддавъ на руки. А наздавалы тыхъ грошенятъ изъ Украины, радіючи славному невольныкови и не боячысь уже за се халепы.

Засмутывъ ты мене, брате, сказавшы, що хочешъ одружытысь. Не гарну ты пору выбравъ; не выбывсь ты изъ своеи нужды, не выйшовъ на простый шляхъ. Треба бъ тоби зъ симъ диломъ пидождать. Инше бъ ты навпосли ёго размизкувавъ. А въ мене була така думка, щобъ тебе за граныцю спровадыты, и щобъ ты шырше по свиту поглянувъ. Ся думка була у мене и въ1847 годи, колы ты не забувъ, — такъ тогди Мыкола не давъ доброго дила вчыныты,—а теперъ, мабуть, якась Маруся, чы Одарка, чы Ганна стане на твоій дорози. А не багато бъ тоби й треба, що бъ дойты до свого розуму и вчынытысь велыкимъ поэтомъ на вси вичны рокы! Колыбъ на тебе напустыть батька Пугача, то далеби що винъ бы тебе отверезывъ, не выпывши й пивъ коповки оковытои!

Про Московськи жъ повисти скажу, що зневажышъ ты себе имы передъ свитомъ, да й бильшъ ничого. Щобъ пысать тоби по московськи, треба жыты мижъ московськимы пысателямы и багато де-чого набратьця. Поглянь на Квитку: винъ себе въ таке багно втеребывъ московщыною, що посли смерты ёго мы ніякъ ёго не вытягнемъ и не поста-

вымъ такъ высоко, якъ вин достоинъ по украиньскымъ повистямъ. Москали тычуть намъ въ вичи Халявскимъ, Столбыковымы и всякою гидотою, на котору сами жъ ёго необачного пидбылы. Такъ и тоби буде, брате! Якъ бы въ мене гроши, я бъ у тебе купывъ ихъ уси разомъ да и спалывъ. Читавъ я твою «Княгиню» и «Матроса». Може ты мени виры неіймешъ, може скажешъ, що я московщыны не люблю, тымъ и ганю. Такъ отъ же тоби: ни одна редакція журнальна не схотила ихъ друковаты. Тутъ не одного таланту треба. Адже жъ у тебе бувъ талантъ, якъ ты малювавъ картыну «Катерыну»; надъ поэмою «Катерыною» и доси плачуть, а на картыну Катерыну кивають головою. Такъ кивають земляки, прочытуючи й твои московськи повисти, а москали одкидають геть [1]), а вирши твои ридны й москали шанують, а земляки наче псалтырь промовляють. Такъ-то, брате, до всякого дила особая кебета и особая наука. Що за добро було бъ, якъ бы насъ Господь докупы звивъ, да якъ бы мы пожылы по сусидски хоть одынъ рикъ да й Костомару до себе прыманылы. Порозумнійшалы бъ уси трое. Що жъ, колы йдемо ризно трома шляхамы! Ось и я не всыжу на одному мисци, и мене тягне то сюды, то туды. Оце надумавсь навидаться хоть на часыну до нимцивъ, якъ воны тамъ жывуть и якъ розуму доходять. Ты жъ пыши до мене не вважаючи, що одъизжаю, бо мени всяку потрибну ричъ перекыдатымуть и всяке дило безъ мене буде тутъ робытысь такъ, наче я й не одлучавсь изъ дому: що друковатыметьця, що готовытемытця до друку, а я, вернувшись, пиддамъ сылы, де треба порядокъ дамъ, да и зновъ махну набиратысь чужого розуму, бо вже пора й намъ порозумнійшать. Прощай же, мій голубе сызый. Пыши до мене колы хочъ и просто заграныцю оттакъ: Belge Bruxelles, post restante. A Monsieur Panteleimon Kouliche. А я тоби одповидатыму на всяке твое слово— не то що! Прощай! Пани моя нездужае въ Борзни, такъ оце махну за нею, а потимъ простуватымемъ черезъ Варшаву прямисенько въ Брюссель. Твій Кулишъ.

1858 февр. 1.

---

[1]) Не довѣряя такой суровой критикѣ земляка, Ш-ко обратился къ С. Т. Аксакову, желая помѣстить „Княгиню“ въ Русской Бесѣдѣ, редактируемой тогда Максимовичемъ; но старый Аксаковъ отвѣтилъ ему слѣд.: „Не совѣтую вамъ печатать эту повѣсть: она несравненно ниже вашего огромнаго таланта стихотворнаго. Вы лирикъ, элегистъ; вашъ юморъ не веселъ, а шутка не всегда забавна. Имѣя предъ собой блистательное поприще, на которомъ вы полный хозяинъ, вы не можете оскорбиться, если вамъ скажутъ, что вы не умѣете пройти по какой-нибудь степной тропинкѣ и т. д. (см. Жизнь и произведенія Ш-ва стр. 119).

(На особой бумажкѣ). Иноди, може тоби прыпаде нужда, и пидѣ такій поганый часъ готовъ ты будешъ або запродать, або не знать якъ надруковать свои вирши. То лучче отъ якъ нехай буде: пышы до мене, що проби грошей треба—и пышы таки сюды, а не въ Брюссель хоть мене тутъ и нема. Лысты получатыме тутъ мій секретарь (Каменецкій), винъ же й хозяинъ, и корректоръ, и издатель. То винъ, прочытавши всякій лыстъ, такъ зробыть, якъ и я, грошенятъ тоби про нужду вышле; а навпосли, якъ дасть Богъ твои вирши огласыты, бряцнемо на счотахъ и зробымось квиты. Чого тоби треба одъ Каменецького, чы книжку яку, чы справку, то все пышы до мене въ Петербургъ, а винъ за мене все тоби зробыть, ще краще одъ мене

7.

Пышу до тебе, брате Тарасе, съ того хутора, де ты въ мене на весилли шаферувавъ, чы то пакъ боярынувавъ. Пани моя недугуючы, оставалась одъ октября на Вкраини, а я самъ пробувавъ на столыци. Теперъ же вона, слава Богу, поправылась, и оце пускаемось изъ нею до Варшавы и дали. Пышу жъ до тебе отъ зачимъ. Колысь ты малювавъ «Живописну Украину» и ничого зъ того не вийшло, а хоть бы й вышла яка тоби корысть грошова, то все жъ бы бувъ послугачъ паньскій, а не людській, людямъ бо не було-бъ ніякого дила до твоеи жывописнои Украины: не змоглы бъ люде за дороржнетою до неи докупытыся. Теперъ же самъ бачышъ, що паньскій викъ кинчаетьця, а людській почынаетьця, то саме годына—помиркуваты, якъ бы людямъ помогты духомъ у гору пиднятысь. Отъ же я тоби дамъ добру раду. Накидай ты перомъ, де-що зъ нашои історіи и попидпысуй вирши зъ думъ и зъ свого таки компунованния. Си твои рысунки мы выриже мо на дереви, одпечатаемъ и розрысуемъ фарбамы трошкы краще одъ лубочныхъ картынокъ московськихъ. Цина буде имъ по 2, чы по чотыре шаги, а колы дуже дешево, то по 6 шагивъ, и будуть воны продаватысь по всихъ ярмаркахъ, и будуть воныналиплюватысь у кожній хати замись московського плюгавства, и буде старе й мале на ихъ дывытысь и отти пидпыси вычытуваты, и розійдетьця по Вкраини наше „слово забуте, наше слово тыхосумне, богобоязлыве“, и воскресыть вона не одну душу,—и мала твоя праця станетьця зъ часомъ прычыною велыкого дила всесвитнёго,—душа моя чуе. Я й самъ понарысовувавъ бы, и вийшло бъ воно не згиршъ

одъ московщыны, да въ мене тіи абресы не будуть таки характерыстычны, якъ у тебе. Ты якъ не поведешъ перомъ, то все воно закорлючытьця по художныцьки. А треба, шобъ дитвора дывлячысь на си картынки, набиралась доброго смаку. Велыке, велыке выросте зъ того добро на Вкраини,—далебш! Отто, брате, не гай часу и не покладуй сеи праци ни на одынъ день. Колы жъ не чуешъ до неи охоты, то пышы заразъ до мене, що шкода, то я вже самъ якъ-небудь нарысую тыи кунштыки, покинувши для сёго вси свои пысання й чытання, бо се вельмы благе и достойне дило! А продавать ихъ и розвозыть по ярмаркàмъ знайдутьця люде, не турбуйся. А що народъ кынетьця куповать, то що й казать! Чортъ знае яку купуе, а то-бъ не куповавъ такого добра! Бачу по граматци, до которои и чоловики и бабы кваиляютьця, радіючы, що всяке слово такъ до души й промовляе. Прощай! пыши у Брюссель. Твій П. Кулишъ.

1858, февр. 14. Хутиръ Мотроновка.

8.

Дывуюсь я, чытаючи вашъ лыстъ, тай не надывуюсь: чогобъ то мени плысты зъ своими виршамы по суси пидъ парусомъ! Хиба я Олегъ, нехай Богъ крые, або що? «Парусъ»[1]) у своему универсали переличывъ уси народности, тилько забувъ за нашу, бо мы, бачъ, дуже однакови, блызькіи родычи: якъ нашъ батько горивъ, такъ ихъ грився! Не годытьця мени давать свои вирши пидъ Парусъ и того рады, що його надуваe чоловикъ, который вступывсь за князя, любытеля хлёсты. Може воно й до ладу по московськiй натури, тилько мы сего не вподобалы для свого люду, а вже колы въ Москви даватымуть хлёсту, то даватымуть и на Вкраини. Отъ що! Ище блаженнои памяти царь Мыкола постановывъ у військовыхъ артыкулахъ, щобъ москаливъ изъ украинцивъ бильшъ караты соромомъ и словамы, або розумно вмовляты, а нижъ сикты ризкамы. И той знавъ, що нашъ народъ выйшовъ уже зъ тоiо зросту, щобъ йисты березову кашу, а хазяинъ Паруса, маючы нашу народнисть ни за що, думае, що для хахловъ усякій законъ бряде!

---

[1]) Ив. Аксаковъ, приступая къ изданію газеты „Парусъ", просилъ Максимовича передать ему для 1 № стихотворенія Ш-ка (Вечиръ, Пустка и др.), и Т. Г-чъ не только согласился на это, но приглашалъ и Кулиша; отвѣтомъ на приглашеніе и было настоящее письмо. Ч.

Оттакъ-то! не здывуйте, добродію, що не вволывъ я вашои воли, бо дило се не мале; сами маете розумъ. Якъ будете пысати, то поклонитесь вашому любому подружжю.

А се вже до васъ: Учора я сказавъ вамъ де-що про стыхи, да й злякавсь, щобъ вы не прынялы того за вхибу своему достоинству поэтычному. Колыбъ хто иншій напысавъ ваше слово до Ляхивъ, то може высоко я поставывъ бы ёго—такъ якъ вы *казаночокъ*. Но вы сами соби поставылы таку высоку миру въ печатныхъ и непечатныхъ вашыхъ виршахъ, що й найплохшій критикъ зуміе вказаты, що нызче іи—тои миры. Може я помыляюсь, якъ дытына судячи про ваши вирши, да лучче жъ вамъ знать, що дитьска моя думка одъ васъ не замкнута, нижъ не знать, що справди въ чоловика на думци! У нашому товарыстви повынна царствуваты щыра воля суда. Не всюды я те скажу про Марка Вовчка, або про Васъ, розбираючи Ваши пысання, що скажу въ своій громади, и съ того щырого суду, мени здаетьця, повынна выйты для нашои молодои словесности велыка корысть [1]).

9.

Высокоповажный Добродію,
Тарасе Григоріевычу!

Полтавци, зазвавшы мене до себе на бенкетъ, жалкувалы, що Вы до ныхъ торикъ не завиталы. Скилько не було тамъ на бенкети ричей поважныхъ, то знай Ваше славне и шановне имя спомыналы, такъ якъ ридна симъя спомынае про свого батька, що десь далеко живе на чужини. Пылы не разъ за Ваше здоровье и просылы мене вблагаты Васъ, щобъ Вы хочъ на ту весну пошанувалы Полтаву, явывши ій свою кохану и шановну персону. Оце жъ я, выповняючы свою обицянку, запевняю Васъ, що нигде въ свити такихъ щырыхъ и прыхильныхъ до себе дитей не знайдете, якъ у тій Полтави. Тутъ-бо не то паны та паненята, а всака душа пысьменна й щыра зъ вашымъ Кобзаремъ, наче зъ якимъ скарбомъ дорогимъ, носытьця, та

---

[1]) Письмо относится къ концу 1858 г., такъ какъ „Парусъ" издавался въ 1859 г., причемъ вышло его только *два* номера. Во 2-мъ номерѣ была помѣщена рецензія П. Кулиша, а стихотвореній Шевченка не напечатано тамъ ни одного. *Ред.*

й хутко вже й кныжокъ имъ буде не треба, бо повытвержувалы вже вси Ваши стыхи на память и тривайте, чы не по Кобзареви вже й Богу молятьця.

Бувайте жъ здорови й весели за своею працею гарною, а я пойиду ще Вашого брата одвидаты и въ его хлиба-солы пойисты.

Кулишъ.

Василевка (Гоголева), 1860, мая 10.

10.

Добродію, Тарасе Григорыевычу!

Другій тыпъ «Хаты» вже додруковуетьця. Щежъ треба Вамъ знаты, що цензура другого тыпу була не тутъ, а въ Москви; то тутъ бы була морока съ поправкамы.

Вси хатни сотрудныки у «Хати» въ мене ривни. Кожный аркушъ (12 лыстkивъ) давъ чистои прыбыли 60 цилковыхъ. Вашого Гостыньця тилько 9 листкивъ, та нехай иде за ривный аркушъ. Посылаю 60 цилковыхъ. Не здывуйте за малу плату. Якъ бы росцинюваты, що чого стоить, то прыйшлось бы такимъ поэтамъ, якъ Кузьменко, заплатыть тилько по конійци за стыхъ; а мы й ему сердешному заплатыли такъ, якъ и Вамъ.

Вибачте, що не прыславъ и доси Вамъ грошей. Тутъ не малый бувъ скрутъ на гроши, та спасыби Богу, сякъ такъ роздобувъ.

П. Кулишъ.

1860 окт. 7.

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633—1646 гг.).

(Продолженіе) [1]).

II.

Подготовленія къ сейму 1635 г. П. Могилы и другихъ православныхъ.—Подготовленія къ означенному сейму короля Владислава IV. посольство въ Римъ Оссолинскаго и результаты онаго.—Сеймъ 1635 г. и успѣхи, достигнутые на немъ православными. — Грамоты послѣ сего сейма, выданныя православнымъ и латино-уніатамъ. — Протестаціи послѣднихъ противъ сеймовой конституціи 1635 года. „О религіи греческой“.

Сопротивленіе латино-уніатовъ распоряженіямъ короля о передачѣ православнымъ нѣкоторыхъ церквей и вообще (по выраженію Могилинаго „пѣснопѣнія“) „злодѣйства“, чинимыя ими „во благочестіи сущимъ“,—какъ мы видѣли,—основывались большею частію на томъ внѣшнемъ предлогѣ, что „статьи успокоенія“, проектированныя на конвокаціонномъ сеймѣ, не были въ полномъ ихъ видѣ одобрены сеймомъ коронаціоннымъ и такимъ образомъ не получили значенія закона общеобязательнаго (lex publica). И хотя на послѣднемъ сеймѣ категорически было заявлено, что утвержденіе означенныхъ статей есть дѣло *недалекаго будущаго*, но латино-уніатская партія, имѣя въ виду примѣры предшествовавшаго царствованія (когда успокоеніе греческой религіи постоянно откладывалось отъ сейма до сейма), льстила себя надеждою, что домогательства православныхъ, встрѣтивъ сильные протесты со стороны „добрыхъ католиковъ“, и на этотъ разъ будутъ отклонены сеймовыми депутатами. Подобныя надежды рьяные паписты питали и прямо ихъ высказывали еще непосредственно послѣ коронаціоннаго сейма,

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., № 1.

не обинуясь заявляя, что уступки православнымъ, сдѣланныя на этомъ сеймѣ католиками съ великимъ прискорбіемъ (magno nostro dolore), обусловливались обстоятельствами времени, обычными при избраніи королей, и что въ будущемъ домогательства „схизматиковъ" могутъ быть отклоняемы съ большимъ успѣхомъ (commodius feliciusque) [1]). Надежды эти сильно поддерживаемы были увѣренностью, что Римскій престолъ не только не дастъ своего соизволенія на утвержденіе „статей успокоенія", но и сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, дабы разрушить плоды усилій православныхъ на предшествовавшихъ сеймахъ [2]).

Разумѣется, эти надежды и чаянія латино-уніатской партіи не были тайною для православныхъ. Отсюда понятно, что и къ предстоящему сейму они должны были подготовляться съ такимъ же тщаніемъ и заботливостію, какія обнаружены были ими предъ сеймами предшествовавшими. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Что касается нашего митрополита, то дѣятельность его въ этомъ отношеніи (какъ и въ прежнее время при однородныхъ обстоятельствахъ) отличалась обычными, свойственными ему неутомимостью, энергіею и благоразуміемъ. Онъ воодушевлялъ православныхъ къ предстоявшей борьбѣ съ враждебною партіею, побуждая устроять общественныя молебствія объ одержаніи побѣды надъ религіозными противниками [3]), старался сгруппировать силы своей паствы, призывая ее къ единодушію и мужественному стоянію за праотцевскую вѣру, разсылалъ письма вліятельнымъ лицамъ въ государствѣ съ

---

[1]) Изъ письма Станислава Любинскаго, епископа Плоцкаго, которое послано было имъ въ Римъ послѣ коронаціи Владислава IV (*Рукоп.* библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, № 157, л. 296 об.).

[2]) Каспаръ Скупинскій въ своемъ сочиненіи: „Rozmowa albo relalatia rozmowy dwoch Rusinow, schizmatika z unitem", изд. въ 1634 г., влагаетъ въ уста унита, разговаривающаго съ православнымъ, слѣдующія слова: Że się chwalisz, żeście wygrali (т. е. получили на коронаціонномъ сеймѣ благопріятный для православія дипломъ). Wygraliście w tym, bo cerkwie, monastery y imiona cerkiewne niektore naznaczone są wam, do ktorych mere et nullo nie należeliście. *A u mnie to wygrana, kiedy consens Summi Pontixicis był by, ale wiem, że Summus Pontifex nie iest approbatorem schizmat*". (Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I., т. VII, стр. 731).—О подготовленіяхъ латино-уніатовъ къ предстоявшему сейму см. постановленіе провинціальнаго собора, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ гнѣзненскаго архіепископа Венжика въ ноябрѣ 1634 г. Synodus provincialis sub illustrissimo et reverend. domino Joanne Wężyk... et caet. изд. 1636 г. въ Краковѣ. См. XXI главу подъ заглавіемъ: *De unione Ruthenorum*).

[3]) Къ этому времени относится изданіе упомянутой нами *Парамиѳіи* (молебныя пѣснопѣнія объ умиреніи православной церкви).

просьбою содѣйствовать умиротворенію православія и тѣмъ положить конецъ смутамъ, столь пагубнымъ для самой Рѣчи Посполитой, причемъ въ письмахъ къ православной шляхтѣ намѣчалъ иногда предметы самыхъ петицій, которыя они должны были обсудить на своихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ (сеймикахъ предсеймовыхъ) съ цѣлью занесенія ихъ въ инструкціи посламъ, отправляемымъ на сеймъ [1]); наконецъ, и самъ дѣятельно готовился къ поѣздкѣ—и это уже въ четвертый разъ—на имѣющій открыться сеймъ. Сохранилось письмо П. Могилы къ Могилевскому братству отъ 4 ноября 1634 года, гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Думаемъ, что небезъизвѣстны милостямъ вашимъ труды и издержки смиренія нашего, которые мы охотно понесли для блага церкви Божіей и успокоенія всего православія на прошлыхъ двухъ сеймахъ во время междуцарствія и на третьемъ, при счастливой его королевской милости, пана нашего милостиваго, коронація, не безъ пожитку (пользы) для всего благочестиваго народу“. Затѣмъ, упомянувъ въ общихъ чертахъ, въ чемъ состояли эти „пожитки“, П. Могила указываетъ на необходимость совмѣстнаго дѣйствія въ интересахъ православія и на предстоящемъ сеймѣ, дабы довести дѣло успокоенія церкви до желаемаго окончанія. Приглашая братчиковъ тоже явиться (т. е. послать депутатовъ) на сеймъ, митрополитъ говоритъ, что предшествовавшія его поѣздки для означенной цѣли истощили его „достатки“ и собственные, и монастырскіе (при другихъ неотложныхъ расходахъ), а потому обращается къ братству съ просьбою оказать ему денежное вспомоществованіе для предстоящаго его путешествія на сеймъ [2]). Подобныя же грамоты, безъ сомнѣнія, посланы были П. Могилою и другимъ вліятельнымъ братствамъ. По крайней мѣрѣ въ расходной книгѣ Львовскаго братства подъ 17 ноября 1634 года значится: „Его милости отцу митрополиту на потребу посполитую 430 злотыхъ“ [3]), —жертва, очевидно, вызванная посланіемъ П. Могилы, по содержанію однороднымъ съ его письмомъ къ братчикамъ Могилевскимъ.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ шляхты, обычныхъ предъ сеймами, вопросамъ религіознымъ—какъ и слѣдовало ожидать—отведено было первенствующее мѣсто, причемъ православные дворяне энергично настаивали на томъ, чтобы въ инструкціи сеймовымъ де-

---

[1]) На Вишенскомъ сеймикѣ 1634 г. посламъ на общій сеймъ 1635 г. вмѣнялось въ обязанность имѣть въ виду *„prozbe iego mosci metropolity Kiiowskiego“*. (Бернардинскій архивъ во Львовѣ, Ind. castr. terr. Leop. № книги 385 стр. 439).

[2]) Археограф. Сборникъ документовъ сѣверо-зап. Руси. ч. II, № 38.

[3]) Архивъ Львов. Ставроп. Института. Приходо-расх. книга in Q № R. 35, стр. 8.

путатамъ включено было обязательство для нихъ не приступать, согласно диплому, ни къ какимъ сеймовымъ постановленіямъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ утверждены „статьи успокоенія“ въ томъ видѣ, какъ онѣ проектированы были во время конвокаціи (какъ занесены въ Pacta conventa). И подобныя требованія дворянъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ численность православныхъ была не незначительна, были удовлетворяемы. Такъ, напр., въ инструкціи посламъ на сеймъ, составленной 4 декабря 1634 года на Вишенскомъ сеймикѣ, говорится: „Такъ какъ для Рѣчи Посполитой и сохраненія правъ нашихъ весьма важно, чтобы все, значащееся въ Пактахъ конвентахъ, недавно утвержденныхъ присягою короля его милости, было исполнено, то мы поручаемъ панамъ посламъ нашимъ, дабы они, приступая къ составленію сеймовой конституціи, начали оную съ Пактовъ конвентовъ и, если что согласно съ ними не исполнено, напомнили о томъ и просили всѣ статьи въ нихъ утвердить безъ исключенія“ [1]. И въ другомъ мѣстѣ: „Что касается пановъ братіи нашей религіи греческой, въ уніи не находящихся, о томъ должны стараться паны послы наши, чтобы они, согласно конституціи, составленной во время коронаціи, и диплома, имъ даннаго, *совершенно были успокоены*“ [2]).

Но уже и на этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ въ средѣ депутатовъ возникали разногласія по вопросамъ религіознымъ, долго тормозившія теченіе дѣлъ,—разногласія, зависѣвшія иногда отъ несогласій между самими православными. Такимъ вопросомъ было замѣщеніе Перемышльской каѳедры. Пререканія по этому вопросу Вишенскій сеймикъ разрѣшилъ, воспользовавшись инцидентами, имѣвшими мѣсто во время сеймовъ предшествовавшихъ: посовѣтовалъ спорящимъ обратиться къ посредничеству короля и положиться на его рѣшеніе. „А такъ какъ—читаемъ въ помянутой инструкціи—относительно перемышльской епископіи между ихъ милостями панами братіею нашею религіи греческой, въ уніи не находящимися, великія были препирательства, которыя долго нашъ сеймикъ задерживали, то какъ въ началѣ своего царствованія его королевская милость, король нашъ милостивый, благоразумно и отечески забо-

[1]) „Iż wiele na tym Rzeczy Pospolitey y wolnościam naszym należy, *aby we wszytkich punctach Pactis Conventis*, świeżo nam od iego krolewskiey mosci poprzysiężonych, *dosic się stało*, zlecamy to panom posłom naszym, aby zaczynaiąc constitutie seymowe, *a pactis conventis poczeli*, y iesliby się w ktorych ieszcze nie dosić stało, tego upominali się y prosili, aby *wszytkie* do effectu przywiedzione były“. (Бернард. Архивъ во Львовѣ. Ind. Castr. Terr. Leopol. № кн. 385, стр. 1518).

[2]) Ibid. стр. 1531.

тился объ успокоеніи означенной религіи, такъ и въ настоящее время мы желаемъ того, чтобы авторитетомъ его царской власти означенная контроверсія была успокоена, то однако себѣ, согласно правамъ и обычаю, охраняя, дабы обыватель-гражданинъ, рожденный въ землѣ Перемышльской, владыкою былъ" [1]).

Обращеніе и на этотъ разъ въ затруднительномъ случаѣ къ Владиславу IV, не встрѣтившее возраженій со стороны православныхъ, свидѣтельствуетъ объ укоренившейся между ними увѣренности въ искреннемъ желаніи короля содѣйствовать дѣлу религіознаго успокоенія. Дѣйствительно, торжественно высказанныя обѣщанія короля по этому предмету, при его избраніи, не разъ повторенныя впослѣдствіи, сознаніе гибельности для государства ультра-католической политики своего отца, опасеніе неминуемыхъ волненій въ случаѣ неудовлетворенія законныхъ требованій православныхъ, затруднительное положеніе, въ какомъ находилось въ то время государство,—все это побуждало Владислава IV твердо стоять за свои воззрѣнія по религіозному вопросу и всячески содѣйствовать исполненію данныхъ православнымъ обѣщаній. Поэтому предстоявшаго сейма Владиславъ IV ожидалъ не съ меньшимъ волненіемъ, чѣмъ сами православные, и къ благополучному окончанію его еще задолго до назначенія онаго прилагалъ соотвѣтственныя подготовленія.

Разумѣется, главнымъ тормозомъ для благихъ намѣреній короля (для успѣха православныхъ) былъ Римскій престолъ, соизволеніе котораго относительно „статей успокоенія" выставлялось латино-уніатами, какъ необходимое условіе для ихъ утвержденія сеймомъ. Всѣ—и православные и латино-уніаты — хорошо понимали, что такого соизволенія (въ особенности при тогдашнихъ отношеніяхъ католицизма къ православію,—отношеніяхъ, дышавшихъ нетерпимостью) послѣдовать не могло. Латино-уніаты съ полнымъ основаніемъ могли разсчитывать, что, вмѣсто согласія папы, изъ Рима посыпятся громы и молніи на лицъ, сочувствующихъ „успокоенію схизмы". На этой увѣренности, какъ мы сказали, латиноуніатская партія основала свои надежды относительно неутвержденія сеймомъ упомянутыхъ статей.

Поэтому одною изъ главныхъ заботъ короля послѣ коронаціоннаго сейма было устранить предвидимый изъ Рима ударъ, грозившій разрушить его планы относительно успокоенія православныхъ,— по крайней мѣрѣ смягчить этотъ ударъ и сдѣлать его менѣе вредоноснымъ.

---

[1]) Ibidem.

Такую чрезвычайно трудную задачу Владиславъ IV намѣревался разрѣшить, воспользовавшись установившимся въ Польшѣ обычаемъ, по которому новый король, по своемъ вступленіи на престолъ, чрезъ нарочитое посольство увѣдомлялъ объ этомъ папу съ изъявленіемъ ему, какъ главѣ католицизма, сыновней покорности. Подобное, обычное посольство Владиславъ IV и избралъ средствомъ для достиженія своей цѣли — испросить у папы столь необходимое соизволеніе на предполагаемое успокоеніе православныхъ, согласно съ пактами конвентами. Посломъ для этой важной миссіи избранъ былъ королемъ Георгій Оссолинскій, и лучшаго выбора для намѣченной цѣли сдѣлать было трудно.

Георгій Оссолинскій происходилъ изъ фамиліи родовитой, но небогатой [1]). Своею карьерою онъ обязанъ былъ преимущественно самому себѣ. Получивъ блестящее по тому времени образованіе, онъ, по возвращеніи на родину, началъ службу при дворѣ королевича Владислава въ качествѣ одного изъ приближенныхъ дворянъ въ его свитѣ. Но желаніе выдвинуться изъ среды своихъ сверстниковъ, а главное попытки подорвать расположеніе королевича къ его давнему любимцу Казановскому, вызвали непріязнь къ Оссолинскому со стороны Владислава, и онъ долженъ былъ выбыть изъ его свиты. Женитьба на дочери короннаго подскарбія составила ему, въ лицѣ вліятельнаго тестя, значительную протекцію, благодаря которой Оссолинскому удалось въ 1621 году, на двадцати-шестилѣтнемъ возрастѣ, стать во главѣ посольства, отправляемаго въ Англію съ просьбою къ королю о помощи, въ виду крайне стѣсненнаго положенія Польши послѣ пораженія подъ Цецорою.

Посольство это дало возможность Оссолинскому обнаружить свои способности и какъ блестящаго оратора, и какъ искуснаго дипломата. Произнесенная Оссолинскимъ при представленіи англійскому королю рѣчь такъ понравилась послѣднему, что онъ тотчасъ послѣ аудіенціи просилъ посла прислать съ нея копію и приказалъ отпечатать ее на языкахъ латинскомъ, англійскомъ, французскомъ, ис-

---

[1]) Объ Оссолинскомъ въ польской литературѣ существуютъ спеціальныя монографіи. Лучшія изъ нихъ: 1) *Życie Ierzgo Ossolińskiego, kanclera wielkiego koronnego*... et caet. Dzieło ks. *Franciszka Bogomolca*, составленное въ 1777 г. въ двухъ томахъ, а затѣмъ перепечатанное въ изд. *Biblioteka Polska*, Serya na rok 1861. Zeszyt 1—5. Оно важно по значительному количеству приложеннаго къ нему сырого матеріала (первоисточниковъ). 2) *Ierzy Ossoliński. D—ra Ludwika Kubala* (Lwow, 1883 г., въ двухъ томахъ). Послѣднее сочиненіе имѣетъ значительную цѣнность вслѣдствіе широкой постановки вопросовъ и по привнесенію новыхъ данныхъ.

панскомъ и нѣмецкомъ [1]). Краснорѣчіе у Оссолинскаго соединялось съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца, и его рѣчи, произносимыя къ тому же съ замѣчательнымъ ораторскимъ искусствомъ, всегда производили неотразимое впечатлѣніе. Впослѣдствіи, когда слава неподражаемаго оратора за Оссолинскимъ твердо упрочилась и онъ выступалъ на сеймахъ съ рѣчью—все замирало". Ille regit dictis,—говорили о немъ пріятели; animos et pectora mulcet,—добавляли недоброжелатели [2]).

За посольство въ Англію, успѣшно выполненное, Оссолинскій получилъ отъ короля староство Радомицкое, за участіе въ войнѣ прусской староство Андзельское, за участіе въ переговорахъ при заключеніи мира съ Швеціею подстольство коронное. Но возвысился Оссолинскій только въ самомъ концѣ царствованія Сигизмунда III, точнѣе сказать—при самой его кончинѣ, благодаря всесильной въ то время при дворѣ паннѣ Урсулѣ Майеринъ, усерднѣйшей въ теченіе многихъ лѣтъ слуги короля, замѣнявшей его дѣтямъ вторую мать. При одрѣ умирающаго короля Оссолинскій получилъ должность подскарбія (казначея) надворнаго, занимаемую предъ тѣмъ его тестемъ Яномъ Даниловичемъ, а этотъ перемѣщенъ былъ на должность подскарбія короннаго [3]). Обѣ эти должности, высокія сами по себѣ, пріобрѣтали необыкновенно важное значеніе во время междуцарствія въ Польшѣ: надворный подскарбій въ это время получалъ доходы съ королевскихъ имѣній и, совмѣстно съ подскарбіемъ короннымъ, расходовалъ ихъ. Если примемъ во вниманіе, что Сигизмундъ III скончался имѣя долги, обремененъ былъ долгами и королевичъ Владиславъ, а между тѣмъ послѣднему нужны были средства для поддержанія своей кандидатуры на престолъ,—то поймемъ, какъ важно было для семьи покойнаго короля имѣть въ подскарбіяхъ лицъ, расположенныхъ къ ней. Безъ сомнѣнія, преданная королевскому дому Урсула хорошо понимала это и, надо полагать, вошла въ соглашеніе съ Оссолинскимъ, предоставляя ему означенную должность. Какъ бы то ни было, Оссолинскій оказался самымъ удобнымъ для Владислава казначеемъ: сокровищница государственная была всегда открыта для него, и вообще оба подскарбія во время междуцарствія сильно радѣли предъ сеймовыми депутатами объ умноженіи королевскаго скарба. Съ этого времени прежнее,

---

[1]) Ierzego Ossolinskiego, kanclerza wielkiego koronnego, autobiografia, obejmująca perwszych 26 lat iego życia. (*Biblioteka Ossolinskich.* Zbior materyalow do Historyi Polskiey. Zeszyt III. Lwow, 1876), str. 127. Оссолинскій заявляетъ, что „drukarz (его рѣчи) jednego dnia kilkanascie tysięcy egzemplarzow przedał".

[2]) Jerry Ossolinski. Kubala, t. I, str. 40.

[3]) Pamiętniki Radziwiłła. I. 8—9.

давнее нерасположеніе Владислава къ Оссолинскому замѣнилось большою пріязнію. Во время елекціи онъ сдѣлалъ его своимъ частнымъ министромъ, а когда вступилъ на престолъ, то сразу же наградилъ по-царски, чѣмъ вызваны были и удивленіе и зависть съ разныхъ сторонъ. Король подарилъ Оссолинскому свой палацъ въ Варшавѣ, саблю, стоющую 10.000 злотыхъ, шесть великолѣпныхъ коней, 60,000 злотыхъ готовыми деньгами, великолѣпныя украшенія, которыми были обиты во время коронаціи хоры въ Краковскомъ костелѣ, и кромѣ того (что возбуждало наибольшую зависть) ему пролоставлено было одно изъ наибогатѣйшихъ староствъ — староство Быдгоское.

Какъ человѣкъ умный, образованный, съ опытностью искуснаго дипломата соединявшій счастливый даръ краснорѣчія, Оссолинскій — какъ мы сказали — былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для предназначенной ему миссіи. Правда, онъ считался добрымъ католикомъ и однимъ изъ ревностнѣйшихъ противниковъ иновѣрцевъ. Во время преній на конвокаціонномъ сеймѣ по вопросу объ успокоеніи диссидентовъ, онъ, обращаясь къ послѣднимъ, произнесъ слѣдующія знаменательныя слова, не разъ потомъ повторявшіяся рьяными папистами и сдѣлавшіяся какъ бы классическими въ устахъ ультра католической партіи: „Религія ваша — пришлецъ (przychodniem iest) у насъ; вѣра же католическая — госпожа и хозяйка въ дому своемъ. Берите, что дается вамъ изъ милости; мы скорѣе пожертвуемъ своею жизнью и имуществомъ, нежели допустимъ вамъ свободно распоряжаться въ Польшѣ“ [1]). Тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, стремившійся къ почестямъ и желавшій играть видную роль въ государствѣ, — что возможно было только заручившись расположеніемъ короля, — Оссолинскій нашелъ для себя болѣе удобнымъ содѣйствовать предначертаніямъ Владислава IV и слѣдовать его политикѣ по вопросамъ государственнымъ. Щедрыя милости короля окончательно утвердили Оссолинскаго въ этой мысли, и онъ со времени коронаціоннаго сейма дѣлается какъ бы правою рукою Владислава.

Королемъ даны были Оссолинскому инструкціи и письменная (составленная при его же участіи) [2]) и устная, *секретная*. Послу поручалось подвергнуть къ стопамъ св. отца полную покорность

---

[1]) Ibid. t. I, str. 50.—Срав. *Прилож.* къ I т. сочиненія: Кіевскій митроп. П. Могила и его сподвижники, стр. 472.

[2]) Письменная инструкція Оссолинскому въ копіи хранится въ библ. Оссолинскихъ во Львовѣ. № рукоп. 225 (Kubal. I. 281).

со стороны новаго короля и заявить о самыхъ благихъ его намѣреніяхъ по вопросамъ религіознымъ; обѣщать отъ его имени, что онъ не только будетъ заботиться объ обращеніи въ лоно католицизма польскихъ схизматиковъ, но постарается привлечь къ подножію апостольскаго престола Швецію и Москву, противъ которыхъ готовится къ войнѣ. Король желаетъ только, чтобы св. отецъ въ настоящее время не противился тѣмъ временнымъ уступкамъ схизмѣ, которыя вызваны были крайнею необходимостью, и не изрекалъ осужденія на его королевскую присягу по данному вопросу.

Кромѣ этой главнѣйшей цѣли посольства, были и другія довольно щекотливыя просьбы къ папѣ, какъ-то: объ урегулированіи „десятинъ", о воспрещеніи духовнымъ лицамъ пріобрѣтать помѣстья и, въ особенности, о процессѣ Краковской академіи съ іезуитскою коллегіею, основанною въ Краковѣ въ ущербъ интересамъ мѣстной академіи, а между тѣмъ получившею соотвѣтственную ея желаніямъ привилегію отъ папы.

Посольство Оссолинскаго отличалось необычайною, невиданною дотолѣ ни въ Польшѣ, ни въ Римѣ пышностью. Въ его свитѣ (съ прислугою) было до 300 человѣкъ. Въ то время съ большою помпою и блескомъ отправлялъ посольства французскій дворъ; но Оссолинскій рѣшился въ этомъ отношеніи затмить самихъ французовъ, и что послѣдніе имѣли сдѣланнымъ изъ серебра, онъ желалъ имѣть изъ золота; что они изъ золота—онъ изъ драгоцѣнныхъ камней; что тѣ изъ драгоцѣнныхъ камней—онъ изъ діамантовъ (алмазовъ). Реляціи и появившіяся тогда описанія въѣзда въ Римъ Оссолинскаго, дѣйствительно, имѣютъ какой-то почти сказочный характеръ. Между прочимъ, въ нихъ разсказывается что кони въ свитѣ посла имѣли подковы изъ чистаго золота, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ были умышленно плохо прикрѣплены и распадались въ отдѣльные куски на „добычу уличной черни [1]).

Эта сказочная роскошь не была слѣдствіемъ одного обычнаго у поляковъ гонора, разсчетъ у Оссолинскаго могъ быть и болѣе тонкій: поразить столицу св. Петра видимыми знаками богатства, славы и могущества того государя, который, въ лицѣ своего посла, столь покорно преклоняетъ свою главу къ подножію папскаго престола. Оссолинскій надѣялся чрезъ блескъ своего посольства достиг-

---

[1]) Реляціи о въѣздѣ Оссолинскаго въ Римъ см. у Kubala т. I, примѣч. на стр. 281.—Въ числѣ подарковъ папѣ Оссолинскій, между прочимъ, везъ якобы *подлинный привилей Константина Великаго* (diploma donationis), хранившійся въ Московской царской сокровищницѣ и захваченный поляками во время занятія ими Москвы.

нуть большей уступчивости относительно своихъ просьбъ со стороны папы и лицъ его окружающихъ: этотъ блескъ былъ какъ бы удачнымъ приступомъ къ его дипломатической задачѣ. Дѣйствительно, Оссолинскій сразу же окруженъ былъ исключительнымъ вниманіемъ со стороны папы и его придворнаго штата.

3 декабря 1633 года (послѣ предварительныхъ переговоровъ Оссолинскаго съ кардиналами) назначена была послу аудіенція у папы, состоявшаяся при самой блестящей обстановкѣ. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ рѣчи Оссолинскаго предъ Урбаномъ VIII, преимущественно касающіяся интересующаго насъ вопроса.

Начавъ свою рѣчь заявленіемъ, что Владиславъ IV, могущественнѣйшій монархъ, носящій на своей главѣ три царскія короны— польскую, шведскую и московскую, въ лицѣ его, посла, съ покорностью упадаетъ предъ столицею апостольскою, предпочитая всякимъ тріумфамъ благоговѣйныя службы сей столицѣ и цѣлованіе ногъ папскихъ, указавъ затѣмъ на военные подвиги Владислава, сдѣлавшіе его имя извѣстнымъ всему свѣту, ораторъ продолжалъ: „Такимъ образомъ, всѣ народы, населяющіе сѣверъ Европы отъ Карпатъ до Каспійскаго моря, отъ Ледовитаго океана до моря Чернаго— все это, отче святый, за преклоненіемъ Владислава, упадаетъ предъ твоимъ трономъ, ибо всѣ тѣ народы или по праву наслѣдственному, или, какъ покоренные оружіемъ, признаютъ его своимъ государемъ. Между ними всѣми первое мѣсто по справедливости принадлежитъ Польшѣ, которая какъ властителямъ своимъ добровольно подчиняется, такъ и религію и благочестіе, не чрезъ насиліе или угрозы, благоговѣйно сохраняетъ. Сія то Сарматія, недоступная римскому оружію, въ настоящее время покорилась римской вѣрѣ; она, нѣкогда столькихъ суевѣрій кормительница, нынѣ единаго Бога служительница; она, ревностнѣйшій стражъ вольности, никогда не удручаемая ярмомъ, въ настоящее время бискупамъ и столицѣ апостольской наипокорнѣйшій слуга,—Польша, говорю, которая одна на свѣтѣ не производитъ уродствъ. Не вышло изъ нея ни одной ереси, ни одного отступничества, а если и тамъ находятся зараженные недугомъ сосѣднихъ народовъ, то таковые немедленно суровою правъ нашихъ карою и пятномъ вѣчнаго безчестія отъ цѣлости шляхты пребываютъ отсѣченными. Кто только прочитаетъ узаконенія, при королѣ Ягелло установленныя, а по обычаю отечественному соизволеніемъ всего рыцарства утвержденныя, тотъ признаетъ, что клятвы ни одного собора строже не относились къ ереси. И хотя въ настоящее время мы склонны отчасти потворствовать несчастному времени и братской любви, никогда однако не допускали и не допустимъ уничтожить означенныхъ узаконеній, желая дать свидѣтель-

ство потомству, что устойчивость отечества и правъ нашихъ основываемъ на цѣлости единой религіи. Даже въ оное недавнее, плачевное для Рѣчи Посполитой время, когда мы короля Сигизмунда— живой образъ благочестія съ земли на небо взятый—оплакивали, ты увидѣлъ бы, отче наисвятѣйшій, цѣлый сеймъ, сенатъ и народъ польскій, наиболѣе борьбою за религію и съ соотечественниками своими, зараженными ересью, занятымъ, нежели заботящимся о безопасности отчизны и объ избраніи новаго короля. Ревность свѣтскихъ чиновъ дополняла заботливость бискуповъ и заслужила какъ отъ нихъ, такъ и отъ твоего апостольскаго посла публичныя благодарности".

Указавъ затѣмъ на почетное положеніе, которое занимаетъ въ Польшѣ католическое духовенство, на выдающуюся религіозность польскаго народа, наконецъ на то, что Рѣчь Посполитая всегда была опорою вторженій въ католическія государства со стороны враговъ христіанства турокъ, и вообще выставивъ на видъ могущество Польши,—Оссолинскій, отъ имени отечества, къ стопамъ св. отца припадающаго, благодарилъ папу за его содѣйствіе при избраніи короля, подчеркивая при этомъ, что выборъ этотъ для римскаго престола долженъ быть наиболѣе желателенъ. „Чрезъ тебя,—говорилъ Оссолинскій,—величайшій изъ папъ, Польша имѣетъ Владислава, Владиславъ Польшу, а ты обладаешь обоими. И ты, при помощи Божіей, узришь еще предъ своею столицею одичалыхъ львовъ Скандинавскихъ, усмиренныхъ могучею рукою Владислава, узришь предъ собою отщепенцевъ отъ верховнаго пастыря и замкнешь ихъ въ своей овчарнѣ: ибо вышелъ на ловитву сынъ твой, дабы насытить тебя и голодъ твой, жаждущій славы Наивысшаго, утолить, и дабы тамъ обнаружить начало своего царствованія, гдѣ есть надежда возмѣстить потери, какія понесли небо и церковь"... Рѣчь заканчивается завѣреніемъ въ покорности апостольскому престолу Владислава, который всегда готовъ слѣдовать его указаніямъ въ дѣлахъ религіозныхъ[1]).

Рѣчь Оссолинскаго произвела глубокое впечатлѣніе на окружающихъ и чрезвычайно понравилась папѣ: „и Цицеронъ не могъ бы сказать лучше",—заявилъ онъ одному изъ своихъ приближенныхъ, находившемуся во время аудіенціи вблизи папскаго трона[2]). „Лучшаго посла и выбрать было нельзя—писалъ онъ впослѣдствіи Владиславу IV, благодаря его за посольство и осыпая при этомъ

[1]) Рѣчь Оссолинскаго передъ папою издана была тогда же (въ 1633 г.) въ Римѣ; затѣмъ перепечатываема была нѣсколько разъ. Издаваема была въ переводѣ и на польскій языкъ. Помѣщена она (на латинскомъ и польскомъ языкахъ) и у Богомольца, по указ. изданію на стр. 257—261 и 311—316.

[2]) Jerry Ossollinski, Kubala, I, 88, гдѣ указанъ и первоисточникъ.

похвалами Оссолинскаго [1]). Пріязненныя отношенія къ всесильному въ то время кардиналу Барбарини и другимъ вліятельнымъ римскимъ сановникамъ установились у Оссолинскаго еще ранѣе папской аудіенціи, почти тотчасъ же по пріѣздѣ его въ Римъ. Такимъ образомъ, возложенная на посла миссія началась при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Относительно изложенныхъ въ королевской инструкціи петицій учреждены были особыя коммиссіи, причемъ кардиналъ Барбарини предоставилъ Оссолинскому самому избрать въ нее членовъ изъ римскихъ кардиналовъ для совмѣстнаго обсужденія петицій съ членами посольства. Всѣ, хотя и весьма важныя, но все-таки второстепенныя просьбы короля были удовлетворены, даже щекотливое дѣло о закрытіи іезуитской коллегіи въ Краковѣ. Но самое главное и существенное желаніе короля — вопросъ объ успокоеніи православныхъ, одобреніе пактовъ конвентовъ, встрѣтило въ коммиссіи „непреодолимыя препятствія". „Назначена была для разсужденія объ этомъ предметѣ — писалъ Оссолинскій впослѣдствіи — конгрегація изъ четырехъ кардиналовъ, четырехъ прелатовъ и четырехъ канониковъ. Не было недостатка въ стараніи, чтобы найти способъ удовлетворить желаніе короля, съ великимъ тщаніемъ разработывали этотъ вопросъ во время моего пребыванія въ Римѣ, въ теченіе цѣлыхъ пяти недѣль, однако не могли найти средства, какимъ бы образомъ апостольская столица оказала хоть бы и *слабѣйшее подобіе* (najmniejsze podobieństwo) своего участія въ возвращеніи церковныхъ бенефицій схизматикамъ. Просилъ ксендза суффрагана гнѣзненскаго, секретаря посольства, не уѣзжать изъ Рима до самаго окончанія этого дѣла, но и онъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ препятствіе состояло въ томъ, что (римскій) костелъ не только не могъ одобрить, *но и согласиться* на возвращеніе духовной власти тѣмъ, которые отлучились отъ единенія съ нимъ; напротивъ того, каждый пастырь, согласно божественному закону, повиненъ душу положить за стадо свое" [2]).

Дѣйствительно, съ суровою непреклонностью формулировано было окончательное постановленіе конгрегаціи относительно успокоенія православныхъ согласно со статьями успокоенія. Конгрегація не только не нашла возможнымъ исполнить желаніе короля, какъ оно выражено было въ данной Оссолинскому инструкціи, т. е. *одобрить* означенныя статьи, но съ рѣшительностью отклонила и болѣе умѣ-

---

[1]) *Theiner*, Vetera, monum. Polon. et Lithuaniae. T. III. № CCCLIX, pag. 408.

[2]) Jerzy Ossolinski, Kubala. I. 90.

ренное предложеніе, исходившее отъ лица о. Валеріана (капуцина),—одного изъ близкихъ къ Владиславу IV духовныхъ лицъ, находившагося въ свитѣ Оссолинскаго,—предложеніе дать *молчаливое согласіе* на просьбу короля. Конгрегація заявила, что апостольскій престолъ не можетъ въ этомъ дѣлѣ молчать и бездѣйствовать (silere aut dissimulare), напротивъ долженъ въ виду предстоящаго сейма всячески противодѣйствовать (repugnare et contradicere) домогательствамъ схизматиковъ, побуждая къ протестамъ какъ нунція въ Польшѣ, такъ и всѣхъ католиковъ, въ особенности прелатовъ. Въ этомъ смыслѣ рѣшено было дать инструкцію нунцію и вообще наблюдать, чтобы интересы уніатовъ польскихъ не пострадали на предстоящемъ сеймѣ [1]).

Это окончательное рѣшеніе конгрегаціи, состоявшееся уже послѣ отъѣзда Оссолинскаго изъ Рима, было имъ предвидѣно; тѣмъ не менѣе онъ отъѣзжалъ со спокойною душою: то, чего онъ никакими усиліями не могъ достигнуть у римскихъ прелатовъ, того достигъ у самого папы. Послѣдній далъ Оссолинскому согласіе удовлетворить главную просьбу короля въ томъ смыслѣ, что никакой грозной грамоты съ осужденіемъ дѣйствій Владислава въ Польшу не воспослѣдуетъ, и что рѣшеніе конгрегаціи (разумѣется, папѣ заранѣе извѣстное) будетъ имъ задержано до окончанія сейма. Словомъ, папа далъ то *молчаливое согласіе*, которое предлагалось о. Валеріаномъ и на которое, безъ сомнѣнія, только и могъ разсчитывать польскій король Что дѣйствительно такое обѣщаніе папою было дано и притомъ исполнено, это—думаемъ—едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Въ грамотѣ Владислава, выданной уніатамъ непосредственно послѣ сейма 1635 года (14 марта), между прочимъ, говорится, что онъ, король, радѣя объ общественномъ благѣ, озабоченъ былъ примиреніемъ людей греческой религіи и способы для такого примиренія пріостановилъ было до рѣшенія св. отца, но такъ какъ св.

---

[1]) *Theiner*. Vetera monum. Polon. et Lithuaniae, t. III. № CCCLXIX. Здѣсь, въ протестаціи нунція Филонарда, занесенной противъ сеймовой конституціи 1641 г. о религіи греческой, приводится только *начало* постановленія папской конгрегаціи, вызваннаго просьбою Владислава IV къ Римскому престолу относительно соизволенія на „статьи успокоенія“. Въ полномъ видѣ означенное постановленіе находится въ рукоп Сборникѣ, принадлежавшемъ преосв. Макарію, а нынѣ находящемся въ библіотекѣ Кіев. Дух. Академіи подъ № Аа. 210). (См. стр. 63).—Въ Архивѣ Греко-уніат. митрополитовъ при св Синодѣ, въ переплетенной книгѣ подъ № VIII, находятся постановленія папской конгрегаціи по означенному вопросу, состоявшіяся 5, 22, и 30 декабря 1633 г., 27 января, 2, 4 и 5 февраля 1634 г. 27 января 2, 4 и 5 февраля 1634 г.

отецъ съ своимъ рѣшеніемъ замедлилъ и никакой опредѣленной декларацiи не учинилъ (iż oyciec ś. iudicium swoie suspendit y żadney deklaracyi rzetelney nie uczynił), а на сеймѣ иначе нельзя было приступить къ разсужденiямъ объ охранѣ Рѣчи Посполитой и другимъ дѣламъ, — то и пришлось уступить людямъ, не въ унiи находящимся, — и т. д.[1]) Тоже самое заявляетъ и подканцлеръ коронный Ѳома Замойскiй въ подписѣ своемъ подъ протестомъ латино-унiатовъ относительно сеймовой конституцiи 1635 г. (iż oyciec ś. iudicium suum suspendit) 2).

Надо полагать, что обаянiе, произведенное въ Римѣ Оссолинскимъ, и выставленная имъ заманчивая перспектива загнать въ папскую овчарню „одичалыхъ скандинавскихъ львовъ", въ связи съ распространившимися слухами объ удачахъ Владислава IV въ начатыхъ имъ военныхъ дѣйствiяхъ противъ Москвы, и были главною причиною *необычайной* (принимая во вниманiе извѣстные взгляды папскаго престола относительно схизмы) уступчивости Урбана VIII

Оссолинскiй уѣхалъ изъ Рима, осыпанный папскими милостями и, посѣтивъ еще, тоже по порученiю Владислава, нѣкоторые владѣтельные дворы, — въ мартѣ 1634 года возвратился на родину. Король чрезвычайно былъ доволенъ результатами посольства въ Римъ и вновь щедро наградилъ своего фаворита. Реляцiю о своей миссiи въ Римъ Оссолинскiй доложилъ шляхтѣ на сеймѣ 1635 года.

Этотъ, съ нетерпѣнiемъ ожидаемый православными, сеймъ назначенъ былъ на 31 января и, открывшись въ назначенное время, продолжался шесть недѣль (до 14 марта) 3). Подробныхъ свѣдѣнiй объ немъ не имѣется. Но ходъ дѣла на сеймѣ по вопросу объ успокоенiи православныхъ въ общихъ чертахъ можетъ быть возстановленъ.

Почти тотчасъ же по открытiи сеймовыхъ засѣданiй, православные, согласно даннымъ имъ инструкцiямъ, заявили свое требованiе объ *окончательномъ успокоенiи ихъ религiи*, причемъ, разумѣется, выставляли на видъ данное имъ на коронацiонномъ сеймѣ обѣщанiе, что на первомъ слѣдующемъ сеймѣ ни къ чему не будетъ при-

---

1) Археогр. сборникъ документовъ сѣверо-зап. Руси, II, № 44.

2) Тогоременный печатный экзем. означенной протестацiи находится въ музеѣ князей Чорторижскихъ въ Краковѣ.

3) Первымъ послѣ коронацiоннаго сеймомъ былъ общiй сеймъ въ Варшавѣ, созванный на 19 iюля 1634 года. Но это былъ сеймъ двухъ-недѣльный (обычно сеймы продолжались шесть недѣль) и созванъ былъ, какъ говорится въ началѣ конституцiи, составленной на немъ, „pominąwsy zwykłe solennitates" вслѣдствiе угрожавшей опасности отъ турокъ. Разсужденiй о религiозныхъ дѣлахъ на этомъ сеймѣ не было (см. сеймовую конституцiю подъ означеннымъ годомъ).

ступлено, пока не воспослѣдуетъ утвержденіе „статей успокоенія". Латино-уніатская партія по обычаю указывала на несовмѣстимость такихъ требованій съ католическими традиціями и исполненіе ихъ ставила въ зависимость отъ соизволенія папы. Сеймовые депутаты пожелали ознакомиться съ результатами посольства по этому поводу въ Римъ, и 14 февраля Оссолинскій „чинилъ публичную реляцію по этому предмету" [1]). Мы уже сказали, что опредѣленнаго рѣшенія папою относительно „статей успокоенія" не было дано, или точнѣе, суровое опредѣленіе по сему предмету римской конгрегаціи временно было имъ задержано. Это обстоятельство сторонниками *успокоенія религіи* (а такихъ было немало и между благоразумными католиками) могло быть изъясняемо въ смыслѣ *молчаливаго согласія* римскаго престола на статьи успокоенія; противоположное толкованіе „о намѣреніяхъ св. отца" дѣлаемо было—и оно, разумѣется, болѣе согласовалось съ дѣйствительностью—ультра-католическою партіею. Словомъ, начались обычныя, нескончаемыя препирательства между сеймовыми депутатами. Не подлежитъ сомнѣнію, что король и въ это время, какъ на предшествовавшихъ сеймахъ, употреблялъ все свое вліяніе къ благополучному окончанію сейма, а оно возможно было только при удовлетвореніи просьбъ православныхъ, съ непоколебимою твердостью заявлявшихъ, что они „не приступятъ ни къ какимъ разсужденіямъ, если не будутъ исполнены данныя имъ обѣщанія". Безъ сомнѣнія, король входилъ въ личныя объясненія и съ православными, склоняя ихъ на нѣкоторыя уступки уніатамъ частнаго характера (относительно церковныхъ бенефицій), и съ представителями латино-уніатской церкви, убѣждая ихъ подчиниться требованіямъ противной стороны, и съ вліятельными свѣтскими чинами, указывая имъ на опасность, какая предстоитъ Рѣчи Посполитой въ случаѣ неутвержденія сеймомъ „статей успокоенія". Происходили по этому вопросу и частныя засѣданія заинтересованныхъ въ семъ дѣлѣ лицъ въ присутствіи представителей отъ особы короля. Религія греческая—пишетъ С. Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ подъ 26 февраля—имѣла частное засѣданіе, на которомъ и я долженъ былъ быть *по приказанію короля* [2]). Есть извѣстіе, что въ это врмя православные—подобно тому какъ на конвокаціонномъ и избирательномъ сеймахъ—вошли въ соглашеніе съ *диссидентами*, дабы общими усиліями содѣйствовать успокоенію религіи. Находится намекъ и на то, для чего нашему митрополиту нужны были большія денежныя средства для сеймовыхъ поѣздокъ и куда уходила

---

[1]) Pamiętniki Badziwiłła. I. 232.

[2]) Ibid. I. 234.

значительная часть „его отеческаго достоянія“ и матеріальныхъ вспомоществованій отъ паствы. Въ реляціи нунція Висконти, посланной въ 1636 году къ кардиналу Барбарини о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, о сеймѣ 1635 года, между прочимъ, сообщаются такія свѣдѣнія: „дизуниты на прошломъ сеймѣ, *соединившись съ диссидентами*, употребляли всевозможныя козни, наихитрѣйшія вслѣдствіе лукавой злости греческой, чтобы достигнуть цѣли своихъ злоумышленій; угрожали даже, что употребятъ насиліе (użyią gwałtu), и если не взялись за оружіе (nie rzucili się do żelaza), то потому только, что имъ удобнѣе было *вести борьбу посредствомъ золота, которое вслѣдствіе корыстолюбивой алчности здѣшнихъ католиковъ, попало не къ одному Іудѣ.* Не довольствовались (православные) немногимъ, но, отвергнувши всякое соглашеніе, хотѣли совершенно искоренить унію, отнять отъ нея наилучшія бискупства, монастыри, церкви, имущества церковныя и присвоить оныя схизмѣ, а также позакладывать новыя и чрезъ то такъ упрочить ее, чтобы никогда не могла ниспровергнуться.... Вслѣдствіе такого насильственнаго преслѣдованія, *малой склонности и преданности шляхты къ уніи* и причинъ, въ другихъ мѣстахъ этого письма указанныхъ, нельзя было избѣжать многихъ потерь; напротивъ того, умнѣйшіе католики да и сами даже уніаты, существенные интересы которыхъ были здѣсь замѣшаны, доселѣ не могутъ надивиться, что корабль, обуреваемый такимъ волненіемъ, не потонулъ окончательно“ [1]).

8 марта цѣлый день сеймъ занятъ былъ разсужденіями о греческой религіи „и всѣ согласились—какъ заявляетъ Радзивиллъ— на то, чтобы и унія и схизма permissive свое богослуженіе (nabożeństwo) отправляли. Не знаю—съ грустью прибавляетъ сей добрый католикъ: подтверждаетъ ли небо этотъ терминъ permissive. Я одинъ не могъ преодолѣть этого, протестуя и духовнымъ выставляя на видъ тревожное сомнѣніе, что нужно страшиться того термина permissive: какъ бы оный страшный Судія не допустилъ такихъ (согласившихся на уступки православныхъ) до неба prohibitive, а не отослалъ до пекла permissive [2]).

Но этотъ терминъ permissive отнюдь не желателенъ былъ и для православныхъ, которые, не подлежитъ сомнѣнію, возставали противъ него, видя здѣсь важное ограниченіе возстановляемыхъ правъ своей церкви. Дѣйствительно, въ сеймовую конституцію терминъ этотъ

---

[1]) Relacye nunciuszow Apostolskich i innych osob o Polsce. II, str. 264—265.

[2]) Pamiętniki Radziwiłła. I, 239.

не былъ внесенъ. Означенная конституція по вопросу объ успокоеніи греческой религіи дословно гласила слѣдующее: „Удовлетворяя Pactis Conventis и поручительству, данному во время счастливой нашей коронаціи относительно успокоенія и умиротворенія подданныхъ нашихъ, обывателей коронныхъ и Вел. Княжества Литовскаго религіи греческой, мы установленное, согласно съ пунктами, составленными при нашемъ избраніи, примиреніе (zgodę) приводимъ въ исполненіе и на будущее время, руководствуясь сими пунктами, обѣщаемъ отъ имени своего и нашихъ преемниковъ охранять какъ находящихся въ единеніи (съ римскою церковью), такъ и не находящихся въономъ, на основаніи сего установившагося закона. Доброжелательствуя же сему примиренію, мы повелѣли выдать имъ на нынѣшнемъ сеймѣ привилегіи въ знакъ достовѣрнаго обезпеченія (договоровъ) за подписомъ нашей руки и нашими печатями. Также всѣ процессы и тяжбы, начатые съ обѣихъ сторонъ изъ-за религіи и вышеупомянутыхъ статей, предаемъ вѣчному забвенію и уничтожаемъ, возобновляя обѣщаніе, подробно изложенное въ конституціи 1609 года“ [1]).

По окончаніи сейма Владиславомъ IV, на основаніи ставшей закономъ конституціи, выдано было 14 марта двѣ основныхъ привилегіи: одна уніатамъ, а другая православнымъ.

Въ привилегіи, данной уніатамъ, отъ имени короля говорилось слѣдующее:

„Объявляемъ всѣмъ, кому о томъ знать слѣдуетъ, теперешнимъ и будущимъ (людямъ): такъ какъ мы, радѣя о благѣ общественномъ, приняли на себя трудъ водворить миръ между людьми греческой религіи и способы для осуществленія этого пріостановили было до рѣшенія (do deklaracyey) св. отца; но поелику св. отецъ замедлилъ съ своимъ сужденіемъ и никакого опредѣленнаго рѣшенія не учинилъ, а между тѣмъ на сеймѣ иначе (т. е., не удовлетворяя просьбамъ православныхъ) невозможно было приступить къ охранѣ Рѣчи Посполитой и другимъ дѣламъ, то и пришлось намъ уступить людямъ, не находящимся въ уніи, что сдѣлано нами не съ цѣлью одобренія правъ схизмы, но ради общественнаго блага. Посему и настоящее свидѣтельство наше даемъ въ томъ, что мы къ людямъ, находящимся въ уніи съ костеломъ римскимъ, исполнены благосклонности и расположенія и сохраняемъ за ними митрополію и принадлежащія къ ней имѣнія на вѣчныя времена. При уніатахъ же должны оставаться навсегда архіепископство полоцкое,

---

[1]) См. сеймовую конституцію подъ означеннымъ годомъ.

бискупства владимірское, пинское, холмское и смоленское съ монастырями, церквами и имѣніями имъ принадлежащими; за уніатами также должны оставаться навсегда Виленскій монастырь св. Троицы съ братствомъ, съ церковью св. Пятницы и съ принадлежащими къ нимъ фундушами монастыри—гродненскій, жидичинскій, могилевскій, минскій, новогрудскій, онуфріевскій, мстиславскій-пустынскій, полоцкій, брацлавскій, лещинскій и другіе, которые находятся въ настоящее время въ ихъ владѣніи. А въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогрудкѣ неуниты никогда не должны имѣть ни одной церкви. Удостовѣряемъ также за себя и наияснѣйшихъ преемниковъ нашихъ, что епископства тѣ, архимандритства, игуменства, мы и преемники наши не будемъ отдавать никому иному, какъ только заслуженнымъ базиліанскимъ законникамъ (монахамъ), держащимся правилъ св. Василія, которыхъ теперешній митрополитъ унитъ и его преемники, униты, будутъ предлагать намъ и преемникамъ нашимъ (для утвержденія въ должностяхъ)“ [1]).

---

[1]) Означенная грамота напечатана: въ *Археограф. сборникѣ документовъ относящихся къ Сѣверо-Зап. Руси* два раза,—въ т. I подъ №№ 138—141 въ ряду другихъ грамотъ, данныхъ уніатамъ, и во II т. подъ № 44 отдѣльно; у Островскаго въ III т. его сочиненія—Dzieje y prawa kościoła Polskiego (стр. 496—498) и у Кулѣша въ соч. *Wiara Prawosławna* (изд. 1704 г., стр. 261—262).

Во всѣхъ этихъ изданіяхъ грамоты, кромѣ незначительныхъ разнорѣчій, происшедшихъ отъ неудачнаго прочтенія нѣкоторыхъ мѣстъ и по смыслу легко возстановляемыхъ, есть *существенное* разногласіе въ названіи одного монастыря, предназначаемаго уніатамъ. Въ Археограф. сборникѣ т. II (стр. 61) онъ называется *Płystynski*, въ I т. того же сборника (стр. 357)—*Płyszynski*, у Островскаго и Кулѣша: *Pustynski*. Преосв. Макарій въ своей исторіи церкви (XI, 476) отдаетъ предпочтеніе первому изъ указанныхъ чтеній: *Плытинскій*. Но такого монастыря не было. Безъ сомнѣнія, должно признать правильнымъ чтеніе Островскаго и Кулѣша, но предварительно сдѣлавъ къ нему *хотя и корректурную, но весьма важную поправку,*—именно между:*Mscislawski*, *Pustynski*, слѣдуетъ уничтожить запятую, т. е. въ данномъ случаѣ разумѣются не два монастыря, а одинъ: *Мстиславскій-Пустынскій*. Такой монастырь дѣйствительно существовалъ и находился недалеко отъ Мстиславля. Свѣдѣнія о немъ восходятъ къ концу XV стол. 14 сент. 1499 года Мстиславскій князь Михаилъ Ивановичъ по челобитью игумена и братіи *„пречистой Богоматери зъ Пустынки“* позволилъ имъ призывать и селить на монастырской землѣ людей, съ освобожденіемъ ихъ отъ урядоваго и владычняго суда и повинностей (А. З. Р. т. I. № 177, стр. 201). Дальнѣйшія документальныя данныя объ означенной обители см. А. З. Р. т. I №№ 215, 217 Ibid. т. II, №№ 21 63, 142 и 162 Ibid. т. III №№ 23, 98. Бѣлорусскій Архивъ (Москва, 1824) ч. I. № 31. Археогр. Сборникъ Сѣверо-Зап. Руси. Т. II. №№ 9—11, 15—16.—На Замостьскомъ соборѣ означенный монастырь предназначенъ былъ для резиденціи уніатскаго смоленскаго архіепископа.

Выданная православнымъ привилегія гласила слѣдующее:

„Объявляемъ всѣмъ, кому слѣдуетъ, что мы, пребывая вѣрными статьямъ примиренія между унитами и неунитами греческаго обряда, которыя составлены во время счастливой нашей елекціи и утверждены конституціею настоящаго сейма,—помимо сего опредѣляемъ слѣдующее: На луцкомъ епископствѣ ксіондзъ Почаповскій долженъ пребывать до его смерти, а послѣ его смерти означенное епископство нами будетъ предоставлено со всѣми издревле принадлежащими къ нему имѣніями отцу Пузынѣ, не униту, избранному на оное обывателями волынскими и уже посвященному; а если отецъ Пузына умретъ прежде теперешняго уніатскаго луцкаго владыки, тогда означенная епископія будетъ принадлежать тому, кого волынскіе обыватели, какъ своего електа, намъ представятъ. А когда луцкое епископство будетъ передано неуниту, жидичинская архимандрія немедленно будетъ предоставлена униту, со всѣми имѣніями, издавна къ ней принадлежащими, и съ церковью Пресвятой Троицы, а также дворикомъ, приписаннымъ къ означенной архимандріи. Селенія Теренки, Седмярки и Теремки, которыми отецъ Пузына владѣетъ пожизненно, по вступленіи его на луцкую епископію имѣютъ оставаться при той же епископіи, какъ во владѣніи его самого (Пузыны), такъ и его преемниковъ, неунитовъ.—Равнымъ образомъ по смерти ксендза Аѳанасія Крупецкаго, перемышльскаго владыки, мы передадимъ это епископство съ имѣніями тому, кого изберутъ перемышльскіе обыватели и намъ представятъ. Для резиденціи же теперешняго перемышльскаго владыки неунита мы назначаемъ и утверждаемъ монастыри: Спасскій, св. Онуфрія и называемый Смольница со всѣми принадлежащими тѣмъ монастырямъ имѣніями. А когда послѣ смерти ксендза Крупецкаго неунитъ приметъ въ свою власть перемышльское епископство, тогда церкви св. Спаса и св. Николы, находящіяся на перемышльскомъ предмѣстьѣ, съ селеніемъ Шехиномъ, принадлежащимъ къ имѣніямъ епископскимъ,—будутъ переданы униту, единодушно избранному въ епископы находящимися въ уніи, и должны оставаться въ фактическомъ владѣніи того епископа и его преемниковъ.—Гродненскій монастырь съ его имѣніями будетъ принадлежать унитамъ, въ вознагражденіе за что униты уступили неунитамъ монастырь Выдубицкій подъ Кіевомъ

Кстати, сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Упомянутая грамота Владислава IV уніатскому духовенству Виленскою Археогр. коммиссіею при изданіи ея (Археогр. Сб. т. II. № 45) снабжена и русскимъ переводомъ. Переводъ этотъ во многихъ мѣстахъ до такой степени далекъ отъ подлинника, что *совершенно переиначиваетъ и искажаетъ его смыслъ*.. Къ чему помѣщать подобные переводы!?

съ имѣніями, издревле къ нему принадлежащими, и перевозомъ.— Также и монастырь св. Спаса въ Могилевѣ съ перевозомъ останется во владѣніи уніатовъ; а церковь св. Креста въ Могилевѣ и селенія Печерскъ, Цвырковъ, Барсуки и Тарасовичи, которыми владѣютъ нынѣ уніаты, также церковь въ Минскѣ, называемая Блаженная (Beata), должны принадлежать неунитамъ.—Отецъ же Петръ Могила, избранный отъ неунитовъ митрополитомъ, какъ владѣетъ архимандріею Печерскою, монастыремъ Никольскимъ и церковью св. Софіи, такъ въ его совмѣстномъ владѣніи все это до конца его жизни и должно оставаться; а послѣ его смерти бенефиціи эти будутъ розданы согласно со статьями примиренія, утвержденными при нашемъ избраніи. — Въ школахъ кіевскихъ и виленскихъ дозволяемъ неунитамъ учить по-гречески и по-латыни, такъ впрочемъ, чтобы свободнымъ наукамъ обучали не далѣе діалектики и логики. А какія церкви предоставлены будутъ унитамъ и неунитамъ коммиссарами, для этого нами назначенными, обѣ стороны должны ихъ рѣшенію быть покорными.—Всѣ процессы, начатые какъ относительно св. Софіи и Никольскаго монастыря, такъ и по другимъ (однороднымъ) дѣламъ между унитами и неунитами, кассуемъ и уничтожаемъ, за исключеніемъ убытковъ и личныхъ обидъ, которые, если существуютъ, могутъ быть предметомъ судебныхъ разбирательствъ.—Исполненіе всего этого мы удостовѣряемъ именемъ нашимъ и нашихъ преемниковъ и посему, на основаніи пунктовъ настоящей привилегіи нашей, какъ униты, такъ и неуниты должны пользоваться своими правами“ [1]).

Уніатскій писатель Островскій, хорошо ознакомленный съ тогоовременными источниками, заявляетъ, что привилегія, данная Владиславомъ IV уніатамъ, была вызвана усиленными просьбами къ королю уніатскаго митрополита Рутскаго, и считаетъ это одною изъ величайшихъ услугъ „сего архипастыря для своей паствы [2])“. Нашъ незабвенный историкъ преосв. Макарій склоненъ смотрѣть на привилегію Владислава уніатамъ, а также и на самую привилегію сего короля православнымъ, какъ на отступленіе отъ статей примиренія, допущенное королемъ въ пользу уніатовъ [3]). Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ дѣятельность короля представляется не совсѣмъ въ вѣрномъ свѣтѣ.

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № CCLXXX в. Рукоп. Кіев. Дух. Акад. (изъ пожертвованныхъ преосв. Макаріемъ № Аа 210, стр. 81. Въ послѣдней грамота (въ переводѣ на латинскій языкъ) съ датою отъ 18 марта 1635 г.,—что относительно числа очевидно должно признать ошибкою.

[2]) *Ostrowski*, Dzieie y prawa Kosciołа Polskiego (изд. 1793 г.) t. III, str. 498.

[3]) Исторія Русск. церкви XI. 475.

Что Рутскій хлопоталъ о выдачѣ уніатамъ привилегіи — это, разумѣется, сомнѣнію подлежать не можетъ [1]). Но выдавая означенную привилегію, король не нарушалъ статей примиренія, узаконеніе которыхъ стоило ему столь великихъ усилій. Статьями примиренія отнюдь не уничтожалась унія (ибо это дѣло было бы, при существовавшемъ порядкѣ вещей, невозможное), а только возстановлялись юридическія права церкви православной съ возвращеніемъ ей извѣстнаго количества храмовъ, съ принадлежащими къ нимъ бенефиціями, находившимися до того времени во владѣніи уніатовъ. Поэтому подтвержденіе правъ уніатской церкви и остававшихся за нею церковныхъ бенефицій было дѣломъ вполнѣ естественнымъ, а съ государственной точки зрѣнія и благоразумнымъ. Разумѣется, непріятное впечатлѣніе производитъ въ привилегіи короля заявленіе, что права даются православной церкви вынужденно и не могутъ быть одобряемы имъ, королемъ; но не слѣдуетъ забывать, что Владиславъ IV былъ католикъ и за свою благосклонность къ православнымъ подвергался постояннымъ нареканіямъ, а потому означенной фразѣ, притомъ явно носящей дипломатическій характеръ, особеннаго значенія придавать не слѣдуетъ.—Что же касается фактическихъ отступленій отъ статей примиренія, отчасти усматриваемыхъ въ привилегіи уніатамъ, а преимущественно въ грамотѣ, данной православнымъ,—то такихъ отступленій дѣйствительно можно указать (и преосв. Макарій указываетъ) нѣсколько. Самое существенное отступленіе состоитъ въ томъ, что по статьямъ примиренія уніатскій луцкій епископъ немедленно долженъ былъ передать епископію со всѣми ея имѣніями православному владыкѣ, а самъ переселиться въ жидичинскій монастырь; между тѣмъ по королевской грамотѣ имѣнія луцкой епископіи пожизненно остаются за луцкимъ уніатскимъ епископомъ Почаповскимъ, а православному владыкѣ до кончины послѣдняго предоставляется жидичинскій монастырь съ нѣкоторыми селами. Затѣмъ, не уничтожается совершенно перемышльская уніатская епископія, что по статьямъ примиренія должно было осуществиться послѣ смерти Аѳанасія Крупецкаго (тогдашняго перемышльскаго епископа). Наконецъ, нѣкоторые монастыри и церкви, предназначавшіеся православнымъ, оставляются по прежнему во владѣніи уніатовъ, а въ трехъ городахъ: Витебскѣ, Полоцкѣ, Ново-

---

[1]) Въ донесеніи папскаго нунція Висконти въ Римъ (1636 г.), между прочимъ, говорится: „Roztropność y gorliwosć metropolity Jos. Rutskiego są waszey przewielebnosci zkąd nąd iuż znane, *ale w tey ważney okoliczności* (рѣчь идетъ о сеймѣ 1635 г.) stały się dla *każdego pamiętne* (Relacye nunciuszow. t II, str. 265).

грудкѣ православнымъ воспрещалось имѣть даже и по одной церкви, между тѣмъ, по статьямъ примиренія, церкви предполагалось распредѣлить между унитами и неунитами пропорціонально ихъ числу, причемъ относительно Полоцка прямо говорилось, что здѣсь одна церковь, по указанію королевскихъ коммиссаровъ, должна была быть предоставлена православнымъ.

Но вину за означенныя отступленія возлагать на Владислава IV едва ли основательно: безъ сомнѣнія, на эти отступленія дано было согласіе самими православными, вынуждаемыми къ тому обстоятельствами.

Мы видѣли, какое сильное волненіе произвело въ латино-уніатскомъ лагерѣ *юридическое* возстановленіе правъ православной церкви и сколь продолжительна и упорна была борьба изъ-за этого вопроса. Положеніе короля въ качествѣ посредника между враждующими сторонами было крайне затруднительное и при настойчивости однихъ противниковъ (православныхъ), желавшихъ получить возможно болѣе церковныхъ бенефицій, и при упорствѣ другихъ (уніатовъ), стремившихся удержать въ своихъ рукахъ захваченное прежде и поступиться возможно меньшимъ,—дѣло успокоенія греческой религіи не могло совершиться безъ обоюдныхъ уступокъ заинтересованныхъ сторонъ, и—какъ мы видѣли—усилія короля именно и направлены были къ тому, чтобы склонить противниковъ къ этимъ уступкамъ. На многочисленныхъ совѣщаніяхъ короля съ представителями интересовъ православія и уніи происходило до извѣстной степени то же самое, что происходитъ въ наше время на такъ называемыхъ конференціяхъ по дѣламъ замиренія между воюющими сторонами, когда проектируемые пункты мирныхъ условій подвергаются тѣмъ или инымъ измѣненіямъ, вызываемымъ обстоятельствами, причемъ стороны склоняются, точнѣе, вынуждаются къ обоюднымъ уступкамъ во избѣжаніе большихъ, нежелательныхъ осложненій дѣла.— Что въ данномъ случаѣ важнѣйшее изъ указанныхъ нами отступленій отъ статей примиренія (относительно луцкой епископіи) было послѣдствіемъ уступчивости со стороны православныхъ или, точнѣе, добровольнымъ, вызываемымъ сложившимися обстоятельствами, соглашеніемъ ихъ съ уніатами, притомъ небезвыгоднымъ для обѣихъ сторонъ,—объ этомъ мы говорили уже выше. Безъ сомнѣнія, желаніе благополучно окончить свое дѣло, то есть юридически закрѣпить за своею церковью нарушенныя въ предшествовавшее царствованіе права ея, было причиною согласія православныхъ и на другія упомянутыя нами отклоненія отъ статей примиренія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ отклоненій могли быть даже и желательны

для православныхъ (напримѣръ, замѣна Гродненскаго монастыря Кіево-Выдубицкою обителью).

Въ разсматриваемомъ нами дѣлѣ прискорбны были не эти отступленія отъ статей примиренія, имѣвшія значеніе второстепенное, а прискорбно было то, что примиреніе между враждующими сторонами *на почвѣ юридической*, какъ состоявшееся подъ давленіемъ извѣстныхъ обстоятельствъ было, въ особенности со стороны уніатовъ, неискреннимъ, а потому не дававшимъ надежной гарантіи къ прекращенію смутъ и ссоръ изъ-за религіозныхъ вопросовъ (а главное изъ-за церковныхъ бенефицій) на будущее время.

Въ дѣйствительности такъ и было.

Когда, на основаніи состоявшейся конституціи, православнымъ выдана была приведенная нами привилегія, отъ имени латино-уніатовъ (духовныхъ и свѣтскихъ) занесена была протестація противъ сеймоваго постановленія. Сущность протестаціи заключалась въ слѣдующемъ. Прежде, на избирательномъ и коронаціонномъ сеймахъ, протестующіе не изъявляли своего согласія на предлагавшіеся способы примиренія православныхъ съ уніатами, основываясь на томъ, что означенное дѣло не можетъ состояться безъ соизволенія на оное апостольской столицы, какъ верховной руководительницы по вопросамъ, касающимся религіи; поэтому въ настоящее время, когда мнѣніе римскаго престола по сему предмету сдѣлалось уже извѣстнымъ, а именно, что безъ отягощенія совѣсти и безъ опасности для спасенія нельзя согласиться на принятіе пунктовъ примиренія и на передачу православнымъ нѣкоторыхъ церквей, находившихся дотолѣ во владѣніи уніатовъ,—„протестуючіе“, какъ на самомъ сеймѣ предъ лицемъ всей Рѣчи Посполитой заявляли, такъ и сейчасъ передъ судомъ заявляютъ, что на поименованные способы примиренія, а равно и на конституцію нынѣшняго сейма о греческой религіи не могутъ дать позволенія и не позволяютъ.—Далѣе въ протестаціи заявлялось, что такъ какъ уніатское духовенство не могло „упросить“, дабы при немъ оставлены были всѣ, находящіяся въ его владѣніи церкви съ принадлежащими къ нимъ помѣстьями, то оно не можетъ уступить ихъ добровольно, но только по принужденію (non consentiendo, sed patiento), обѣщаясь въ оставленныхъ ему церквахъ приносить мольбы за короля и милую отчизну и за своихъ преслѣдователей, дабы Господь не возмѣстилъ имъ ихъ грѣхъ и не подвергъ Рѣчь Посполитую проклятію и карамъ (разумѣется за упомянутую конституцію).—Подъ протестаціею находятся подписи всѣхъ католическихъ и уніатскихъ бискуповъ, находившихся въ то время въ Варшавѣ, восьми воеводъ, нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ при дворѣ и нѣкоторыхъ пословъ,—всего подписи 51-го лица. За-

мѣчательно, что между подписавшимися находятся и такія лица, которыя были правою рукою короля и наиболѣе другихъ (изъ католическаго лагеря) содѣйствовали проведенію на сеймѣ конституціи относительно греческой религіи. Такъ, напр., въ числѣ протестующихъ мы встрѣчаемъ и извѣстнаго намъ Георгія Оссолинскаго, столь много въ угоду короля потрудившагося для дѣла православныхъ. Разумѣется, его подпись подъ протестаціею съ дипломатическими оговорками есть не болѣе, какъ желаніе замести слѣды своей дѣятельности по данному вопросу, сильно вооружившей противъ Оссолинскаго ультра-католическую партію. Опасеніемъ навлечь на себя укоризны со стороны означенной партіи, безъ сомнѣнія, руководились при подписи протестаціи и другія лица, принимавшія, хотя бы то и исключительно съ формальной стороны, участіе въ упомянутомъ дѣлѣ. Изъ такихъ подписей съ оправдательными мотивами приведемъ здѣсь подпись подканцлера короннаго Ѳомы Замойскаго, какъ наиболѣе характерную въ смыслѣ уясненія тѣхъ усилій, съ которыми проведено было на сеймѣ дѣло объ успокоеніи греческой религіи. Вотъ эта подпись: „Ѳома Замойскій, подканцлеръ коронный, генералъ краковскій. Подобно тому, какъ на елекціи и коронаціи его королевской милости я, безъ соизволенія апостольскаго престола, не хотѣлъ дать согласія на означенное примиреніе, такъ и въ настоящее время, когда дѣло дошло до приложенія печати, я въ виду того, что св. отецъ съ своимъ сужденіемъ по данному вопросу замедлилъ, заявилъ о моемъ желаніи слѣдовать въ семъ дѣлѣ рѣшенію ихъ милостей ксендзовъ бискуповъ, какъ такихъ лицъ, которымъ принадлежитъ руководство нашею совѣстью, а потому и своего позволенія (на приложеніе печати) дать не могъ. Но поелику заключеніе сейма безъ сего не могло состояться, а непріятель сталъ надъ головою отчизны, и такъ какъ другіе чины обѣщали имъ (т. е. православнымъ) то permissive и требовали отъ меня того же, я вопреки желанію исполнилъ свою обязанность, предварительно выступивъ съ манифестаціею и то повторяя, что настоящія привилегіи и тѣ, которыя впослѣдствіи будутъ изданы въ такомъ же родѣ, не должны нарушать правъ касательно шляхетскихъ имѣній (т. е. права надѣлять имѣніями церковныя учрежденія) [1]).

Спустя два дня (20 марта) занесена была протестація противъ состоявшейся конституціи о греческой религіи и отъ имени папскаго нунція въ Польшѣ. Въ этой широковѣщательной протестаціи, между прочимъ, заявлялось, что, хотя обстоятельства и не

1) Протестація 1635 г. (въ музеѣ Черторижскихъ въ Краковѣ).

дозволяютъ сопротивляться схизматикамъ (въ виду состоявшагося узаконенія: утвержденія сеймомъ статей примиренія) путемъ юридическимъ, тѣмъ не менѣе апостольскій престолъ никогда не можетъ дать соизволенія на статьи примиренія и вообще на что-либо, идущее въ разрѣзъ съ интересами католицизма и уніи, и противъ подобныхъ постановленій протестуетъ и всегда протестовать будетъ, такъ какъ оныя противны божескимъ и человѣческимъ законамъ, канонамъ, древнимъ церковнымъ обычаямъ, культу единственной религіи (католицизму) и долгу католиковъ, обязанныхъ къ повиновенію и послушанію римской церкви. Схизматики (т. е. православные) тогда только могутъ заслужить благословеніе св. отца и упрочить свое правовое положеніе въ государствѣ, если возвратятся къ уніи съ католическою церковью,—что составляетъ завѣтное желаніе римскаго престола) [1]).

Разумѣется, указанныя протестаціи не могли имѣть юридическаго значенія, какъ направленныя противъ постановленія, ставшаго общеобязательнымъ закономъ; но онѣ усиливали въ извѣстной части общества недовольство этими постановленіями, разжигали религіозныя страсти, побуждали неуважительно относиться къ распоряженіямъ правительственной власти относительно приведенія въ исполненіе статей примиренія и какъ бы заранѣе оправдывали могущія встрѣтиться противленія этимъ распоряженіямъ.

С. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) *Theiner.* Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae № CCCLXIX, 418—420.

ФИЛОСОФЪ БЕЗЪ СИСТЕМЫ.

(Опытъ характеристики Григорія Саввича Сковороды).

VI.

Общія особенности философіи Сковороды.

Сковорода писалъ много, а говорилъ еще больше. Въ его разсужденіяхъ много путаницы, противорѣчій, неизбѣжныхъ въ сужденіяхъ такого разбросаннаго, многограннаго ума, какимъ былъ Сковорода. То онъ говоритъ о „единомъ началѣ, вездѣсущемъ центрѣ и умномъ цыркулѣ“, близкомъ, повидимому, къ Спинозовской міровой субстанціи, и является монистомъ; то учитъ о двухъ началахъ и его ученіе имѣетъ всѣ признаки дуализма; то считаетъ духъ началомъ міровой жизни; то договаривается до ученія о вѣчности матеріи. Иногда онъ говорилъ ѣдкимъ языкомъ раціоналистовъ XVIII в.; иногда языкомъ древней святоотеческой литературы; иногда—возвышался до чисто-пророческаго, библейскаго стиля, а иногда его рѣчь принимала совершенно непонятное и странное теченіе. Однихъ выводовъ требовала отъ него метафизическая философія; другихъ—нравственная, этика. Конечно, скажутъ: эти противорѣчія могутъ быть примиримы... И дѣйствительно, они такъ или иначе примиряются въ интересахъ цѣльности. Но вопросъ въ томъ: *было ли у Сковороды цѣльное, ясно опредѣленное міросозерцаніе?* По нашему мнѣнію, это былъ сложный, неупорядоченный умъ, который едва ли когда-либо зналъ силу цѣпей неумолимо-систематическаго вывода. Поэтому,

говорить объ опредѣленной философской системѣ его мыслей значитъ сразу стать на нѣсколько невѣрный путь въ сужденіи о его ученіи.

А между тѣмъ думаютъ, напримѣръ, что всѣ сочиненія Сковороды можно раздѣлить на три группы: художественныя(?)— пѣсни, вирши и басни; нравственно-поучительныя—духовные канты, богословскія правила и, наконецъ, философскіе разговоры [1])". Такое дѣленіе имѣетъ, конечно, значеніе только для каталоговъ.

Другой изслѣдователь говоритъ о „чрезвычайной цѣльности и законченности его (Сковороды) философскаго міровоззрѣнія, которая дѣлаетъ изъ его построенія монолитъ безъ примѣсей и трещинъ" [2]). Эта тирада невольно наталкиваетъ на вопросъ: былъ ли когда-нибудь на землѣ философъ, міросозерцаніе котораго представляло-бы „монолитъ безъ примѣсей и трещинъ"?

Третій изслѣдователь, останавливаясь, въ частности, на спеціально философскихъ произведеніяхъ Сковороды, разлагаетъ его ученіе на группы разныхъ положеній и представляетъ своимъ читателямъ цѣлую систему ученія [3]), забывая, что къ мыслямъ Сковороды по существу нельзя подходить съ требованіями строгой системы.

Дѣленіе сочиненій и классификація взглядовъ, безспорно, можетъ имѣть нѣкоторое внѣшнее удобство при изученіи сочиненій Сковороды, но оно мало служитъ внутреннему пониманію его произведеній. Главный недостатокъ этого пріема заключается въ томъ, что, слѣдуя ему, изслѣдователь легко можетъ увидѣть систему тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ, какъ это и оправдалось на писавшихъ о Сковородѣ. Въ частности, отдѣлять, напр., философскія сочиненія Сковороды отъ нравственныхъ неудобно уже потому, что самъ Сковорода не дѣлалъ этого различія. Онъ не отдѣлялъ своей философемы отъ морали.—Его философскія разсужденія назидательны; а нравоученія всегда носятъ въ себѣ философски-умозрительный и по мѣстамъ туманно-мечтательный характеръ. Далѣе, философія и мораль у него опираются на

[1]) „Міръ Божій" ноябрь, 1894 г., стр. 61,

[2]) „Вопр. филос. и псих." 1894 г. ноябрь, стр. 422.

[3]) „Вопр. филос. и псих." 1894 г. кн. 23 и 24.

религіозномъ основаніи, а богословскіе взгляды вытекаютъ изъ философіи.

Тамъ, гдѣ дѣло касается чистой философіи, Сковороду очень удобно ставятъ въ зависимость отъ древне-классической философіи, при чемъ обязательно приводится свидѣтельство Коваленскаго о томъ, что „любимѣйшими писателями Сковороды были: Плутархъ, Филонъ Іудеянинъ, Цицеронъ, Горацій, Лукіанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Нилъ, Діонисій Ареопагитскій и Максимъ Исповѣдникъ", а изъ новыхъ—„относительные къ симъ". Зависимость философскихъ воззрѣній Сковороды отъ древне-классическихъ авторитетовъ съ особенной аргументаціей раскрыта въ статьѣ Зеленогорскаго „Философія Г. С. Сковороды", (помѣщенной въ „Вопр. фил. и псих." 1894. г. м. май и сентябрь). Проф. Зеленогорскій здѣсь авторитетно утверждаетъ о зависимости взглядовъ Сковороды отъ древне-классической философіи и въ частности — отъ философіи Платона. Но, къ сожалѣнію, это свое положеніе онъ не обосновываетъ на какихъ нибудь болѣе или менѣе прочныхъ данныхъ. Утвержденіе профессора, что „кто знакомъ съ философіей Платона, для того это ясно и очевидно" [1]), доказательно, конечно, только для того, кто изучаетъ философію подъ руководствомъ самого профессора.

Профессоръ Багалѣй безусловно правъ, говоря по поводу сократической дѣятельности Сковороды: „мы не отвергаемъ *аналогіи* въ дѣятельности и отчасти положеніи Сократа аѳинскаго и Сократа малороссійскаго; но это только внѣшняя аналогія: внутренней зависимости здѣсь не было или, по крайней мѣрѣ, она не доказана". („Сочин. Сковороды" LX).

Если, впрочемъ, вліяніе Сократово-Платоновой философіи на ученіе Сковороды еще можетъ быть основано на нѣкоторыхъ пунктахъ сходства въ ученіяхъ, то для утвержденія вліянія на его ученіе западно-европейскихъ мыслителей изслѣдователямъ приходится прибѣгать къ всевозможнымъ натяжкамъ.—Прямыхъ данныхъ для утвержденія этого вліянія пока еще нѣтъ... Путешествіе Сковороды за границу въ этомъ отношеніи ничего не

---

[1]) „Вопр. фил. и псих." 1894 г., май, 222.

доказываетъ. Зная нѣмецкій языкъ, Сковорода могъ завести знакомство съ учеными нѣмцами; но дѣйствительно ли онъ велъ это знакомство, съ кѣмъ именно и какое вліяніе на складъ нашего философа оказало это знакомство,—не извѣстно.

Наиболѣе стройную и выдержанную систему философіи Сковороды даетъ профессоръ Багалѣй. Вотъ схема этой системы:

Вѣчно существуетъ одно мірозданіе.
(Монизмъ Сковороды).
Оно состоитъ изъ трехъ міровъ:
космоса (большого міра), человѣка (малаго міра) и библіи (міра символическаго).
Въ каждомъ отдѣльномъ мірѣ два начала:
Вѣчность (духъ) и тлѣнность (матерія).
(Дуализмъ Сковороды).
Духъ въ каждомъ мірѣ беретъ перевѣсъ надъ матеріей.
(Спиритуализмъ Сковороды).
Изъ ученія о духѣ вытекаетъ нравственное ученіе философа... и т. д.

Такая система идей въ отношеніи къ Сковородѣ намъ представляется, однако, произвольной, примѣнимой скорѣе къ доктринерамъ-теоретикамъ, а не такому живому, подвижному уму, какимъ былъ Сковорода. Можно смѣло сказать, что если-бы Сковорода философствовалъ по такой системѣ, то мы не имѣли-бы философа. Въ данномъ случаѣ дѣло, кажется, болѣе выиграетъ, если, при изложеніи и оцѣнкѣ мыслей Сковороды, отрѣшиться на время отъ тенденцій систематизаціи и смотрѣть на его философскія произведенія какъ на выраженіе процесса различныхъ философскихъ умонастроеній, т. е. видѣть въ его мысляхъ *не столько систему, сколько самыя мысли*, не лишенныя въ общемъ, конечно, относительной цѣлостности и законченности, но не чуждыя многихъ противорѣчій, недомолвокъ и неточностей.

Поэтому, приступая къ характеристикѣ философіи Сковороды, прежде всего установимъ положеніе: важно взглянуть на Сковороду, отрѣшившись отъ всякой основной школьной точки

зрѣнія... и видѣть въ немъ, не мудрствуя лукаво, лишь то, что видно будетъ.

Особенностью характера Сковороды, налагающей отпечатокъ на всю его философію, было то, что онъ сначала интуитивно-мистически пережилъ философскія положенія въ своемъ духѣ, прежде чѣмъ взялся за перо для связнаго изложенія этихъ положеній. Какъ извѣстно, первыя философскія сочиненія написаны Сковородой уже въ довольно зрѣломъ возрастѣ. Онъ осуществилъ мудрое правило: „primum—discere, deinde—vivere, denique—philosophare". Такимъ образомъ философія Сковороды—пережитая философія. Въ этомъ безспорное ея преимущество предъ многими другими ученіями. Она прошла чрезъ настроеніе и *душу* философа. Съ этимъ характеромъ философіи Сковороды изслѣдователямъ необходимо считаться, потому что эта особенность объясняетъ, во-первыхъ, связь взглядовъ Сковороды съ его причудливымъ темпераментомъ, сильно затрудняющую критическое изслѣдованіе его философскихъ трактатовъ; во-вторыхъ,—объясняетъ вытекающую отсюда трудность изложенія философіи Сковороды.

Отчасти подъ вліяніемъ внутреннихъ интуитивныхъ побужденій своего духа, а отчасти подъ вліяніемъ богатыхъ данныхъ собственнаго опыта, Сковорода яснѣе другихъ въ свое время понялъ, что чистая мысль отвлеченной метафизики сама въ себѣ имѣетъ мало цѣнности;—что цѣнность мыслей вообще и ихъ значеніе пріобрѣтается лишь по-стольку, по-скольку онѣ бываютъ связаны съ принципіальными внушеніями воли человѣка и религіозными, сердечными эмоціями. Отсюда философскія положенія Сковороды отличаются многосторонностью своего содержанія, такъ сказать, многогранностью мыслей. Ими затрогиваются сразу различныя стороны человѣческаго духа.

Работая на почвѣ общихъ многостороннихъ идей, захватывающихъ всего человѣка, Сковорода главнымъ источникомъ и двигателемъ своей философіи признавалъ разсудокъ. Разсудочно-аналитическимъ духомъ проникнуты всѣ его философскія положенія. На разсудочную почву онъ переводилъ и все то, чѣмъ жилъ. Разсудокъ у него былъ не средствомъ разработки мысли,

а источникомъ идей, самовозбудительной силой оригинальныхъ мыслей.

Опытъ имѣлъ для нашего философа значеніе второстепеннаго источника идей. Не боясь впасть въ парадоксъ, скажемъ, что для Сковороды опытъ былъ не столько источникомъ образованія идей, сколько причиною ихъ разбросанности и хаотичности. Многосторонность впечатлѣній мѣшала приведенію мыслей философа въ органическое единство. Сковорода не знаетъ прямолинейнаго теченія идей. Жизнь—не система. Это—разнообразіе впечатлѣній, часто не имѣющихъ между собой никакой связи. Григорій Саввичъ отзывался на это иногда безсвязное разнообразіе. Онъ, вообще, не любилъ однообразія. Онъ былъ философскимъ эхомъ сложнаго процесса общественной жизни своего времени, и его философія вышла разнообразною и калейдоскопичною, какъ тѣ люди и явленія, съ которыми приходилось ему сталкиваться. Всякое полученное впечатлѣніе онъ по своему переживалъ, обобщалъ и затѣмъ подвергалъ переработкѣ на началахъ чистаго мышленія. Сковороду, пожалуй, можно было упрекнуть, что онъ слишкомъ увлекался въ своей наклонности разсуждать по поводу всего того, что не давало достаточно философской пищи и потому не достойно было философіи. Этимъ объясняется, почему его разсужденія превращались въ формальное логизированіе въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-либо фактъ представлялъ меньше данныхъ для разсужденія, чѣмъ хотѣлось Сковородѣ. Отсюда его иногда своеобразные, оригинальные выводы по поводу такихъ явленій, которыя обыкновенно проходятъ незамѣченными. Мышленіе Сковороды не всегда имѣло существенную тѣсную связь съ фактами. Точныхъ указаній на факты и вообще эмпирическихъ данныхъ у него мало. Сковорода разсуждалъ по поводу фактовъ, но отдавалъ предпочтеніе чистому умозрѣнію, основанному на неизмѣнныхъ началахъ разума. Для него важны были не факты, которыхъ много можно подыскать подъ всякую теорію и толковать какъ угодно, а принципіальная точка зрѣнія.

Но, отводя разсудочно-аналитической дѣятельности въ своей философіи главное мѣсто, Сковорода не игнорировалъ, точнѣе—не могъ игнорировать другихъ силъ души, какъ орудій фило-

софскаго настроенія. Въ частности, воображеніе играетъ сильную вспомогательную роль въ динамикѣ его философіи. Извѣстно, что ни одна область мысли человѣческой не бываетъ свободна отъ такого или иного вліянія воображенія. Философія Сковороды испытала на себѣ рѣшительное господство этой силы. Его философія въ значительной степени—философія образовъ.... Понятіе у него почти не отдѣляется отъ представленій. Сковорода часто пользуется пластичными и яркими примѣрами дли наглядности своихъ философскихъ положеній. Онъ, кажется, понималъ, что воображеніе одинъ изъ оживляющихъ элементовъ, придающихъ сухимъ мыслямъ плоть и кровь.

Вотъ почему самыя названія его письменныхъ философскихъ сочиненій имѣютъ аллегорически-образный характеръ: „Израильскій змій", „Бесѣда, нареченная двое", „Діалогъ, имя ему потопъ змѣинъ", „Начальная дверь"... „Убогій жайворонокъ", „Благодарный Еродій"... Можно подумать, что все это не философскіе трактаты, а своеобразные беллетристическіе разсказы, требующіе, какъ извѣстно, работы творческаго воображенія. Отсюда—пластичность философіи Сковороды, возвышающаяся по мѣстамъ до художественной яркости.

Наконецъ, у Сковороды были сильныя внѣшнія основанія къ философски-критическому умонастроенію. Сталкиваясь съ людьми различныхъ положеній и понятій, Сковорода почувствовалъ потребность провѣрки царившихъ понятій и выводовъ. Во всей философіи Сковороды ясно сквозитъ желаніе философа разобраться въ хаосѣ господствовавшихъ представленій, стремленіе осмыслить эти представленія, упорядочить и свести ихъ (насколько это возможно) къ одной свѣтлой общей мысли. Разобрать понятія о Богѣ, природѣ, человѣкѣ и всемъ разнообразіи міра и установить надъ этимъ знаніемъ одно начало вѣчнаго единства—было задачей философіи Сковороды. Отсюда—своевременность и, такъ сказать, почвенность философіи Сковороды.

Ликвидировать старыя мысли людей, разбирать традиціонно накопившійся умственный хаосъ не легко. На ряду съ серьезными идеями тутъ приходится сталкиваться съ случайными, маловажными мыслями. Поэтому, въ философіи Сковороды нужно

отличать тѣ двѣ стороны, которыя можно назвать философствованіемъ и умничаньемъ. На первомъ лежитъ печать серьезной мысли; второе—дѣло минуты, настроенія. Вопросъ о цѣнности тѣхъ или другихъ философскихъ положеній Сковороды можетъ относиться только къ первому. Положенія Сковороды, поэтому, имѣютъ не одинаковую цѣнность.

Въ своей характеристикѣ мы не будемъ останавливаться на частныхъ пунктахъ философіи Сковороды, а обратимъ вниманіе на тѣ главные этапы, чрезъ которые проходила и двигалась мысль нашего философа.

VII.

Характеристика философіи Сковороды. Опредѣленіе философіи. Метафизика Сковороды.

Что-же „представлялъ“ собою Сковорода съ его философіей „на театрѣ свѣта“?

Это былъ прежде всего раціоналистъ, вѣровавшій въ разумъ, считавшій его „главною прелестью человѣка“. Нѣтъ нужды, что его раціоналистическимъ положеніямъ недостаетъ строгой органической связи. Въ немъ было больше идей, чѣмъ системы, и этого вполнѣ достаточно, чтобы занимать въ философскомъ пантеонѣ почетное мѣсто. „Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія“. Къ какой философской школѣ должно причислить философа съ такимъ понятіемъ философіи? Сковорода былъ представителемъ той философіи, для опредѣленія которой подойдутъ многія слова изъ философскаго лексикона, но точнаго названія которой до сихъ поръ еще не найдено. Принято обыкновенно называть такихъ мыслителей *эклектиками*, т. е. вѣрнѣе не называть ихъ никѣмъ въ особенности. Вотъ почему въ Сковородѣ видятъ вліяніе и Сократа съ Платономъ, и Спинозы, и Локка, и Лессинга и др. Вотъ почему къ Сковородѣ подходятъ всѣ почти названія философскихъ направленій (его называютъ и спиритуалистомъ, и дуалистомъ

и пантеистомъ, и монистомъ и пр.), хотя ни одно изъ этихъ названій не объясняетъ сути его ученія.

Это былъ апологетъ *разума*, апостолъ раціонализма. „Мы всѣ раждаемся безъ разума, училъ онъ, но живемъ для разума, для премудрости". Она-то „премудрость и есть прекраснѣйшій образъ Божій, тайно въ сердцѣ написанный, сила и правило всѣхъ нашихъ движеній и дѣлъ. Разумъ—имя Божіе, сила Божья, Слово, Воскрешеніе, Животъ, Христосъ". Онъ училъ, что человѣку по природѣ свойственно быть философомъ, т. е. разумнымъ существомъ. Познаніе, составляя цѣль жизни, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и единственно истинное настроеніе, достойное человѣка, какъ мыслящаго существа. „Изъясняетъ боговидецъ Платонъ: нѣтъ сладчае истины; а намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость".

Каково метафизическое ученіе Сковороды?

Сковорода нигдѣ не излагаетъ своей метафизики въ полномъ видѣ, но, насколько можно судить по разнымъ мѣстамъ его произведеній, его метафизика можетъ быть сведена приблизительно къ такимъ частнымъ тезисамъ. Богъ—всемірный Разумъ. Міръ—Его созданіе. Богъ—духъ, сила жизни. Міръ представляетъ двѣ натуры—видимую и невидимую. Первая есть „тѣнь, тлѣнъ, пустошь, плоть, пепелъ, песокъ, пелынь, желчь, грязь, лесть, мечта, смерть, тьма, злость, адъ, подлая обветщающая стихійная риза, обезьяна, подражающая во всемъ своей госпожѣ, господствующей натурѣ". Духъ—невидимую натуру—Сковорода надѣляетъ противоположными эпитетами. Духъ даетъ содержаніе матеріи, и міровая жизнь есть взаимодѣйствіе двухъ началъ—духа и матеріи. Ученіе о дуализмѣ міровыхъ явленій, о субстанціи и аттрибутахъ проводится въ его діалогѣ „Бесѣда: Двое". Яснаго, впрочемъ, ученія объ отношеніи духа къ матеріи мы не находимъ въ ученіи Сковороды. Въ вопросѣ объ отношеніи Бога къ міру онъ является то деистомъ, то пантеистомъ.

Философско-метафизическое ученіе о мірѣ и Богѣ и ихъ взаимномъ отношеніи тѣсно связано у Сковороды съ эволюціон-

нымъ развитіемъ міроздания и не чуждо пантеистическаго характера.

Сознавая трудность той тропинки, по которой мысль человѣка идетъ въ своемъ метафизическомъ теченіи, онъ совѣтовалъ осторожно („бпасно“) „искать начала всемірной машины“. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно въ философіи Сковороды такое мѣсто: „Взглянемъ на міръ сей... какъ на машинище изъ машинъ составленный, ни мѣстомъ, ни временемъ не ограниченный... Я вижу въ немъ единое начало, единъ центръ и единъ умный цыркуль во множествѣ ихъ. Сіе начало и сей центръ есть вездѣ, а окружія его нѣтъ нигдѣ... Если скажешь мнѣ, что внѣшній міръ сей въ какихъ то мѣстахъ и временахъ кончится, имѣя положенный себѣ предѣлъ, и я скажу: кончится, сирѣчь, начинается. Видишь, что одного мѣста граница есть, она же и дверь, открывающая поле новыхъ пространностей. И тогда-жъ зачинается цыпленокъ, когда кончится яйце. И такъ всегда все идетъ въ безконечность. Все исполняющее начало и міръ сей, какъ тѣнь его, границъ не имѣетъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблони. Въ томъ только рознь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умаляется, то преходитъ, то родится, то исчезаетъ и есть ничто: „materia aeterna“.

Говоря о вѣчной матеріи, онъ доходилъ до отождествленія этого начала съ Богомъ, поясняя при этомъ, что „у древнихъ Богъ назывался умъ всемірный, также бытіе вещей, вѣчность, судьба, необходимость; а у христіанъ знатнѣйшія ему имена слѣдующія: Духъ, Господь, Царь, Отецъ, Умъ, Истина“. Сковорода былъ убѣжденъ, что „дышетъ вездѣ оживляющій всѣхъ Духъ Господень“.

Пантеистическое ученіе здѣсь такъ согласовано съ дуалистическимъ, что трудно рѣшить: въ какой чашкѣ вѣсовъ лежалъ рѣшающій выводъ философа—на сторонѣ монизма, или дуализма?

VIII.

Ученіе о человѣкѣ.—Этика Сковороды.—Вопросъ о самопознаніи и счастьи.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ Сковорода удѣлилъ гораздо больше мѣста ученію о человѣкѣ, чѣмъ о природѣ, и его философія ближе всего подходитъ подъ названіе субъективно-идеалистической философіи человѣческаго духа съ замѣтно преобладающимъ ученіемъ о гносеологическомъ процессѣ знанія. „Познай себя"—вотъ точка опоры, отъ которой отправляется нравственное его ученіе. Пока мы не узнаемъ самого себя, т. е. живущаго въ насъ „истиннаго человѣка", до тѣхъ поръ мы не узнаемъ ничего внѣ насъ находящагося. Чѣмъ больше познаемъ себя, тѣмъ выше подымаемся „на гору вѣдѣнія". Что-же нужно дѣлать, чтобы познать себя? Анализировать свое внутреннее существо. „Ищи, стучи, перебирай, рой, выщупывай, испытывай, прислушивайся", совѣтуетъ Сковорода. (Мысли о самопознаніи особенно развиты Сковородой въ его философскомъ діалогѣ „Нарвисъ"). Это состояніе анализа доставляетъ человѣку минуты царственнаго наслажденія, доступнаго лишь философу. „Жизнь живетъ тогда, говоритъ философъ, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣдовать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится незаходимымъ свѣтомъ".. Это одна изъ лучшихъ метафоръ Сковороды, въ которой философская мысль соединена съ поэтичностью выраженія. Этотъ призывъ Сковороды къ внутреннему философскому анализу звучалъ внушительно въ его время, когда общество жило догматизмомъ традиціонной мысли и когда поэтому всякая самодѣятельная „тропинка мысли" была новостью и дѣйствительно доставляла дѣвственнымъ умамъ большое наслажденіе.

Принимая принципъ критико- гносеологическаго изслѣдованія, Сковорода приходитъ къ общему выводу, что все случайное, внѣшнее по отношенію къ существенному, внутреннему и вѣчно пребывающему есть плоть, тлѣніе, тѣнь и вмѣстѣ съ тѣмъ и зло. Въ человѣкѣ отраженіемъ вѣчнаго божественнаго является мысль; она только и составляетъ истиннаго человѣка. Мысль или

духъ человѣка, отражая въ себѣ это вѣчное, носитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ себѣ и единственно доступную мѣру (критерій) познанія Бога или плана вселенной.

Такимъ образомъ, познаніе есть единственный путь къ сліянію съ вѣчною основою міра, есть единственная истинная цѣль жизни. Человѣческую жизнь способна „животворить одна только истина", и „не ошибся нѣкій мудрецъ, положившій предѣломъ между ученымъ и неученымъ предѣлъ мертваго и живаго".

Затрогивая существенно ученіе о человѣкѣ, Сковорода не могъ обойти вопроса о смыслѣ и цѣли жизни человѣка. Относящіяся сюда сочиненія: „Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ", „Разговоръ, называемый алфавитъ и букварь мира", „Басни Харьковскія" и др. даютъ намъ цѣлый рядъ мыслей, характеризующихъ нравственно-практическое ученіе Сковороды. Эти мысли изъ всѣхъ ученій нашего философа самыя интересныя, читаются сравнительно легко, не утомляя читателя схоластическими хитросплетеніями.

Нравственная жизнь истиннаго мудреца, по ученію Сковороды, должна выражаться въ довольствѣ немногимъ, самонужнымъ, въ сознательномъ повиновеніи не страстямъ, а разуму. Смыслъ жизни—въ разумной любви. „Вся сила Десятословія вмѣщается въ одномъ словѣ—любовь".

Что такое *счастіе*? Познаніе себя и Бога. Уразумѣть свое счастіе—значитъ найти его. Оно въ насъ самихъ. Человѣкъ долженъ находить свое счастіе внутреннимъ самоанализомъ.

Царство Божіе внутри насъ. Въ этомъ пунктѣ своего ученія Сковорода приближается къ нравственной доктринѣ Толстого. „Адское царство" тоже внутри насъ, оно въ насъ бываетъ тогда, когда мы не сознаемъ, какъ необходимо для насъ царство Божіе.

Отсюда слѣдуютъ два частныя положенія о счастіи. Во-первыхъ, „счастье—въ сердцѣ, сердце—въ любви, любовь же—въ законѣ вѣчнаго". Счастье, какъ внутреннее настроеніе, обусловленное самопознаніемъ, не зависитъ ни отъ времени, ни отъ мѣста. Оно не заключено „ни въ Америкѣ, ни въ Канарскихъ островахъ, ни въ Азіатскомъ Іерусалимѣ, ни въ царскихъ чертогахъ, ни въ Соломоновскомъ вѣкѣ, ни въ богатствахъ, ни въ

чинѣ, ни въ наукахъ, ни въ здоровьи". Во-вторыхъ, счастье — въ согласіи нашей воли съ требованіями природы. Законъ природы не есть только законъ механической или абстрактно-логической необходимости... Законъ природы есть законъ гармоніи, управляющій свободной жизнью человѣка, придающій ей смыслъ и значеніе. Жить согласно съ природой (волей Божіей) значитъ быть счастливымъ. Это не трудно, потому что естественно. Вообще, счастье—это душевный миръ, чувство внутренняго самоудовлетворенія, чувство „душевной сладости, веселія, куража". Оно можетъ быть вездѣ съ нами. „Какъ рыба въ водѣ, такъ и мы въ немъ".

Что касается собственно практической, житейской морали, то основнымъ положеніемъ у Сковороды въ этомъ ученіи было: „благодареніе блаженному Богу, что нужное сдѣлалъ онъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ". Это характерное изреченіе, много напоминающее извѣстную сентенцію Эпикура, имѣло въ устахъ нашего философа самостоятельное значеніе и отражало въ себѣ практическій отголосокъ его теоретической философемы.

Практическій выводъ изъ этическаго ученія Сковороды можетъ быть формулированъ въ такомъ положеніи: Громадная часть людскихъ страданій происходитъ въ сущности отъ недоразумѣній отъ неумѣнья людей пользоваться необходимымъ. Если бы каждый болѣе или менѣе ясно сознавалъ, что въ тяжелой борьбѣ за существованіе не всякое желаніе имѣетъ право быть удовлетвореннымъ, что не на всякую эмоцію слѣдуетъ отвѣчать и терять свои силы, то было-бы найдено могучее средство устраненія значительной части бѣдствій, и люди, быть можетъ, были-бы счастливѣе.

Счастье—вѣчный вопросъ человѣчества. Это тотъ искомый иксъ, который,—на зло всѣмъ усиліямъ философской мысли, — не можетъ быть найденъ до сихъ поръ никакими теоретическими построеніями. Ниодна философская система не удовлетворила рѣшенію этическаго вопроса о счастьи, и мысль долго томится въ безплодныхъ поискахъ рѣшенія этической теоремы.

Не удовлетворилъ рѣшенію этой теоремы и Сковорода. Крупный недостатокъ этой теоремы тотъ, что въ ученіи Сковороды о счастьи слишкомъ замѣтный перевѣсъ беретъ гносеоло-

гическій принципъ. Въ этомъ главный недостатокъ этики Сковороды вообще. Сознаніе и самопознаніе, какъ бы они ни были глубоки, сами по себѣ не могутъ дать счастья человѣческому духу.

Впрочемъ, не смотря на недостаточность житейской теоремы, построенной Сковородой,—она въ нѣкоторой своей части и въ наше время далеко не утратила еще своего значенія, и не слѣдуетъ торопиться сдавать ее въ архивъ. Та часть современной этики, которая провозгласила равновѣсіе между внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ человѣка, какъ принципъ счастья, не далеко ушла отъ точки зрѣнія, поставленной Сковородой въ прошломъ вѣкѣ.

Но современная этика знаетъ и такую сторону, которая далеко оставляетъ за собой ученіе Сковороды. Эта часть главнымъ образомъ касается условій нравственнаго совершенства человѣка на землѣ.

Сравнивая этику нашего времени въ этой части ея ученія съ этическими воззрѣніями Сковороды, легко видѣть, что успѣхи, какіе сдѣлало нравственное ученіе въ наше время, особенно замѣтны въ двухъ пунктахъ современной этики.

Во-первыхъ, параллельно теоріи совершенства личности, (почва, на которой стоялъ Сковорода) въ наше время выдвинута и развита теорія совершенствованія общества, такъ сказать коллективной единицы. Наше время знаетъ мнѣнія о томъ, что личность—сила, отжившая въ исторіи человѣчества свое время...

Во-вторыхъ, новѣйшее нравственное ученіе выдвинуло громадный и неустранимый факторъ нравственнаго процесса—борьбу за существованіе, съ которой необходимо должна считаться современная мораль. Борьба за существованіе,—этотъ не соціальный только но и космическій законъ всякой жизни,—представляетъ conditio sine qua non нравственнаго ученія. Мнѣніе, что нравственность нашего времени должна заключаться въ смягченіи острыхъ условій борьбы за существованіе, въ возможномъ облегченіи этихъ условій для тѣхъ, кто много терпитъ въ этой борьбѣ,—завоевываетъ себѣ все большее и большее количество адептовъ.

Понятно, что время Сковороды было далеко отъ такихъ взглядовъ. Сковорода, стоя на почвѣ личнаго совершенства,

училъ о необходимости приспособляться къ природѣ и ея голосу. Его моральный принципъ—гармоническое сочетаніе человѣка съ природой, которая выражаетъ собою волю Божію. Нынѣшняя этика, стоя на почвѣ эволюціи, учитъ о борьбѣ, какъ объ универсальномъ законѣ всякой жизни. Ея моральное начало—дисгармонія, несоотвѣтствіе между нравственнымъ стремленіемъ духа и условіями, нарушающими это стремленіе.

Этическое ученіе Сковороды въ сущности своей есть теорія вседовольнаго, всеблаженнаго эгоизма. Нынѣшнее этическое ученіе—по преимуществу теорія альтруизма.

IX.

Богословское ученіе Сковороды. Взглядъ на Библію.

Общей особенностью богословскихъ взглядовъ Сковороды было смѣшеніе ихъ съ философіей. Сковорода неясно отличалъ богословскіе вопросы отъ философскихъ. Вопросамъ перваго рода онъ придавалъ философскую постановку, а философію проводилъ сквозь призму библейскихъ понятій. Библія и философія были для Сковороды наименованіями одного и того же круга понятій. Обѣ учатъ о томъ, „какъ облагородствовать человѣческое сердце", т. е. сводятся къ чисто нравственному вопросу о счастьи человѣческомъ. Отсюда положеніе Сковороды, что „каждый долженъ быть богословомъ".—Въ лучшемъ смыслѣ это положеніе Сковорода осуществилъ на себѣ самомъ, представляя изъ себя философа на библейскомъ основаніи и богослова съ критико-философскимъ полетомъ мысли.

Чѣмъ-же является Сковорода въ своихъ богословскихъ разсужденіяхъ?

Онъ провозгласилъ, что „Богъ—Библія". По его словамъ, Библія имѣетъ универсальное значеніе. Это—„мірокъ символичный",—заключающій въ себѣ собраніе аллегорій, образцовъ, фигуръ, ведущихъ нашу мысль въ понятіе вѣчныя натуры, утаенной въ тлѣніи".—Однако Сковорода не останавливается

на одномъ символическомъ пониманіи Библіи. Онъ пытается всесторонне разгадать ея смыслъ.

Прежде всего онъ сознается, что лишь въ 30 лѣтъ отъ роду началъ впервые сознательно читать Библію. Если принять во вниманіе, что это говоритъ о себѣ ученикъ, учившійся въ Кіевской духовной академіи и, слѣдовательно, прошедшій всѣ тонкости богословской схоластики, то его сознаніе многозначительно. Очевидно, школьное изученіе Библіи онъ не считалъ даже за чтеніе. Онъ имѣлъ свой особенный взглядъ на Библію.

По ученію Сковороды, откровеніе Божества началось не съ Моисея. Оно всегда существовало въ родѣ человѣческомъ: Богъ раскрывалъ и раскрываетъ Себя, съ одной стороны, въ природѣ, съ другой—въ душѣ человѣка. Библія Моисея есть третій видъ божественнаго откровенія. Но и этотъ видъ откровенія не начинается съ Моисея, а продолжается. „Матерь Еврейскаго Богословія есть Египетское Богословіе,“ говоритъ онъ.

Отношеніе Сковороды къ Библіи было двойственное: мистически-символическое и раціонально-критическое.—Какъ человѣкъ своего времени, воспитанный притомъ на традиціонныхъ началахъ духовной школы, осмыслившій Библію въ зрѣломъ возрастѣ и притомъ хорошо понимавшій роль религіи въ современномъ обществѣ,—онъ признавалъ священную книгу—Богомъ, видѣлъ въ ней источникъ богопознанія, считалъ ее путеводителемъ къ „Присносущему Началу“. Онъ говорилъ о вѣрѣ, доказывалъ ея необходимость. Впрочемъ, аргументація библейской вѣры не оригинальна у Сковороды и мѣстами не идетъ дальше аллегорій, болѣе или менѣе мѣткихъ сопоставленій и общихъ фразъ. Необходимость вѣры онъ выводилъ изъ того, что человѣческое сознаніе издавна считается съ вѣчными вопросами, для которыхъ нельзя найти вполнѣ раціональныхъ доказательствъ и которые должны рѣшаться, поэтому, вѣрою. Сковорода рѣшилъ утвердить эти вопросы на Библіи—на „символическомъ мірѣ“... Отношеніе разума къ вѣрѣ у Сковороды слабо выяснено. Онъ склоненъ былъ признавать эти силы равными, т. е. не давать имъ въ сущности никакого опредѣленнаго отношенія. Въ одномъ случаѣ Сковорода стоитъ за руко-

водящую роль разума и напоминаетъ раціоналистовъ XVIII в. Въ другомъ случаѣ онъ напоминаетъ Лютера, который, несмотря на свой раціонализмъ и критическое отношеніе къ вѣрѣ, долженъ былъ, однако, въ нѣкоторыхъ вопросахъ признать разумъ „гнуснымъ другомъ сатаны", „злѣйшимъ врагомъ Божіимъ".

Какъ человѣкъ прогрессивнаго мышленія, Сковорода не могъ не видѣть и вліянія Библіи на человѣчество. Буквальное внѣшнее пониманіе Библіи можетъ „потопить" здравый смыслъ людей. Такое пониманіе навело на міръ „безчисленныя и ужасныя суевѣрій наводненія." Эти суевѣрія въ свою очередь послужили причиной „вздоровъ, споровъ, сектъ, вражды, междоусобій и странныхъ, ручныхъ и словесныхъ войнъ, младенческихъ страховъ". Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, „Библія подобна ужасной пещерѣ,—она вся преисполнена пропастей и соблазновъ; она первѣе на еврейскій, потомъ на христіанскій родъ безчисленныя навела суевѣрій наводненія". Въ своихъ богословскихъ разсужденіяхъ онъ умѣлъ отличать важное, главное, отъ второстепенныхъ вопросовъ, которые, благодаря вліянію Кіевской Академіи, были распространены тогда въ обществѣ. „И кой се есть родъ странный Богословія, если въ немъ рѣчь о желѣзѣ, не о Богѣ!" О чудесахъ христіанства онъ высказывался осторожно или, точнѣе, остерегался высказываться, считая вопросы въ этомъ родѣ безполезными для души. „Если чего не понимаешь (въ Библіи), говоритъ Сковорода, закричи съ Варухомъ:—какъ великъ домъ Божій!" „Пожалуй, не любопытствуй", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. „Не заглядывай за ширмы, за хребетъ театра... Поступай здѣсь такъ, какъ бы на нѣкоемъ зрѣлищѣ, и довольствуйся тѣмъ, что глазамъ твоимъ представляется". Для богопознанія онъ считалъ чудеса совершенно излишними. Для понятія о Богѣ, училъ онъ, вполнѣ достаточно одного самопознанія. Познай себя—и познаешь Бога. „Кто хорошо позналъ себя самого, тотъ уже узналъ и Христа". „Кто слѣпъ дома,—тотъ и въ гостяхъ." Къ чему намъ чудеса, когда вся вселенная такъ ясно говоритъ о Высшей силѣ, когда, выражаясь словомъ Сковороды, „вся дрянь дышитъ Богомъ и вѣчностью", когда „вся тварь есть поле слѣдовъ Божіихъ".

Увлекаясь внѣшностью Библіи и забывая, что она, какъ всякая внѣшность, тлѣнъ, и что нѣтъ блага, кромѣ Бога, люди начинаютъ уповать на плоть и кровь, обожаютъ вещество въ свѣчахъ, живописи и церемоніяхъ. Сколько уже вѣковъ люди мудрствуютъ въ церемоніяхъ—и каковы плоды? Только одни расколы, суевѣрія и лицемѣрія. „Церемоніальнымъ терновникомъ заросъ входъ въ садъ Божьей истины и нѣтъ туда доступа человѣку". „Суевѣръ скорбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится. Иной скорбитъ, что погружаютъ, другой бѣсится, что обливаютъ крещаемаго. Иной клянетъ квасъ, другой—опрѣсноки". Внѣшнее благочестіе, обрядности—тоже, что на зернахъ скорлупа и шелуха.—Чисто раціоналистическое отношеніе Сковороды къ Библіи выразилось въ слѣдующихъ насмѣшливыхъ словахъ: „люди, по словамъ Библіи, преобразуются въ соляные столбы, возносятся къ планетамъ, ѣздятъ колясками на морскомъ днѣ и воздухѣ; солнце, будто карета, останавливается, желѣзо плаваетъ, рѣки возвращаются, отъ гласа трубнаго разваливаются городскія стѣны, горы какъ бараны скачутъ, волки съ овцами дружатъ, востаютъ мертвыя кости, падаютъ съ яблонь небесныя свѣтила, а изъ облаковъ крупяная каша съ перепелками... Будто блаженная натура когда-то гдѣ-то дѣлала то, что теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ. Возстать противъ царства натуры и ея законовъ есть несчастная, исполинская дерзость: какъ же могла возстать на свой законъ блаженная натура?" Сковорода особенно возставалъ противъ тѣхъ, которые думаютъ, „точно летали Ильины кони, плавало при Елисеѣ желѣзо, говорили при Авраамѣ змѣи". „Кто угорѣлъ или въ горячкѣ, тотъ только скажетъ: желѣзо плаваетъ". „Много нужно развалить, разломить и искрошить прежде, чѣмъ придетъ время строить на старомъ грунтѣ новую храмину".

Такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ Сковорода молится передъ Библіей, стоитъ предъ ней на колѣняхъ и, сложивъ личный разумъ, благоговѣйно внимаетъ ея каждому слову; въ другомъ случаѣ—ко многимъ мѣстамъ св. писанія онъ относится съ ѣдкимъ сарказмомъ.

Сущность богословски-философскихъ воззрѣній Г. С. Сковороды можно свести къ положеніямъ:

1. Разумъ долженъ имѣть широкія права въ изслѣдованіи христіанской догмы. Вѣра тоже является важнымъ источникомъ богопознанія, особенно въ вопросахъ, недоступныхъ для разума.

2. Св. Писаніе можетъ спасти и погубить, освѣтить и омрачить, смотря по тому, на сколько умъ человѣка способенъ понимать истины Св. Писанія.

3. Но истина не въ одномъ Св. Писаніи. „Истина безначальна", какъ говоритъ Сковорода.

Введя, такимъ образомъ, въ свое религіозное ученіе мало пригодный критическій элементъ, стараясь расширить религіозное міровоззрѣніе своихъ соотечественниковъ и направить общество на раціональный путь религіознаго развитія, Сковорода— „не могъ не придти къ отрицанію многихъ религіозно-догматическихъ предразсудковъ и явился еретикомъ въ церковно-конфессіональномъ смыслѣ". Конечно, можно соглашать всячески религіозныя воззрѣнія Сковороды съ очищеннымъ понятіемъ религіи (какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, напр. г. Лебедевъ, г. Зеленогорскій), но все-таки трудно сдѣлать Сковороду православнымъ, не противорѣча основному закону достаточнаго основанія. Изслѣдователь старается вопреки этому закону выяснить, что Сковорода не *отреченный* религіозный мыслитель, что, напротивъ, онъ воспиталъ свой умъ на знаменитыхъ древняго времени представителяхъ богословской мысли на востокѣ (въ особенности на твореніяхъ александрійскихъ отцовъ и учителей церкви).[1] Вліяніемъ раціонально-александрійской школы и объясняются даже не только его воззрѣнія, но и его методъ. Но тотъ же изслѣдователь замѣчаетъ, что „православный богословъ не найдетъ полнаго соотвѣтствія между православнымъ догматическимъ ученіемъ о Св. Троицѣ и философскимъ ученіемъ о томъ же предметѣ Сковороды". ([2])

---

[1] Вопр. философіи и психол. 1895 г., мартъ, рефератъ г. Лебедева: „Сковорода, какъ богословъ".

[2] Тамъ же, 234.

Съ религіозныиъ ученіемъ Сковороды не стоитъ въ противорѣчіи только его общее стремленіе къ идеаламъ, къ вѣчному небу, затмѣваемому тиной суевѣрій и предразсудковъ. Что-же касается собственно специальныхъ богословскихъ разсужденій на ту или другую тему христіанскаго катихизиса, то въ этихъ разсужденіяхъ Сковороды много непримиримыхъ противорѣчій. Въ своихъ поискахъ за „свѣтлостью мысли" онъ много разсуждалъ, стремясь найти „центръ", но не изъ всѣхъ своихъ разсужденій могъ смѣло сдѣлать прямой выводъ, не боясь впасть въ противорѣчіе съ раньше сказаннымъ. Онъ много говорилъ на богословскія темы, но не всегда договаривалъ. У него много недомолвокъ. Иногда онъ не могъ договориться до конца, а иногда словно нарочно выбиралъ для своихъ мыслей туманную форму выраженія, чтобы этимъ обойти вопросъ, его не разгадать. Порою онъ склоненъ признавать за достовѣрныя два противоположныя понятія. Стоя на почвѣ свободнаго религіознаго міросозерцанія, Сковорода пытался создать свой храмъ, который не противорѣчилъ бы догмѣ, но вмѣсто храма создалъ лишь громадный безформенный пантеонъ, въ которомъ таинственный мистическій мракъ мѣшаетъ разглядѣть отчетливо тѣхъ боговъ, которымъ поклоняется философъ.—То здѣсь, то тамъ мелькаютъ передъ зрителемъ философы древности: Сократъ, Платонъ, отцы александрійской школы и др., но окончательно разглядѣть алтарь этого пантеона нѣтъ никакой возможности.

Ѳ. Кудринскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ.

(1846—1877 г.г.). [1]

27.

1848, апр. 21 Тула.

Шановный мій Добродію

Осыпъ Максымовычъ!

Вже колы Вы до мене озываетесь ридною мовою, дакъ и я не втерплю, одгукнусь до Васъ, хочъ и оглядуючысь, батьковою та матерыною риччу. Не знаете Вы, пане мій любезный, що мени за мука изъ моимы родычамы та прыятелямы. Чы я жъ то не напысавъ тыеи жъ годыны на столыцю, щобъ яко мога боржій простовавъ мій шурьякъ до того скаредного Срезневського та и взявъ бы исторычески думы украинськи хочъ сылою! Дакъ що жъ! Покы передъ очыма, дакъ ци родычи да прыятели наче и на людей здаюцця, а тильки за очы, такъ наче имъ лысый дидько до потылыци голову поверне. Мовчыть якъ стина, ось уже мисяцивъ зо тры, та не тильки про думы, та про де що й друге—ни же, що вже бъ таки и Бога побоявсь и людей посоромывсь. Вже я ёго й понукавъ: тату бо, одвитуй уже що небудь, чы ты жывешь ище на свити, чы тебе лыхый злызавъ? Такъ де-яки балясы роспустыть, а що якъ про що путне просышъ, дакъ наче ёму заципыть. До самого жъ Срезневського мени такъ мыло та любо пысаты, наче йты до собаки у кумы. Мерзене, истынно мерзене порожденіе! Якъ Вамъ оце здаецця: що якъ прышла разъ до ёго въ столыци пани-матка бидахи Костомары, несчаслыва невиста, удовыця безпомощна, немищна бабуся, дакъ винъ изъ жинкою передъ нею снидае, а ій хочъ бы на смихъ сказавъ: чы не прызволытесь и вы, пани-матко,

[1]) По независѣвшимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, эти письма не могли быть закончены въ прошломъ году (см. № 12) и печатаются теперь, какъ дополненіе къ нимъ, подъ тѣми номерами, подъ которыми они должны были стоять въ хронологическомъ порядкѣ ихъ. *Ред.*

зъ намы? Не знаю, де винъ такихъ звычаивъ понаучувавсь, мабудь у Нимцивъ. Ще жъ треба памятать, що Костомара колысь за щаслывыхъ часивъ частенько зъ имъ хлибомъ-силью дилывся, прытелемъ ёго звався и не одну може послугу ёму вчынывъ. Дакъ чого вы хочете отъ такого злыденнаго перевертня? Я не прыберу и слова, якъ до ёго пысаты, и чы жидомъ, чы поганыномъ іого велычать, а бильше одъ велыкого пересердя гыдую до ёго й ричъ оборочуваты. Ще разъ напышу до шурьяка, нехай иде та вымагае думы у того ныцого поганця.

А я оттутъ сыдячы безъ дила,—бо й доси мени жаднои службы не дають,—вертивъ, вертивъ у свому мизкови того Ивана Мучытеля, щобъ высновать зъ ёго царованьня романъ исторычеській; дали бачу, що ни-не втну, дуже гыдкый,—нехай ёму тяжко икнецця на тимъ свити, та махъ—и перескочывъ зъ пивъ чоловичого вику. Теперъ сновыкгаю розумомъ коло Новгородка-Сѣверського, якъ винъ бувъ у ту чудну Самозванщыну, та повыдумувавъ тутъ про ёго де що багато. Я жъ бо тамъ и самъ колысь учывся и по тимъ зубровськымъ ровамъ швендявъ, утикаючы отъ алгебры да отъ рыторыки. Дакъ повыймавши дещо зъ кныжокъ, компоную опе романъ саме зъ того моменту, якъ Отрепьевъ пидступа одъ Черныгова до Новгородка, та ще такъ хочецця, щобъ не дуже истории чепляты, а тилько помижъ ярмаркомъ исторычнымъ извертатыся; дакъ тутъ такого накомпоновавъ, що може й лаятымете, якъ колысь надрукую. Хочецця такъ зкомпоноваты, щобъ и Москали не сердылысь, та й своимъ землякамъ не золжыть(?), дакъ не знаю, чи потраплю. А зовецця романъ: *Дружына Сѣверякъ* и вже ажъ тры главы напысано. Та чы нема въ Васъ часомъ *Сказаній Русскаго Народа Сахарова* и *пословыцъ Снегирева.* Колы ласка Ваша, вышлить, я прочытаю, де що повыпысую и кныжкы поверну назадъ у цилости. Пысавъ я до Погодина, щобъ винъ мени симъ удружывъ, и на свій счотъ бравъ я пересылку сюды кныжокъ та винъ выдно уважа мене за жыда, не йме виры ни на копійку. Мовчыть—стина стиною. Бувайте жъ здоровы! Готовый до услугъ П. Кулишъ.

Спасыби Вамъ, добродію за *Чтенія.* Истынне сокровыще опе Вы намъ даруете. Якъ кныжка, то все Вамъ дякую.

28.

Шановный и высокоповажный мій земляче Осыпъ Максымовычъ!

Колы бъ тилькы Вы зналы, якъ засмутывъ мене отой харцызяка, що заивъ наши писни! Отъ уже иродова душа, дакъ такъ! Гляньтесь: хтобъ же то ждавъ такого палыводы зъ того ученого панычa, що такъ звычайненько пыше було до нашого браччыка простака лысты? Ничого сказать, стоить Выговського! Якъ же то намъ буде огыдно колысь, якъ винъ зъ нашого жъ хворосту та намъ и карлючку загне! Вылаяты вразького пройдысвита печатно! сказаты правду на ввесь свитъ! Що бильше зъ такымъ чыныты?

Дякую Вамъ щыро за *Сказанія Русскаго Народа*, котори зъ нызькымъ поклономъ Вашій мылости и назадъ поворочую увъ усякій цилости. Вже я трохы не всю першу часть напысавъ свого романа. Вы мени саме въ горячу мынуту допомоглы; за се дуже Вамъ дякую.

Ще жъ одна дяка есть у мене Вамъ за те, що Вы того дуросвита Брамбеуса до позорного стовба прывязалы. Оттакъ имъ и треба, безсовиснымъ шарлатанамъ, що звыклы людей дурачыты! Залылы жъ Вы ёму за шкуру сала. «Ни неня въ бразі не купала», якъ мовлявъ той Котляревській! Бажавъ бы я подывытысь, якъ позычатыме той Брамбеусъ теперъ очей у собакы, идучы мижъ люде. Чы, може, такый уже на все готовъ заздалегидь: да ще бъ собаку навчывъ дывыцця людямъ у вичи! Що вы думаете! Дарма, нехай соби,—горбатого могыла справыть; а ваша крытыка велыкого стоить мыру хрещеному: не нятымуть былышъ виры тымъ перевертнямъ бездушнымъ. Шкода, що Вы де-небудь у сій крытыци не прыткнулы, що у Брамбеуса давній се звычай; що отъ, мовъ, винъ усю свою Коллектанею (Collectanea z dziejopisòw Tureckich) прошпикговавъ брехнею. Да объ сёму можно пропечататы особо артыкулъ. Колы хочете, прышлить мени ту польску кныжку, що показувалы, я вамъ вытягну зъ неи саму сылу (бо вамъ, добре знаю, николы), а вы що знаете, прыпышете та й надрукуете. Тильки ни, якъ подумаю, то й мени теперъ не до того: треба вже свого Сѣверяка до розуму доводыть, щобъ не зосталась на зиму хата безъ крыши. Не прысылайте, ничого пустоватъ обицянкамы.

Я, Богу дяка, здоровъ,—тилькы такъ скушно въ сій Тули, що нехай ій бисъ! Ни души не знайшовъ соби понутру. Жыву, мовъ у лиси.

Бувайте жъ здоровеньки та не забувайте й мене сиромаху.

П. Кулѣшъ.

1848. Мая 19. Тула.

29.

Шановный земляче и добродію Осыпъ Максымовычъ!

Колы ще я Вамъ не остывъ изъ своимы докукамы, дакъ благаю Вашу мылость ище разъ пидсобыты мени у моій роботи. Чы не можете Вы позычыты мени на якыйсь часъ: 1, Сказанія о осадѣ Троицкаго монастыря, *Авраамія Палицына*; 2, Лѣтописи о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства, и пр. да ще 3, Восьмого тому русскихъ лѣтописей по Никонову Списку? Я бъ ихъ Вамъ одиславъ икъ такому уремью, икъ якому Вамъ завгодно назначыты. А треба, дуже треба. Знаете, тутъ ось яке дило случылось. Якъ почавъ я мытыковаты про свій романъ, такъ нытка за ныткою убравсь у саме потканье и въ основу того часу, да й думаю соби: Чого жъ оце мени брехаты, колы правду можно ось-ось намацаты? Ке лышъ, я першъ начертаю соби усю картыну того часу, такъ якъ вона справди була, да потимъ чы не буду я сущымъ хозяиномъ, якъ трапыцця де що для роману выбраты! А то я и самъ не звидавъ своихъ скарбивъ, а гайную дороге й дешеве на романъ. Отъ помирковавшы самъ изъ собою, и почавъ пысаты справжню историю того смутного уремъя, якъ я іи порозумивъ, щобъ усякъ часъ и усякъ старосьвицкій лыцарь пройшовъ черезъ мою голову, и щобъ однымъ поглядомъ обняты ту дывовыдную игру людськыхъ страстей, замешанье люду православного одъ того пройдысвита Самозванця и всяки биды, яки тоди складысь земли Московській. Зачавъ же я не одъ Самозванця, а одъ самого звону Ивана Мучытеля, та вже довивъ ажъ до року 1600. И вподобалась мени дуже ся праця. Есть про що змовыты поважне слово. И буде то кныга геть-геть товста, може не де и прытулымося зъ нею, якъ не въ *Чтеніяхъ*. Тылько чы прыймете таке мизкованье, що крытыкы, того-то бачте изслидованія, якъ у васъ оглавлено,—немае; а есть тильки оповидь, а зъ оповиди вже й само изслидованіе выходыть, що

инколы й натюкнешъ чытателю, а инколы й самъ здоровъ збагне. Дакъ чы годытымецця ще для Васъ така штука? и чы надрукуете Вы іи, якъ у ій буде страныць 400 вашыхъ безъ роздилу на стовбци? А вже мени дано певну надію, що друковать позволять, абы бъ що небрыклыве не напысавъ. Дакъ отъ уже таке имъ покволе, доморосле Московське, а не наське степне, що й водою никому не замутыть.

Чы бувъ у Васъ Вернадоькый? Якъ винъ Вамъ здався? и якъ его Ваши профессоры, чы ласкою прывиталы, чы може гордымъ окомъ, що таке молоде та хоче докторомъ величатыся? А гарный хлопець, якъ бы не дуже пофранцузывсь. Та ще, може, зъ литамы похолодіе до всёго иноземного, нимецького, до того вразького *проіреесу*, що тилькы руйнуе старовыну, а нового ничого не збудовавъ виковишнёго.

Жду не дождусь Вашихъ «Чтеній»: роздратовалы Вы мене московськымы письнямы, що такъ хвалыте. Вже колы Вы хвалыте, такъ выдно справди скарбъ, а не письни. А чы скоро жъ наськи? якыхъ то тамъ немае скарбивъ? Господы! зросте жъ такій квитъ середъ степу, що нихто его й не пересажуе, не обполюе й не полывае.

Спасыби Вамъ за 8 кныжку *Чтеній.* Тоди дякую, якъ прочытавъ. Спасы Васъ, Боже, за Вашу працю: що за дорогу вы мостыте нею исторыкамъ и поэтамъ! Тилькы зъ чого се Вы взялы, що бъ то я грымавъ, що все наське да наське! Де жъ ёму бильшъ появытысь! Хто бъ ёго безъ Васъ выдавъ на свитъ? Такъ-бы, може, й попропадало, якъ бы вси булы таки фертыкы, якъ оти Петербурськи кныжныкы, що тильки вміють зъ чужого хворосту карлючкы загынаты. Скорійшъ ище вытягуйте изъ архыву иностранной коллегіи та друкуйте, а мы за всяку кныжку ей же ради бъ Вамъ у сами ногы уклонытыся, такъ Вы насъ запомогаете усякою пысьменською худобою!

Зъ щырою прыязню до послугы готовый землякъ вашъ

П. Кулишъ.

1848, іюня 16. Тула.

30.

4 Іюля, 1848. Тула.

Высокоповажный Пане Земляче!

Щыро дякую Вамъ за позыку кныжокъ: Аврамія Палицына и Лѣтописи о мятежахъ. Що то такы, якъ е свое на чужыни, то й

допоможе пры нужди! Що жъ мени въ свити робыты, що немае въ Васъ Ныкона VIII кныгы? Купыты, кажете, іи не можна! А чы не знаете, що панъ Бередныковъ надрукуе у четвертому томи полного Собр. Русск. Лѣтописей? Чы ще сей томъ не выйшовъ! Лыхо та й годи нашому браччыку на одшыби одъ такого мисця, якъ Петербургъ, або Москва!—Сказанія современниковъ, издани Устряловымъ, маю, а Арцыбашова и Бутурлина прочытавъ бы зъ велыкою охотою, та не знаю, де взяты, а куповать для одного разу не хотилось бы, бо може воны й не дешеви. Чы не мае въ Васъ? то вже не полинуйтесь и не поскупитесь запомогты мене нымы на якый схочете часъ, та тутъ же скажете, чы скоро вертать Вамъ Палицына и о Мятежахъ. Колы скоро, то, покынувшы все, пороблю за разъ выпыскы та й одишлю. А Соловьева чытавъ я зъ велыкою увагою. Писля ёго може бъ нашому брату, чоловику простому, не годылось бы й мизковаты, та подумаешъ одно те, що це крытыка исторычна, а не история, а друге, що якый бы той панъ профессоръ ни розумный чоловикъ бувъ, а всёго не збагне: е де—що въ московській исторыи таке, що нашъ братъ Украинець инакше миркуе;—дакъ отъ и визьме охота, а клышъ, воспыснемъ словомъ нехытрымъ, та всякому розумнымъ, що зъ сёго буде! Хапацця мени ничого, бо за шыю не тече, та я такы й не вмію ничого робыть швыдко. Хочъ же бъ я й напысавъ цю историю скорійшъ, нижъ треба, то и то ій не завадыть. Нехай се буде пидмалёвокъ, а якъ знайдемо фарбы правдывійши, то й наложымо де подобае: тымъ часомъ око прывыкне сягаты ширше, дакъ де-що збагнешъ описля таке, що може бъ не прыйшло й на думку, прокладуючы зразу бытый шляхъ. А за Ваши побытки объ моій кнызци и за Вашу раду благую щыро Вамъ дякую. Якъ знаешъ, що е пидъ бокомъ чоловикъ зъ добрымъ до тебе духомъ, то й на души якось теплійше, и дило лучче спорыцця. Объ козацтви я такы чы маленьку ричъ розвивъ и звязкы ихъ зъ московськымы голодранцямы—бурсакамы познаходывъ и козацтво въ мене не послидня закарлючка въ цій мудрій та хымерній исторыи. А отъ якъ бы Вы булы добри та надислалы мени на часыну отту польску кныжку Дзялынського о Лисовчынахъ, тобъ ще лучче воно въ мене на картыни заграло. Тутъ уже безъ сорома казка: колы що можна, то допоможите мени, во имя того свиту, котрому служите и покланяетесь. А покы прыйде та осинь, то багацько ще можна пораобыты дила. Я жъ теперъ такъ любо соби кватыру спорядывъ, що

въ саду и днюю, мовъ цыганъ пидъ шатромъ сыжу та все чытаю та пышу,—такъ шкода таке дороге время упускаты. За 9 кныжку «Чтеній» велыке таке, якъ вона сама, спасыби. Ничого мовыты, огрядна такы пани! Заглянувъ я окомъ у неи разивъ изо тры: усе смашне тай дуже смашне, а що вже стыхы Кирѣевського, то истынно ласощи! До Срезневського направлю ще одного та вже презавзятого козарлюгу,—колы знаете—Петра Сердюка. (Объ московськыхъ же писняхъ дамъ Вамъ, бо бажаете, одповидь, якъ уси прочытаю). А ректоръ не знаю, чы визьмецця за Срезневського такъ цупко, якъ треба; бо винъ хочъ чоловикъ уже й куды якый добрый, та велыкый панъ, дакъ не потурбуе себе такъ, щобъ ажъ оффиціально прыструныты Срезневського; а хиба чы не визьме винъ ихъ у его соромомъ. Просытыму, щобъ пры всихъ поровъ ёму очы, покы не оддасть; та все такы скажу, що не знаю, якъ винъ за се визьмецця и чы визьмецця. Теперъ же якъ на те и часъ не гарный до сёго: люде мруть, дакъ ридко вси мижъ себе бачацця; а ще якъ порозлазяцця по дачахъ, то до осены мовъ жабы зъ болота ледве носы вытыкають. А на Сердюка певнійша надія: ось побачыте!

Вернадськый поиде въ Петербургъ, то настройте й его одъ мого имення, а я пысульку Вернадському посылаю для передачы тому господыну. Посылаю ще лыстокъ писень. Доставъ я ихъ ажъ у Варшави и ось тилькы теперъ воны мени впалы въ рукы писля того розруху, що поставывъ усе мое кныжныцтво ногамы до горы.

Чы не будете часомъ йихаты колы черезъ Тулу? То отъ якъ знайты мое шатро цыганське: треба иты або йихаты Новою Дворянскою вулыцею вгору трохы не до самого поля, та якъ дойдете до остатнёго перехрестя, то по ливу руку буде деревьяный въ два пъятра домъ, жовтый изъ билымы ставнямы, на рижку, а по ливу на рижку поганеньки будынкы чорномази, чы дыки, чы попелясти; за си будынкы за рижокъ повернуть управо и иты, або йихаты просто зъ пивъ-гоней; отъ на ливій руци першый домокъ—тры оконця зъ зеленымы виконнычкамы на вулыцю—моя кватыра. Домокъ деревьяный поганенькій, попелястый, надъ хвирткою напысано: Титул. Совѣтницы Параск. Ивановой. А улычка все такы зовецця—катъ іи знае зачимъ—Новодворяноька, якъ и іи сусидка—пани: мабудь родычи. Обіймаю Васъ щыро. П. Кулишъ.

31.

13 Іюля, 1848, Тула.

Ще разъ спасыби тоби, щырый порадныку мій, за твою пидмогу. Арцибашевъ пидоспивъ якъ разъ у саму робочу годыну. Якъ узявъ я ёго въ рукы та якъ заглянувъ, що воно е—бо зроду вперше цю кныжку й бачу,—такъ думавъ, що за таке густе та дрибне друковання выймай зъ кышени по малій мири жменю грошей. Отъ и полизъ до Лестрыку що колысь, спасыби тоби, мени надиславъ; якъ же зуздривъ, що за таке сокровыще тилькы тры рубли положено одъ Вашого шановного товарыства, то заразъ до гамана, та оце й посылаю тры рубли у сёму такы лысти,—оддай будь ласка,—та ще й подякуй свое высокоповажнее товарыство за таке добре дило, що й дешеве и сытне. А шановного, любязного мого дидуся, Аврама Палицына, и Лѣтопись о мятежахъ вертаю тоби, добродію мій мылый, изъ велыкою подякою та ще, щобъ то, якъ водыцця, оддать позыку зъ верхомъ, шлю тоби де-яки шпаркгалыкы, що повышкрибувавъ у своій скрыни. Може воны тоби й геть-то знадобяцця, не казавъ бы, якъ хозяину на всю губу.

Першый шпаркгалыкъ. Може выдавъ—де вже но выдаты? де-инде по Вкраини голеного запорозця намалёваного, що седя, пидобгавшы ногы, грае на кобзи та ще й промовляе. А що промовляе, те внызу й пидпысано. Ляхы зовуть ёго въ своихъ кныжкахъ *козакомъ Мамаемъ*. Есть коло Суботова, чы що, и дубъ *мамаивъ*, де винъ вишавъ ихъ браччыкивъ та жыдову. Було въ мене воно десь и запысано, та вже запамятавъ. Отъ же я колысь бувъ у Мошнахъ и знайшовъ тамъ сёго козарлюгу изъ такою пидпысью, що краща й просторнища одъ усихъ инипыхъ; та й саме малёвання вже старе дуже, що ажъ полупалось, дакъ тымъ-то я й не разибравъ одного слова на кинци— чы *головатый*, чы *борадатый*. Самъ уже домизкуесся,—мое дило тилькы зпысаты.

Другый шпаркгалыкъ. Колысь я бувъ зпизнавсь изъ запорозькымъ кошовымъ Гладкымъ и выпрохавъ у ёго де-яки звисткы про козацьке жытте пидъ туркомъ. Посылаю тоби ихъ. Де-що есть тутъ дуже цикаве: до того Миллера та Ригельмана воно й геть-то пидъ стать.

Третій шпаркгалыкъ—актъ про те, якъ дуже козацтво въ кости грало.

Четвертый шпаркгалыкъ—казка, запысаная въ Подольскій губерніи, цикава покыдька що до языка. Колы надрукуете, то благоволите прыпечататы: «списанная Евгеніемъ Малавскимъ». Буде радъ чоловичокъ. Воно жъ и то правда, що «достоинъ дилатель мзды своея.»

Четвертый шпаркгалыкъ—варыянтыки до писень.

Пятый шпаркгалыкъ—пошкрыбокъ изъ моихъ колышнихсь студій надъ весиллямы. Чы въ тебе бачъ пысана брошюрка о малороссійскыхъ свадьбахъ изъ письнямы, а пысавъ іи Стеблевській попыкъ? Колыбъ ще не въ того дуросвита Срезневського!

Шостый и сёдмый шпаркгалыкъ. Се вже такъ щось, я й самъ добре не знаю, на що воно треба кому.

Ще жъ е въ мене тоби, пане земляче, цяцька—козацькый леестръ 1741, чы що, року, та не въ мене, а ажъ у Петрозаводському. Якъ бухне винъ тоби на стилъ, дакъ знай, що це одъ мене гостынець. Друковаты ёго може й залышне, а що такъ держаты, дакъ и геть цикаво. Побачышъ, яки тамъ прызвыща: Мыкыта *Не-ижъ-сало!* Семенъ *Урвы-хвистъ*: що за кумедный народъ бувъ ци козакы! Отъ же тоби дарю сей леестръ на викы вишни, не съ тымъ, що «на тоби небоже, що мени негоже», а для того, що ты ёго збережешъ и до пуття доведешъ лучче одъ мене. Теперъ прошу одвитовать мени: якъ именно пысать у Вильну до кныгопродавця Завадського и що коштуе, и якъ зовецця кныжка Дзялынського про Лысовчыкивъ? Що коштуе Бутурлынъ? и чы не продаецця у розбывку, якъ Арцыбашевъ? Ище жъ будь ласкавъ перекынь мени экземпляръ украинськыхъ моихъ преданій, а колы нельзя, то хочъ одну *Орысю* зъ ныхъ. Жинка моя забажала ихъ, мабуть, на новыну; а зъ хаты никому не дамъ, будь певенъ. Ище жъ не все: ты, добродію, надруковавъ колысь Историю Галыцькои Руси, чи Червонои. А ке-лышъ сюды одну кныжку по-прыятельски да по-братерськи! История моя вже дойшла до шестя Отрепьева въ Сѣверню одъ Лытвы, и вже кныжка странычокъ изъ 200, якъ невелыкыхъ, а ще, може, буде два разы стильки до кинця.

О, буде мене шпыкгаты пидъ бокы ученый людъ! Та вже жъ нехай воны пышуть для такыхъ, якъ самы, а я для своеи ривни. Я бувъ хотивъ прыслаты тоби часточку на проглядъ, чы благословышъ такъ смилыво про исторычни речы глаголаты? Та не знаю, чы до того тоби! Тамъ може самому николы дыхаты. Дакъ чы не лучче пысаты та пысаты, якъ Богъславъ на розумъ, а трудящыхъ людей дурныцямы не турбовать? Бувай же здоровъ, шановный мій

земляче, а я покы жывъ. Зостаюсь у щырій прыязни твоимъ найпрыхыльнищымъ слугою.

Панько Кулишъ.

32.

Коханый мій пане Осыпъ Максымовычъ! Добре, що оце доля злучыла мене якось изъ тобою: одъ тебе, якъ чого треба, заразъ добъесся товку, а вже мени отыи столычни панычи! Сердюкъ мовчыть, якъ стина; може его нема й на столыци, а може й е, та збожеволивъ; а гарный бувъ колысь хлопець. А родычи мовчать и поготовъ. Я бъ тоби, добродію, ось що порадывъ. Напысать бы тоби до самого владителя тыхъ писень, що заграбывъ Срезневськый (бо найбильшъ его письни залягли въ того харцызякы), щобъ прыславъ тоби до друку историцьки письни,—колы то воны въ ёго опилилы у ту несчаслыву заверюху. Я бъ и самъ напысавъ до ёго, та боюсь, щобъ изновъ не попастысь у биду,—скажуть, що тутъ «не литература, а политыцьки каверзы», щобъ воны имъ пропалы—такъ мени хотилось у ныхъ плутацця! Ты жъ, яко чоловикъ чыстый якъ скло, пышы и просы, чого хочешъ,—колыбъ тилькы той панычъ зъ переляку не зарикся одвитоваты на всяки лысты. Да вже жъ не куды йшло пропысаты до ёго слово, чы други, отъ ёго й адресъ: «Никол. Ив. Костомарову, въ Ростовѣ». Колы не пропавъ его зборныкъ, то неможна, щобъ утерпивъ вінъ не послаты тоби, яки въ его знайдуцця, историцькыхъ писень, тылько напышы, якый у тебе скарбъ готовъ до друку, и тылько за не тымъ друкуешъ, що Срезневськый заграбывъ тыи письни, що выпысани зъ его, Костомарыного зборныка. Пышы жъ, пане земляче, до сёго панычя по-московськи, а то злякаеця та й замовкне. Ще лучче, колы одзовесся до ёго, яко Секретарь Общества Исторіи и Древностей на друкованому лысти за казенною печатью—тоди не буде жадного сумленыя.

Ни, пане добродію, Орыся моя була добре выправлена: не було въ іи такыхъ промахивъ, бо чы разъ же то чытавъ я іи прыятелямъ?

Историю свою я подилывъ на дви части, щобъ не однымъ духомъ напысаты, и оце перша часть нехай буде «История Борыса Годунова и Дымытрія Самозванця», а друга ще безъименна. Знаешъ, треба де що позбираты та розчовпаты перше, да тоди вже й за другу кныжку, а се нехай буде опытъ, чы годыцця такечкы пысать историю.

Днивъ черезъ пять и закончу. Плетневъ постараецця, шобъ тамъ у столыци пропустылы іи черезъ цензурне мытарство, да тоди вже треба думаты, якъ іи и на свитъ выпустыты. Покы жъ се буде, бувайте здоровы. Оце зождавшы недиль зо тры, хочу прохацця, чы не дозволять мени осисты въ ридному хутори коло мистечка Вороніжа. Плетневъ дае надію, що вже на цей разъ змылуюцця. Такъ оттамъ-зновъ може де знайду яку литопысь чы що до твоихъ «Чтеній», щобъ запобигты сіого счастлывого часу, покы ты редакторуешъ. Чы не чувавъ ты про Иллю Тымковського, що бувъ директоромъ у Новгородку? Кажуть, винъ колысь думавъ пысать исторыю Малороссіи и, будучы ревызоромъ архывивъ, повытягавъ звидты цилкомъ, що тылько похотивъ, та й державъ у себе, мовъ та собака на сини. Теперь чы не вмеръ лышъ старый кулакъ, а Турановка его звидты не далеко,—то отъ чы не одкопаемо мы нового колодезя до исторыи ридного краю? Такъ-то бачъ мизкую соби, якъ то тамъ весело буде мени проживаты на тій Украини, а якъ не дозволять, то й терны отутъ горе!

Кланяемось тоби зъ жинкою да просымо не забувать насъ середъ твоихъ хлопотъ лыторацькыхъ. Прыхыльный до послугъ.

Твій П. Кулѣшъ.

1848, Авг. 11. Тула.

33.

Выбачай, шановный мій прыятелю, що я такый на тебе звивъ поклинъ. Ни, бачу, шо ты отаманъ-характерныкъ голинный: свого дила не проспышъ и не програкаешъ! Це, бачъ, мени зъ велыкого жалю такъ у голови завернулось, що я шкоду свого чуры-пысарчука зложивъ на такого шыро-хороброго лыцарюгу! О, щобъ же іому тамъ на Вкраини галушкы та варенькы въ пельку не лизлы, якъ винъ оце удравъ мени таку швабу! Двійчы шваба: перше, що вийшла нисенитныця въ друку, а друге, що зневажывъ такъ необачне тебе, мій добродію, которого шаную и поважаю що найбильшъ у свити! Эге! та вже жъ нехай воно на сухый лисъ иде, а мы зъ тобою черезъ таку накость прыязни не одмитатымемо: чы правда?

Добре, дуже добре оце ты выметыковавъ, якъ выдрать зъ лапъ у того козолупа Срезневського нашы письни. Шлю тоби и свыдитель-

ство: нехай воно поре ему тыи собачы очы. Та вже, якъ выдерешъ, то будь ласка заразъ и мени посылай звистку, щобъ и я радовався.

А я саме оце зкончывъ свою працю, що роздилывъ на-двое. Воно жъ и по матеры дуже одно одъ другого ризныцця, хочъ друге у першому мае почынкы. Дай же Боже часъ добрый, колыбъ мени оця исторыя помогла умылосердыть столычныхъ паннвъ, щобъ довволылы й нашому брачыку держаты перо за ухомъ!

Жинка моя, спасыби ій, що напышу, то й перепыше; отъ воно мени й покволнійше,—и теперъ ще докончуе пысанье, та потимъ уже й пошлемо на столыцю.

Теперъ, мій щырый порадныку, спытаюсь я въ тебе ще про одне дило. Колысь було я прынюхуюсь до Одыссеи, чымъ воно пахне; ажъ воно пахне правдыво тымы гуторкамы, що отъ школы поведе старый дидъ изъ молодшымы чоловикамы, сыдючы на колодци въ свято, або коло лушныка, у довгы зимни ночи. Отъ не разъ спадало мени на думку, що то якъ бы взять оту Одыссею та й перелыцевать якъ небудь по-насьскы, або слово до слова росказаты нашою риччу? Та подумаю, подумаю такъ, та и занедбаю зновъ таку хить. А теперъ отъ прышлось мени сыдить безъ уряду, зложывшы рукы, чы не взяцця бъ до тыи праци? Тыльки треба де чымъ цупко до того запомогтысь. Якъ тоби здаецця?—Чы може ничого росхожуватысь? бо, якъ тамъ кажуть, се праця «неблагодарна», никому непотрибна!—Ге?

Оттаку тоби карлючку загнувшы, шлемо поклонъ разомъ зъ жинкою,—бувай здоровъ, счаслывъ, а мы тоби до послугъ на всякъ часъ готовы.

П. Кулишъ.

1848, Авг. 20. Тула.

35.

1848, ноября 6. Тула.

Дякуемо твоій ласци, шановный пане земляче, за новую кныжку «Чтеній». Сподивалысь знайты пры ій и пысульку твоей рукы, та мабудь тоби якъ кажуть, теперъ не до соли. И не одрывайсь такы одъ свого дила, якъ не мае пылкои потребы до насъ лыстоваты. Лучче нехай та хвыля пійде на пидмогу науци. Мы й такъ знаемо, що ты про насъ памятаешъ, якъ и мы про твою мылость.

Зъ «Исторыею» намъ не посчастыло: не можна друковать, бо погано зкомпонована. Самъ товарышъ министра іи чытавъ, да й

одвитовавъ тымъ велыкымъ гетманамъ, що не гарно напысана,—дакъ ничого таке й друковаты. Таке-то лыхо! Такъ оце вже треба знову брацця за граматку та вчытысь такъ компоноваты кныжкы, щобъ варты булы друку. Ты може спытаешъ: а що жъ цензура? Цензура—зкраю, вона ничого не знае; вона, бачъ, за мою кныжку й не прыймалась, бо, сказано, на що марне й часъ тратыты на такее пысання, що й друку не варте? Э!

Кланяемось твоій мылости обое. П. К.

Будь ласка, пошлы що найборзій хлопця зъ прыложеною тутъ пысулькою, щобъ того чоловичка захопыть ище въ Москви, бо винъ выйиздже.

39.

12 января, 1849 Тула.

Мени треба, шановный пане земляче, Нимецько-Русько-Французско-Англійскій словарь Рейфа. Велыке спасыби тоби за обицянку одтыскивъ. Сіогодни напысавъ я до своей господыни, щобъ не забула узяты ихъ у тебе. Та за тымъ же заходомъ будь ласка дасы мени прочытаты *Южною Руською Сборныка*, Метлынсьского, а я тоби верну іого укупи зъ Жуковсьского виршамы. Може тоби вже й треба Жуковськый, то напышы—заразъ и прышлю, колы жъ тоби ще не до соли буде довго, то нехай полежыть. Мы іого прочытаемо удруге зъ жинкою. Вона голубонька ще й доси не знае, чы вдіе що зъ тымы велыкымы панамы та гетманамы. А тутъ и тоби, кажешъ, прыпекають—горе та й тильки! Якъ зкончыцця твое дило, то будь ласка заразъ напышы, якъ ты у Москви зостаесся и що маешь чыныты? Велыка буде моя радисть, колы дадуть такы тоби яку-небудь пильгу; хочь же и ни, то не журысь дуже, бо журбою поля не перейдешь. Перемелецця, то й мука буде. На все е въ Бога ликы.

Прочытавъ я Одиссею и другу кныжку Жуковського. Гарно и Боже якъ-то гарно вміе той старый дидусь Гомеръ старовыну оповидаты! Велыке дило зробывъ, чы ще зробыть Жуковськый, перелыціовавшы іого речы по своіому, тильки, братику, не осуды мене, якъ скажу, що нисъ мій якись инши зилля чуе у тому Гомеровському вертогради. Не сподобывъ мене Господь изучыты грецькый языкъ,—чытавъ я Одиссею тильки по французькы, то мени здаецця, що треба бъ якось простишъ отцымъ Менелаямъ то-що розмовляты.

Може це такъ уже воно здаецця, а тилько якъ чытаешь, то наче луна йде не по гаяхъ, не по лугахъ, не по води, а по высокыхъ палатахъ, у якыхъ не жылы ще тыи голосномовныи люде. Якбы Жуковського ще разъ маты на свитъ породыла та вже не царськымъ захребетныкомъ, а пахаремъ або чумакомъ, до може бъ тоди Гомеръ заговорывъ до насъ власною мовою. А все такы величезне спасыби пану Жуковському за іого працю. Теперъ, пане земляче, навчы ты мене своеи писни: якъ тоби здаецця та Одиссея. Ты чытаешъ іи по грецькы, то тоби й патерыця у рукы: судъ твій буде правый. А мы, люде прости, тебе пысьменного послухаемо.

Мени давъ Бигъ радисть—дочку оддаю замижъ. Е въ мене у м. Воронижи хресныця, Оленка Вовкивна, дивчина така, що якъ погляне, то наче шовковою хусткою смашныи уста обитре. Бидна сыротына, выкохала іи недоля, а оце вже знайшла соби пару, дакъ я завтра посылаю батькивське благословенье. Тилько чогось на серденьку важко: знаешъ, яки въ насъ чоловикы на Вкраини. Колыбъ не прышлось и ій, голубонци, квылыты такъ, якъ у тихъ писняхъ, що само серце ихъ намъ проспивало, зъ тугы та печали разрываючысь. Що жъ-то якъ ридну дытыну кому прыведе Бигъ у чужу семъю оддататы? Якы й-то жаль тому отцю-матери!

Бувай же здоровъ, пане брате, та не забувай твого щырого до послиду годыны прыятеля.

П. Кулиша.

40.

Ничого вже й казаты тоби, батьку Осыпе Максымовычу, якъ мене оттой харцызяка Срезневськый преогорчывъ. Зъ серця пышу до всякого на столыцю про іого злодійство—нехай люде правдыви плюють на іого слиды; хочъ цимъ іого покараемо. Спасыби тоби, батьку, за ласкаве прывитанне моеи жинкы. Що то якъ бы намъ пощастыло перебратысь до тебе у ту Москву? отъ бы зайшла робота и языку, и серцю, й голови! Та отъ уже хутко буде намъ звистка зъ Петербурха. Радъ я, що вы соби обое зъ своею сестрыцею жывете веселенько; ажъ духъ мій радувавсь, слухаючы, якъ моя стара слебезувала мени про Вашу господу и про ваше мыле життя-пробування. Спасыби, мій голубе сызый, и за кныжки, которыми ты знову

мене нарадывъ. Счасте твое, що ты своимы працямы прыманывъ до себе и самого Гоголя: багацько може зробышъ ты намъ усимъ добра нашныговавшы його святою старосвитщыною нашою. Колы ласка, напышы, добродію, до мене, якъ тоби теперъ здаєсь той чудный та дывный козарлюга? Що винъ робыть, або мае робыты? чы не покынувъ на викы своей Украины?

Теперъ у мене велыкодны свята, то гуляю, не роблю ничого. Богу дяковать, пробуваю здоровый. Поклонысь, батьку, ныземько одъ моей жинкы Мареи Никитычни. На дыво вподобала ін моя пани! не нахвалыцця, що за предобра та премыла людына! Прощай та й насъ не забувай, а мы тебе й во сни бачымо. Жинка моя ныземько тоби кланяецця. П. Кулишъ.

1849, марта 16. Тула.

Метлынськый прыславъ мени свій Зборныкъ. Якъ тоби здалась *Наталя* Макаровського, а мене дакъ и за ухо одъ іи не одтягнешъ. Та се жъ, братику, сама чыста патока! отъ медови ричы! Отъ поважна та мыла мова! Пидперъ козакъ, ничого сказаты, нашу лытературу, нехай тамъ ему у ротъ сунуцця самы вареныки зъ сметаною! *Неволя* чи Гарасько уже зусимъ не те, та спасыби й за *Наталю*.

Сердюкъ пойихавъ у Дерптъ за кандыдатствомъ. Колыбъ ще Бигъ до-помигъ оцiому бидаси выбрацця зъ калюжы та поставыты свою мажу на суси, коло шынкаркы Маруси!

46.

1 Декабря, 1849. Тула.

Отъ, братику, що вже й на лысты увирвалась нашому брату ныттка. Сюды хипъ, туды хипъ, але у кышени бряжчыть не дуже-то. Э, пекъ його матери! такъ лучче жъ нехай та грывняка пиде на силь, нижъ на те, щобъ зповистыты якого козарлюгу, що отъ знай, що мени весело, або скушно. Колы козакъ друзяка, до не забуде винъ побратыма й безъ лыстивъ, а ледачого й ланцюгомъ до себе не прыкуешъ. Отъ изъ цій-то, братику, рахубы годи вже я лыстоватысь до тебе що мисяця, а колы не лучыцця ничого особлывого, то вже одберешъ одъ мене лыстъ ажъ у тры мисяци разъ. Отъ до чого довелы злыдни козака!

Тыжъ, братику, не мизкуй соби, що це я або сумую, або увесь свитъ изъ нудьгы остывъ мени. Э, бороны, Боже! И вчора Кулишъ и сіогодни Кулишъ; не перестане винъ кохаты до вику, кого укохавъ разъ щырымъ серцемъ, и хочъ бы рокивъ двадцять не бачывся й не лыстовавсь изъ тобою, то й на волосынку не зминыть винъ своеи до тебе прыхылносты. Прощай же, братику ридный, на тры мисяци. Колы-жъ трапыцця тоби або кватеру переминыты, або зъ Москвы куды зъихаты, то будь ласка зповисты мене, щобъ я знавъ, де ты въ Господа обертаессе. Тежъ саме чынытыму й я. Теперъ же я й моя жинка живемо, якъ Богъ намъ повеливъ, отъ у сій навысній Тули, учымось де чого по трошку седючы дома та й ни про що не дбаемо. Добре й такечкы жыты на свити. За все про все дякуемо Господеви мылосердному!

Вамъ же обомъ нызенько кланяемось. П. К.

57.

Шановный Добродію

Осипе Максымовычу!

Про твого брата я пославъ лыстъ у Полтаву заразъ, скоро прочитавъ твою суплику, та не знаю, чомъ одвитовання немае. Оце надбавъ трохы усякои старовыны, та вже, якъ у тебе скрыня іи добра и ты въ насъ певный старовынный господарь, дакъ прымы й це докупы—може кому знадобыцця. Я жъ, Богу дяка, живъ и здоровъ изъ своимы паніями и панночкою,—тильки дуже жалкую, что грецька мова не дуже мени втямковуецця; а чомъ? Эге, бо треба грошы зарobляты, а то пропаду з голоду колысь и зъ грецькою мовою. Такъ, пане брате; не гань мене й не сылуй. Я й самъ чоловикъ щирый, та трудно, кажуть, праты противъ рожна. Одъ пана Ивана Ханенка довидаесся де про що з моихъ оккупацій. Бувай же здоровъ тай насъ не забувай своимъ словомъ.

До послугъ щырый землякъ П. Кулишъ.

Р. Б. 1852, февр. 18 С.-Петербургъ.

64.

С.-Петерб. 1852, ноября 14.

О, щобъ васъ та бодай васъ! Я думавъ, що вы вже давно одпровадылы посылку, та й мовчу, а теперь на ката моимъ паніямъ

муфты и мантыліи, колы воны самы идуть у муфту? Я напысавъ нимъ, щобъ не дожыдалысь, и попрохалы продать ци вытребеньки охочымъ. До Васъ воны будуть може черезъ пивтора тыжня, а може й черезъ два, бо воны до сіого торгу й пишкы, сыричъ до Блатенська.

Эге, нашъ землякъ Макаренко (якый винъ у биса Макаровъ?) пишовъ у гору, такъ що тилькы дывысся та подцмокуешь.

Оце въ середу запрохавъ винъ мене зъ собею до тихъ панивъ, що зовуть журналыстамы,—бачте чытаты, якъ тамъ кажуть, романъ іого. Добре, думаю, побачымъ чы почуемъ, що тамъ за розумни люде, и що винъ тамъ зкомпоновавъ, и що казатымуть іому премудри головы. Отъ свыточкы попадивалы и пишлы. Чорты бъ убылы ихъ батька, якъ ци пъявкы пысьменного люду пышно живутъ! Одынъ дзыглыкъ у іого—такъ нашому брату була бъ кватыра. Лежачы хлибъ заробляють. «Де жъ тыи бидолахы туляцця—подумавъ я—що понавыроблювалы имъ оцихъ лампъ, оцихъ мармуровыхъ куколъ, оцихъ кылымивъ? Може въ иншого у кисткахъ ломыть одъ холоду та сыросты, а винъ пославъ черезъ усю хату цимъ господарамъ зелене сукно: самому бъ такъ на жупанъ згодылось, а воны ногамы топчуть».—Ну, дарма, колы вже така въ ихъ хисть, нехай соби панують. Отъ и почавъ нашъ Макаренко чытаты имъ свою кныжку. Та й мудра жъ кныжка! Де винъ и чувъ, видъ кого винъ довидавсь про таку стародавню старовыну? Наче про ридного батька, такъ винъ росказуе оттамъ про якого небудь лыцаря або гультяя, що вже й кисточокъ іого доси не зосталось у могыли. Гарно, такы такъ гарно, що и самы тыи ледакторы облызуюцця, та не диждавшысь и кинця, заразъ и почалы зъ нымъ торгувацця, наче за вивцю, або за шкапу. Винъ имъ—поглянувшы на ти препышныи уборы—и каже: що жъ панове? тутъ ничого таицця, та й самы вы здорови знаете, що намъ хто бильше дасть, зъ тымъ мы и сваты. Колы хочете, щобъ я не оддавъ свого компонования К-му, такъ давайте по 60 рубливъ. Воны ажъ затряслысь. «Голубчыку, кажуть, хыбажъ не знаешъ, якыи теперъ часы? и намъ иноди доводыцця бидоваты, якъ прыдецця даромъ за друкъ платыты». Та давай клястысь, що прытьмомъ не можно, а колы хочете, кажуть, то по 50 р. Ну, знаете, яка поквола душа въ нашого земляка: заразъ и згодывся, та ще впрохалы іого и ту повисть, що пидъ ладъ до першыхъ буде напысана, имъ оддать, а тамъ, якъ Богъ поможе журналови, то може й кращчу плату дадуть, щобъ не пустыть до того К-го. Не люблять воны іого,

а винъ добре прыслужуецця нашому землякови; якъ бы не було іого пидъ бокомъ, такъ воны бъ и губу закопылылы. Такъ отъ вамъ и лытературны новынкы. Оце 1-го декабря вже й выйде початокъ Макаренкового компонованння. Скоро винъ буде у Васъ у Москви. Я прохавъ іого и до Васъ зазырнуты, щобъ вы зналы, що то за Макаренко, а винъ щобъ знавъ, що то за Исько Матерынка.

Я жъ оце вже зновъ почынаю служыты у мыныстерстви, щобъ землякы и мене узывалы паномъ. Може такы й мени якый чынокъ прыбавлять—усе такы повыщчаю, що якъ вернусь на Вкраину, то може де на весилли й вышче головы, або волосного пысаря посадять.

Бувайте жъ здоровы та й насъ не забувайте. А про рудого Панька Мак. напысавъ, та врядъ чы дозволять тутъ у насъ, бо кажуть—годи вже вамъ балакать про того нависного пасичныка.

До послугъ готовый землякъ П. К.

Адресъ: такъ и пышите, якъ напысано, покы зповищу.

65.

Р. Б. 1853, февраля 3 дня.

Та годи вже! нехай іому цуръ тому кожухови! Що зъ воза впало, те пропало. То жъ изъ воза, а це зъ огненной колесныци. Кажуть паніи, що прытьмомъ усе имъ подано до рукъ, опричъ кожуха: салопчыкы не звязаны ничымъ, а дви подушкы звязаны тоненькымъ ремінцемъ, а пояса ніякого воны не бачылы. Мабуть уже тамъ така кумедія не новына, выдно кожухъ кынулы у комирку, а чого имъ не треба, те й подалы. Эге! Цуръ же іому: намъ и безъ кожуха, слава Богу, тепло. Купылы мы соби оце недавно гусли, що зовуть рояле мъ, та се у такого майстра, що й сказаты страшно,—ажъ у самисинького Вырта. Эге! а чомъ же и намъ не поставыть у себе такыхъ гусливъ, якъ у велыкыхъ панивъ? Зуміемо й мы на нихъ играты. Тилькн не лякайсь, добродію земляче! Ты вже думаешъ може, що якъ у Вырта, то заплатылы цилковыхъ 500 або 600. Ни, мы выбралы соби уже обиграны, чы якъ тамъ кажуть подержаны гусельκы, та ще попрохалы такого мыстця торговацця, що нимець жався, жався та й оддавъ за 300 карбованцивъ. А воны такъ же густымуть, якъ шесты-сотни. А гарныи въ насъ е писни на нотахъ. Тыи, що я въ тебе, добродію, узявъ, забрако-

вавъ нашъ музыка Артемовськый; каже, що нависный той Марковычъ не знать чого надряпавъ. А самъ винъ, цей музыка, зкомпоновавъ дуже гарныхъ штучокъ зъ пивдесятка, такъ серце й пидмываютъ и пидмываютъ. Разъ заграе и заспивае, то здаецця пишовъ бы навпрысядкы; а потимъ такъ заголосыть, що й запорожецъ понурыцця. Напышы, будь ласка, де теперъ тыи панночкы Оксакивны, може бъ я имъ де що переславъ: нехай бы взналы правдыву нашу мелодію, незаправлену нимецькымъ хмелемъ. А тому жвавому панычеви Оксаку хотилось бы перекинуты кныжечку на незабудь. Такъ роспытай, колы твоя ласка, та дождавшысь слободного, часу, й пысны.—Ну, отъ тоби й про рудого Панька надруковано у другій кнызци От. Зап. Прочытай за однымъ заходомъ и кинецъ Однорога мого прыятеля та й скажешъ, чы гарно, чы може покепкуешъ. Ты въ насъ пысьменный чоловикъ на всю губу,—тоби й кныжкы въ рукы. Та не дуже кепкуй, бо тутъ багацько де чого не мае, що було напысано въ того козарлюгы, а де що й не такъ, якъ у нього було. А що, чы москалямъ по нутру оповиданне про ихъ старовыну, чы може кажутъ: Колы не пипъ, такъ не вбырайсь и въ рызы, балакай про своихъ запорозцивъ, а мы й самы про своихъ предкивъ роскажемъ? А якъ бы наше пишло въ ладъ, то Макаренко ще напысавъ бы дви такы казкы про ту жъ старовыну; тоди, каже, воно буде дило съ кинцемъ. А се винъ тильки такъ, якъ той Квитчынъ малярь, що выставывъ на ярманьци салдацькый патретъ та й прытаивсь, що казатымутъ мыряне.

Паніи наши здоровеньки й веселеньки; кланяюцця Вамъ обомъ укупи зо мною нызенько. Прощайте та й не забувайте. Ноты, лыстокъ газеты и воротнычокъ прышлю по почти. Щось нашъ братъ не дуже хапаецця до дому. Колы не тисно Вамъ изъ саньмы, то ще подержите. Мы шукаемо оказіи, щобъ хто взявъ та довизъ до Борзны, колы жъ тисно, то попродайте, якъ самы знаете. У прыязни щырый землякъ. П. К.

75.

«Бувъ у Тули та и въ дули», добре мовлявъ есы, мій добродію. Скоро прыйихалы мы у сю Тулу, заразъ вона й нагодовала насъ дулямы. Одно: не засталы въ господи господаря, а друге: тарантасъ нашъ стоить наче облуплена шкапа. «Буде каже, готовъ черезъ

тыждень», та мабудь изновъ готуе дулю вразькій Тулякъ! А що нема въ господи пана, то сёму самъ я выненъ: треба було мени заразъ пысать до ёго изъ Москвы у Тулу, а я, напысавшы зъ Блатенська на село, и бай-дуже про те, що винъ може чекае насъ у городи. Теперь же винъ пойихавъ на якесь тамъ слидствые, а вернецця «може» черезъ днивъ пъять. Шкода й часъ тратыты. Знайшлы мы у того жъ песького сына каретныка гарну брычку, тильки трошкы неготову, та може купымъ та й почымчыкуемъ на Вкраину. А все такы днивъ зо тры чы й билшъ треба тутечкы загаяцця. Навидаемось до земляка, що жыве коло Рогожаной крыныци. Бацця пысавъ я колысь до тебе, шановный друже, про сёго земляка. Нудячы свитомъ у сій Тули, було мы съ жинкою пійдемъ та й блукаемо зъ пивъ дня по за околыцямы. Отъ разъ прышлы до гарнои церковкы, що стоить на одшыби сама соби середъ поля, помижъ селамы и гаямы. Коло церковкы тилькы хатына, а трошкы оддаликъ—попова оселя незагорожена, не пышна, тилькы въ іи й роскошы, що зелени лыпы кругомъ. Напывшысь у крыныци воды, идемо мы до церкви—ажъ гулькъ: назустричъ нашъ землякъ, та такы заразъ по нашому й заговорывъ. Роспыталысь мы зъ нымъ и познакомылысь. Служывъ колысь у москаляхъ, а теперь дожива вику сторожемъ коло церкви и панамаремъ. Часто було мы ходымъ до ёго на одвидыны; иноди полуднуемо въ ёго малопросолни огиркы, а потимъ рвемъ дыки квиткы коло ёго на цвынтари. Нигде стильки не росте округы Тулы квитокъ, якъ на тихъ могылкахъ коло земляка. Любо було намъ до ёго навидувацця. Все було сердега сумое, що не зоставсь у свойому краи. Жинка въ ёго, бачыте московка, такъ вона ёго й заманыла у Тулу. Тутъ іи сынокъ изъ почтаривъ выслуживсь у офыцеры; такъ вона то думала, що винъ ихъ пры старосты прыголубыть, а той поганый цуцыкъ якъ дождавсь власного лову, дакъ про матиръ и байдуже. Оце жъ мы що йидемо черезъ Тулу, то до земляка й навидаемось. Та й радъ же намъ дидусь! наче добрымъ родычамъ. Отъ и теперъ вечиркомъ до ёго зазырнемъ: що то винъ тамъ бидолаха робыть. Може вже й надъ нымъ буяють дыкы квиткы середъ могылокъ. Не дай Боже на чужыни вмерты!

Бувайте жъ здоровеньки та й насъ не забувайте. Мени ажъ и доси якось не по соби, що мы въ васъ накоилы калыбурды. Наче військови постоемъ стоялы. Довго треба буде вамъ порацця, щобъ усе знову зробыть якъ скло.

Не осудите, Бога рады: мени здавалось, що воно не такъ буде хлопотно для Васъ. Цуръ ёму сёму звычаю—завертать до прыятеля. Теперъ уже, якъ трапыцця произдждаты, то лучче до Шевалды; ажъ мій друже коханый, не зупыняй и не жалкуй: побачышъ, що вси будуть уконтентовани. А грошы тутъ не Богъ знае яки. Кланяемось Вамъ обомъ уси нызенько.

Щирый до услугъ землякъ П. К.

1853, іюля 2 Тула.

Ще одну кныжку знайшовъ: Notices and Anecdotes illustrative of the Incidents characters and scenery described in the Novels of W. Scott, in 8—o, 3 fr. 50 c. Може се та сама, що я запысавъ у Москви. Колыжъ не та, то знайды, будь ласка добродію, и вышлы або выпыши.—Пани моя, опричъ мене, особо дякуе твоій, пане земляче, сестрыци за іи ввичлывость и добристь. Зовсимъ, каже, наша землячка украинка.

76.

Отъ мы й дома, пане земляче! Та й не хутко жъ мы дочвалалы. А чомъ? Бо въ насъ на Вкраини жидова и доси орудуе де чимъ. Якъ отдавалысь на 12 рикъ станціи, такъ вона й перехопыла у панивъ, згодывшысь на саму дешеву цину; теперъ же держыть таки мызерни шкапы, що одъ витру валяюцця. У Кролевци мы простоялы якъ разъ 10 годынъ. Ну, та слава Богу, вернулысь до дому живы й здоровы. Любо повива витерець изъ саду у наши викна. Сонце сяе, дерево мае лыстемъ передъ самымъ моимъ столомъ; а у Блатенську де сёго взяты? Хвала тоби, Господы, що вынисъ мене живого й цилого изъ тыеи болотнёи цивилизаціи. Лучче тутъ носыть свытку, нижъ тамъ жупанъ. Теперъ оце разбыраю свои кныжкы та струментъ, а трохы одпочивши и налагодывшись прымусь за роботу.

Нилолай Даныловичь не дождавсь насъ та й чкурнувъ за дитьмы до Харкова. Карета цилисинька, и наша коляска, хочъ мы на-

валылы на сю увесь той грузъ, що складавъ Андрій на поштовый возокъ.

Бувайте обое здоровенькы та колы що, то пышите до насъ, а що вже я, то колы що трапыцця для Васъ цикаве зъ кныжокъ або що заразъ зповищу. П. К.

1853, іюня 18. Мотронивка, коло Борзны.

А що тыи паныч зъ журналомъ? Дзусъ?

Колы е у Арльта або въ кого другого кныжка: Dictionnaire gènerale anglais-français et fr.-angl. par *A. Spiers*, то купите, колы жъ нема, то нехай Арльтъ выпыше. Мени треба тильки anglais-français, а français-anglais зовсимъ не треба; та колы воны продаюцця укупи, то ничого робыты. «Кобыла за диломъ, а лоша безъ дила». Тильки зъ лошаты выросте кинь, а съ того français-anglais чортъ маты-ме ничого.

Може вже выдумалы Аглычане якій иншый кращый лексиконъ, анижъ Спирса, такъ, посовитувавшысь, и купите. Мени-то, бачте, треба не слова, а термыны по всимъ наукамъ. Знаю, що е такый словаръ, объясненный по англійски жъ, та не знаю, якъ винъ прозываецця. Будь-ласка, роспытайте у знаючыхъ людей, яке изданіе новійшъ и краще, та й звелить Арльтови выпысать. Хочъ бы рублывъ и 10 коштовало, заплачу. Тилько не энциклопедію, а таки объяснительный словаръ по разнымъ наукамъ и ремесламъ. Е, именно е такый у тыхъ англычанъ.

86.

Тула 1854, февр. 10.

Оце жъ мы вже йимо й дули, шановный пане земляче. Прыйихалы сюды ще вчора, въ першій годыни. Добра була дорога; колы бъ така й до самого дому! а все рады, що добралысь до оддыху. Що за людына мыла оцей Гусъ! Серце радуецця, дывлячысь на іого жыття. Завтра йидемо дальшъ.

Подывывсь я тутъ на Мертвы Душы, та ажъ потылыцю почухавъ. Щобъ іого злыдни пысалы того пысаря! Самъ накрундіовавъ (?) хапаючысь, $2^3/_4$ аркушивъ, а $4^1/_4$ давъ перепысаты якомусь дурневи, що пыше буйнишъ та ще не тямыть и правопысаныя, а все тилько мѣня (це бъ то мене). Колы можно, то кыньте тому дурневи за тыи аркушы грошы, та нехай вашъ пысаръ перепыше усе одныею рукою, та нехай не розганяе стричокъ, такъ що на стрици тольки по два слова, а гарненько перепыше. Того рукопысь кинчаецця словамы: «и потомъ, минуту подумавши, спросилъ себя внутренно, точно ли бы теперь умнѣй распорядился? И. махнувши рукой, прибавилъ».

То за однымъ заходомъ нехай перепыше й Гостраныцю, та й посылайте хутенько, бо далеби вже давно хочецця покуштуваты тыхъ паньскыхъ ласощивъ.

Дякуемо жъ Вамъ, добродію, за всю вашу ласку. Просымо насъ не забуваты лыстовне, а мы до Васъ разъ по разъ верстатымемъ мысленную дорогу.

Гусько Вамъ нызенько кланяецця кгекгечучы.

Вашъ П. К.

87.

Февр. 25, 1854 Мотроновка.

Шукавъ шукавъ я своихъ кунштыкивъ, що колысь поробывъ изъ тыхъ кобзаривъ та дидывъ, що росказувалы мени про давню старовыну—нема! Знайшовъ ось одного тильки прудыуса да й то вже на картони. Посылаю жъ хочъ сіого—нехай винъ розважае тебе, мій любый прыятелю, на чужыни. А то постривай лышъ, ось прыде лито, мы тоби намалюемо де що зъ натуры, колы ты до сіого охочый.

А що жъ се, братику, немае одъ тебе посылочкы зъ паньковыцыною? Та ще, будь ласка, не забудь выпысаты изъ Тыхонравовськой кныжкы зъ якогось лысту щось таке про Панька, що не знайшлы тоди мы зъ тобою. И колы чого добувъ для мене, то хутенько, братику, й высылай, бо *нехай*—лыхый чоловикъ, и духъ мій іого не терпыть.

Мы, слава Богу, жывы и здоровы; де що пороблюемо, майструемо, а билшъ оддыхаемо писля тый городськой праци. Тутъ иншы зайшлы труды. Оце взявъ до верстака хлопця—неука та и учу сто-

лярськой наукы, щобъ було кому майстровать, якъ доведецця хату опатруваты у тому Зарози надъ Оржыцею. А тутъ розжылысь на тройко коненятъ, такъ треба объиждждаты, бо ще не ходылы у запрязци. А тамъ у саду зайци обгрызають дерево—такъ часомъ підемъ изъ рушныцею, чы не застукаемъ которого на гарячому вчынку, Та де що зъ свого давніого выправляю, щобъ уже хочъ и сывому чоловикови доведецця взяты у рукы, такъ щобъ не зганывъ. Треба, брате, щобъ ричъ була тверева у такому пысьми, якъ про ти давни. кривавы рокы. Тутъ ничого не визьмешъ солодкымы словцямы та выкрутасамы. Хотилось бы такъ, щобъ що лыстокъ, то й зерно, щобъ не було половы або пустоцвиту. Оце жъ усе чытаю своимъ та й прыслухуюсь самъ наче чужымъ ухомъ, та описля, вернувшысь у свою келыю, и выправляю, не жалуючы ничого. Се вже, може, чы не послидняя буде праця. Перепышу та и нехай лежыть для ненарожденныхъ.

Любо, братику, пожыты дома на воли, безъ тыи городськой докукы, безъ тыи неустанной праци на спихъ,—пожыты зъ самымъ собою, огледыцця трохы на свое хозяйствечко, довесты де що до ладу, а тымъ часомъ и одпочыты тиломъ и душею! Оце жъ такъ я провождаю свій часъ оттутъ у хутори, де нема й чуткы ни про ту навиженну Рашель, ни про тыи гаспыдськіи столы, ни про тыи учены змагання друкомъ и словамы. Ажъ дыхаты легко!

Ну, а ты жъ якъ ся маешъ, якъ жывешъ? Чы бачывсь изъ паномъ Мыхайломъ! Обицявсь я заглянуты ще разъ до іого у господу та й не поспишывсь. Ты знаешъ, чы змигъ бы я и сее и онее. Оправды мене якъ знаешъ—нехай не гнивыцця мій любый добродій. Хотивъ я напысаты до іого лыстъ, та й не знаю якою мовою и якымы словамы. Може буде й не въ ладъ, якъ разбалакаюсь дуже шыроко. Такъ оце погадаю—погадаю тай мовчу. А що вже й казаты, якъ бы хотилось ублажыты сіого шановного дидуся риднымъ словомъ.

Тымъ часомъ бувай здоровъ, любый земляченьку, да не забувай твого щыропрыхыльного. П. К.

90.

Мотроновка окт. 4, 1854

Надобно сознаться, мой добрый и почтенный другъ Осипъ Максимовичъ, что я хохолъ не лучше всѣхъ хохловъ, и зъ Нехаемъ

полыгавсь, наче той жидъ изъ чортомъ. Нехай та нехай, ажъ гулькъ— и зима: треба якось буде ввичи дывытысь. Та вже жъ, не въ сирка позычать, треба одвичаты власными.

Правда, й клопоту мени було багацько—овва скильки! Вертивсь я у своему хутори мовъ ракъ на огни и ледве, ледве насылу та на превелыку сылу окукôбывъ iого такъ, що зимою не замерзнешъ, а литомъ не спечеся. А тутъ гости: теща, Ригельманъ (сусидъ же бачъ прыйихавъ, треба и до iого черезъ поригъ плюнуты), а дали Жемчужниковъ. Цей хлопець и геть-то у мене загаявсь, и хочъ дуже мени дещо поперебывавъ, ну, да вже жъ хôчъ не дурно: тамъ таке втишне та цикаве враже москалча, що й роботу усяку забудешъ. Ото «пойидемъ у Пилтаву». Пойидьмо. Налагодылы брычечку, дойихали до Лубень — «погано въ брыцци: пойидьмо такъ на перекладнiй».—Та Бигъ зъ тобою! Якъ же такы мыни пидкыдацця на тiй чертопхайци мовъ той кгуздыкъ-офыцеръ!—Ни такы! Якъ почавъ, якъ почавъ,— мусывъ я старистю бовтацця мовъ те барыло на вози до самисинькой Полтавы, ще й назадъ. Не знаю вже, чы багацько теперъ у мене въ жывоти чого зосталось, чы все выбовтавъ; а почуваюсь такъ, що кат-мае ничого, опричъ свижого?.... Отожъ мы знайшлы и Яновщыну, про котору по набрихувавъ той Данылевськый нисенитныци. Стара Гоголыха и iи дочкы прелюбезни люде. Такъ насъ прыголубылы, якъ родычивъ, и яки тилько булы шпаркгалы (зъ чимодана зъ нимеччины и письмо до сестры до Ганны), усе намъ—нате, батечкы, що хотя робить соби. Ще й бильше обищали, якъ побачусь изъ ихъ небожамъ у Москви. Воно бо тамъ служыты-ме. И небожа (Трутовськый) гарный хлопчыкъ. На Пилтаву я тилькы подывывсь тай годи. До твого двоюродного не заходывъ: утомывсь писля того бовтання и радъ бувъ одпочынку. А про Гнидыча нихто ничого не тямыть. Бувъ соби якъ уси хлопята—отъ и все. Бачывъ хатыну Котляревського. Одынъ непевный намалюе iи для мене. А де шведъ полигъ головою, ничого того недоглядавсь: не було часу. Вернувшись до хутора, зновъ працювавъ надъ садовыною, а дали—пойиду хочъ трохы одпочыну на хутори въ тещи. Такъ и тутъ же бо ни. Лыстивъ таку гыбель понасылалы, що оце ни якъ не одпышусь (Плетневъ, або лучче Макаровъ прыславъ 40 лыстивъ покойнаго Панька. Друзяка мiй Макаровъ усе вже поперепысувавъ власноручне—нехай iому Господь оддячыть!) Пыше старый Оксакъ, що пославъ у Лубни посылку, а тамъ я прохавъ на пошти, щобъ звертали до тебе, бо

думамъ швыдко опынытысь у Москви. Теперъ же бачу, що до зимы треба зачекаты тутечкы, щобъ не кыдать жинку на чужи рукы. Такъ будь ласка, колы тее, такъ посылай боржій у Борзну на мое имъя, бо теперъ саме зализо разогрилось и куеццяя. Про писни выбачай: де жъ мени шукаты кращого издателя, колы кращи чекають кращого часу? А чы хутко той часъ настане? Може не за насъ! Отъ и теперъ я знову назбыравъ думъ зъ пивдесятка (про Голоту—цяця й тильки, те що надруковано у Максимовича и у Метлинскаго—тильки маленьки урывочки) хтожъ ихъ надрукуе? Нехай хочъ цыганъ—я й цыганови оддамъ. Ще де про що зъ тобою побалакать, та нехай уже якъ побачымось. Пойиду до Оксака, злагожа дещо, та тоди може зазимую у Москви (колыбъ мени таку кватерку, щобъ изъ дзыглыкамы, щобъ тый дурныцы не куповаты--хочъ бы дви хатыны. Може прочуешъ, то будь ласка—напышы до Оксака «для передачы», бо до столыци не хочецця швендяты. Кланяемось обомъ обое.

Твій П. К.

97.

Посылаю Вамъ, Добродію, проповиди да й боюсь, щобъ не сказалы: Колы не пипъ, то не вбирайсь и въ ризы. Ще й того не знаю, чы вподобалы Вы мою кныжку про южну Русь. Такъ николы, що прытьмомъ погибаю, и лысту николы напысать до пріятеля: хутко вже вси одцураюцця за мою неввичлывость. Не цурайтесь же хоть Вы мене, добродію, а николы пыснить таки про себе, що зъ Вамы діетця. Разивъ по пять на тыждень йиждж съ поклонамы, щобъ дозволылы Чорну Раду на свитъ появыты и чого вже зъ нею не було? Була вона и въ злодіяка Срезневськаго въ рукахъ, да насылу вырятовавъ. Теперъ уже певне обищаютъ пропустыть, да ще Богъ знае: казавъ панъ—кожухъ дамъ, да й панськe слово тепле! Кланяютця Вамъ землячки. Адресъ: у Литовского рынка, въ д. Вагенгейма кв. № 8.

Щиро прыхильный землякъ П. Кулишъ.

1856, ноября 25.

98.

Шановный земляче

Осыпе Максимовычу!

Потурбуйтесь, будте ласкави, да знайдить у себе мою рукопись *Искатели счастья* и вручить подателю сіи суплики.

Щиро прыхильный Вашъ землякъ П. Кулишъ.

1856, ноября 58.

99.

Шановный земляче

Осипе Максимовичу!

Пысавъ я до велыкихъ панивъ у Києвъ, щобъ помоглы Вамъ выпустыть Дила Колл. Архива. Одвитують, що воны бъ сёго бажалы, да зъ Бодянськимъ—кажуть—трудно вести дило, бо винъ—кажуть—трохи соби крутенькій, и просять мене переговорыть изъ Вамы. Напишыте не гаявшись до мене, скилько Вамъ треба на се дило грошей и на якихъ кондиціяхъ. Такъ якъ мое дило сторона, то мени зручнійшъ изъ панамы переговарюваты.

Щиро прыхильный землякъ

П. Кулішъ.

1857, февр. 12, С.-Петерб. У Литовскаго рынка, д. Вагенгейма, кв. № 8.

101.

Ну, нехай же воно такъ буде, якъ есть. Колы такъ, то й такъ. А все таки не довидавсь я одъ Васъ, скилько треба грошей на выпускъ дилъ Колл. Архива и на якихъ условіяхъ. Хоть бы знавъ я, то й то бъ мени було легше.

Будьте ласкови, або спалить той лыстъ, на который одвитовалы, або замажте отте *серденько*, бо то зовсимъ не до Васъ напысано. То моя пани напысала до мене, що—каже—ты марне працюешь надъ Гоголемъ, здоровье вбываешъ, часъ тратышъ, а якъ порахуешъ, скилько перевивъ грошей на перепыски, пересылки, перейизды, да, скилько бъ заробывъ своимъ особнымъ диломъ, поки ёго надрукуешъ то й побачишъ що марне труждався. А я ій одвитую: «Пидожды, серденько, кинця—побачишъ». А тутъ до Васъ лыстъ лежавъ—отъ я и вдравъ—батькови заполочи на рукава, а матери кресево да тютюну. Сміявсь я, прочитавши Вашу одповидь—трохи не пропавъ отъ реготу. Хапаючись швидко дило зробыть, не перечитую листывъ, що пыщу. Може й не одному вже удравъ до завиті! Не здывуйте, Добродію, да замажте тіи слова.

Бувайте жъ здоровы да й насъ не забувайте

Щиро прыхильный землякъ

П. Кулішъ.

1857, березозоля 7. С.-Петерб.

102.

Посылаю Вамъ, шановный земляче — Осипе Максимовичу, через Базунова 4 тома Гоголя, а два получите отъ ёго жъ, якъ выйдуть изъ цензуры.

Мени треба изъ моіхъ Украинськихъ преданій статью о Чуприни и Чортоуси, а въ мене тутъ іи нема, а десь захована на Вкраини прышлить будь ласка!

Получивъ я одъ Квитки довиренность напечатать по нашому Основяненкови повисти и Комедіи, а тутъ достать Козиръ-Дивки и Комедій ниде. То чи не прыслалы бъ Вы, Добродію, для сёго случаю своихъ кныжокъ, назначивши имъ цину, а соби бъ купылы. Да ще якъ бы й те, що въ Молодыку, бо въ мене есть тилько та кныжка Молодыка, въ которій Перекоты-Поле, а Сердечной Оксаны и прочого немае.

Печатаю повисть про Бориса Годунова и Димитрія Самозванця.

Литургія Гоголя пропущена; оце вже друковатыму.

А за границю мі-якъ не выберусь! Костомаровъ пойихавъ через Стокгольмъ да через озера. Бувъ у Васъ, да Вы десь выгулювались на дачи.

Бувайте здорови!

Щиро прихильный землякъ

П. Кулішъ.

Колы чого нельзя, то будте ласкави, сповистить хутенько! Живу тамъ же, де и перше.

1857, іюня 18.

103.

Радуюсь и веселюсь, що «Чтенія» будуть изновъ Чтеніями, а не ка-знае чымъ!

Вашъ журналъ буде найлюбійшымъ моимъ чытаннемъ, бо й ты Чтенія булы моимъ хлибомъ насущнымъ, и багато я ими покорыстовався. Нехай же Вамъ Господь помогае!

Не гарно оце вы робыте, що цупко держыте всяку кныжечку. Вы жъ бачыте для якого дила! Да Богъ зъ Вамы! всякъ соби панъ. Пошукайте жъ для мене хочъ мижъ пылипонамы заразъ: 1, Козыръ Дивки, 2, Ганнуси (сія повисть есть и въ Телескопи 1832, и особе). Або ни—не турбуйтесь: я вже напысавъ до Башуцькои, и певно вона мени вышле съ Царського Села.

А Чупрына и Чертоусъ надрукованъ у моихъ Украинськыхъ преданіяхъ, которы Вы хотилы выпустыть у Чтеніяхъ. Сю статью знайдете хутко по заголовкахъ. У Васъ же есть экземпляръ. А Максымовычъ надруковавъ чортъ-знае що. Почухавъ певно потылыцю прочытавшы въ другому томи моихъ записокъ мемуаръ Закревського про Чупрыну и Чертоуса, да ще колысь не такъ почухае!

Спасыби за опечаткы. Укажу при 6-му тому. Колы-бъ Вы зналы, що за робота, або лучче—морока була зъ лыстамы Гоголя опричъ усего иншого, то сказалы бъ, що не въ моготу й самому Аргусови було бъ прочытать усю корректуру самому. Ище якъ-бы въ спыну нихто не гнавъ; а то прытьмомъ напечатай до весны! Досадно, да ничого робыть. Радуюсь, що хоть де-которы томы захопывъ самъ чытаты, а найпыльнійшъ Мертвіи Душы.

Бувайте здоровы. И Вамъ николы, то ничого перо роспускаты, а лучче де що оставыть языку на одбучу!

Щыро прыхыльный землякъ П. Кулишъ.

1857, іюня 25 С- Петерб.

А що вже тыпографіи, то нехай имъ цуръ! Хоть скилько заплаты, а воно наровыть, якъ бы на черныло то що съ тебе выгадать! Завивъ я оце свою, то вже тутъ не буде ніякого фальшу. Ось побачыте, якихъ Вамъ прышлю гостынцивъ! Лытургію Гоголя печатаю вже въ себе, да и ще де-що свое.

104.

Тыи кныжкы, що Вы прыслалы, Добродію, у мене есть, а нема въ мене тылько Козыръ-Дивки да Ганнуси. И воны въ мене есть, тилько схованы въ хутори, въ которому никому знайты ихъ. А якъ бы Вы прыслалы свій экземпляръ, то отъ Вамъ честне слово, що верну Вамъ старе изданіе або добувшы де инде, або вернувшись на Вкраину зъ Блатенська.

За Чупрыну и Чертоуса дуже Вамъ дякую. Выдно й теперъ трудно Вамъ добуть экземпляра, колы перепысалы. А я думавъ, що Вы теперъ хозяинъ у тому склади, що оставсь одъ 1848 году. Чы, може, рытьця було бъ довго? Ну якъ бы не було, а спасыби, велыке спасыби!

Щыро прыхыльный землякъ. П. Кулишъ.

1857, Іюля 2.

106.

Насылу да на превелыку сылу злипылы мы сяку-таку хатыну. Тутъ морока съ цензорамы, Доброцію! Нихто читаты не хоче. Колыбъ, каже по турецьки, або по нимецьки то читавъ бы, а то не знать по якивски! Да вже насылу знайшовсь добрящій чоловичокъ, що згодывсь нашу Хату читаты. Ну, й тутъ же нашему брату безъ пени не мынулось. Якъ назначилы Панина верховодомъ, цензоръ мій заразъ и штаны попустывъ до долу. Я бачу що прытьмомъ лыхо, да й закинчавъ посередъ кныжки, а тобѣ ще й зовсимъ прыпынылы! Посылаю жъ къ Вамъ Хату, яка есть; не погордуйте въ неи заглянуты.

Да ще отъ що, Добродію шановный Осыпу Максымовычу! Хоче одынъ землякъ выдаваты Галлерею портретивъ украинскыхъ пысателивъ, то й Вашъ портретъ сюды неодминно треба вмиститы. Будьте ласковы, спасыби Вамъ, вышлить гарненьку фотографыю, да ще й пысульку, що Вы дозволяете Данылу Семеновычу Каменецькому Вашу шановную парсуну налытографыровать отъ у такій-то коллекціи.

Пани моя, вкупи зо мною, кланяетця Вамъ и Вашому любому подружью. Порывае насъ на Вкраину, да роспочавъ я словарь украинській, то й не знаю, чы не прыйдетця ажъ до мая тутъ высыдиты.

Бувайтежъ здоровы да не забувайте щыро прыхыльного и поважающого Васъ земляка

П. Кулиша. Спасыби за 4 кныжку Чтеній!

1860, февр. 26, С.-Петербургъ.

110.

Высокоповажный Земляче
Осыпе Максымовычу!

Насылу я зибравсь, якъ убогый на кисиль, на кныжечку, щобъ оддячыты Вамъ за Ваши коштовны подарунки. Посылаю и автографъ Квитки. Незабаромъ побачымось, бо мы зъ Олександрою Мыхайловною выйздымо на лито до родычивъ. У конци березозоля рушымо.

Щыро прыхыльный до Васъ землякъ П. Кулишъ.

1861, березоля? Блатенскъ.

112.

Ось Вамъ, Высокоповажный Добродію, Осыпе Максымовычу, чотыри Евангелыста. Таки ледачы люде Галычане, що зажерлы вси мои друкы, не далы мени ни шеляга выручкы за ныхъ, а теперъ не прыслалы и двохъ прымирныкивъ, що хотивъ бувъ я подаруваты Вамъ та Румянцевському музееви. Нате жъ ось мій хатній прымирныкъ, а якъ дасть Господь, що буду за граныцею, дакъ одныму въ кого небудь сыломиць инши кныжкы, що подруковавъ колысь про нужду галычанъ, та й надишлю Вамъ.

Посылаю жъ и регуляцію Надхинськыхъ спомынокъ про запорозцивъ. Нехай бо таки исторычна крытыка не спыть, пидложывши пидъ головы вси грамоты, дневныкы, оповидання свидкивъ и таке инше, що мы понапечатувалы.

Пани моя по малу одужуе, слухаючы соловьиного спиву. Накупывъ я въ Иммера городнего и квиткового насиння, дакъ вона й пораєтся въ саду, а я соби довбаюсь то въ Вашихъ чтеніяхъ, то въ иншыхъ душеполезныхъ кныгахъ. Посылаемо обое обомъ Вамъ нызесенькыи поклоны наши.

Щыро до Васъ прыхыльный П. Кулишъ.

1877, апр. 22. Мотроновка.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ полковника Косырева. Въ Русск. Вѣдом. за 1897 г. (№ 199) г. Б. Тагѣевъ напечаталъ отрывокъ изъ воспоминаній полковника Е. М. Косырева о Шевченкѣ за время пребыванія его въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи. Приводимъ этотъ отрывокъ здѣсь, опуская начало статьи, принадлежащее г. Тагѣеву. Лѣтомъ 1847 г. было закончено устройствомъ начатое за годъ передъ тѣмъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря Ново-Петровское укрѣпленіе. „Въ это время я,—говоритъ Косыревъ,—находился въ составѣ гарнизона, воздвигавшаго это укрѣпленіе, и командовалъ сначала 1-ю, а потомъ 3-ю ротою 1-го Оренбургскаго линейнаго баталіона. Въ 1850 году, по окончаніи своихъ чертежныхъ работъ, изъ Оренбурга былъ присланъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе рядовой Тарасъ Шевченко и назначенъ въ 4-ю роту, которою командовалъ тогда штабсъ-капитанъ Лотаповъ, человѣкъ мало развитой и строгій. Призвавъ къ себѣ Шевченка, ротный командиръ обошелся съ нимъ очень круто.

— Ты, братецъ мой, за политическія дѣла попалъ въ солдаты?—спросилъ онъ.

— Да, за политическія,—отвѣтилъ Шевченко.

— Не да, а точно такъ, ваше благородіе,—поправилъ его штабсъ-капитанъ.

— Точно такъ, ваше благородіе,—повторилъ Шевченко.

— Смотри ты у меня,—грозя пальцемъ, сказалъ ротный командиръ,—а не то я изъ тебя всю эту дурь повышибу. Ступай въ казармы и безъ моего разрѣшенія оттуда никуда,—прибавилъ онъ.

Въ казармахъ къ Шевченку былъ приставленъ дядька изъ солдатъ, который наблюдалъ за его поведеніемъ и обучалъ ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ въ три темпа учебнымъ шагомъ. Трудно давалась Шевченку эта премудрость; физически былъ онъ слабъ и сто-

ялъ подъ ружьемъ, согнувшись въ три погибели[1]). Непривыкшій къ строевой службѣ, онъ началъ хирѣть отъ постоянныхъ ученій, а тутъ еще изъ корпуснаго штаба было получено секретное предписаніе не давать Шевченку возможности ни писать, ни рисовать. Оказалось, что за свое короткое пребываніе въ Оренбургѣ, послѣ аральской экспедиціи, онъ и тамъ успѣлъ накуралесить, рисуя каррикатуры на высокопоставленныхъ лицъ. Къ счастью для него, Потаповъ былъ скоро переведенъ, и командиромъ роты назначенъ былъ я. Шевченко, отличавшійся всегда живымъ характеромъ, любившій побалагурить, очутившись въ такой узкой рамкѣ дисциплины того времени, запилъ. Я видѣлъ, что ни аресты, ни наказанія не приведутъ ни къ чему, что позывъ къ вину у Шевченка есть потребность его больной души. Я уговаривалъ его, говоря, что онъ сломитъ виномъ свое и безъ того некрѣпкое здоровье, но онъ всегда, во время нашихъ аудіенцій, стоялъ, понуря голову, и не возражалъ ни слова. Я видѣлъ близкую гибель этого человѣка и началъ дѣлать ему поблажки. Во-первыхъ, я разрѣшилъ ему имѣть бумагу и карандашъ, а также инструменты для ваянія изъ глины[2]). Шевченко съ жадностью ухватился за эти искусства. Онъ рисовалъ портреты съ солдатъ и офицеровъ. Очень удачно изобразилъ меня карандашемъ на большомъ листѣ бумаги (хотя вообще портреты у него рѣдко удавались), а также лѣпилъ изъ глины разныя фигуры, которыя охотно распускались офицерами и солдатами нашего укрѣпленія. Помню двѣ такихъ фигуры: одна изображала Христа въ моментъ, когда на него былъ надѣтъ терновый вѣнецъ; передъ Христомъ стоялъ жидъ на колѣняхъ, высунувъ языкъ, а внизу имѣлась надпись—«радуйся Царь Іудейскій». Другая группа представляла киргизскую кибитку, въ которой противъ двери сидѣлъ полунагой киргизъ, въ конической съ загнутыми по бокамъ полями шапкѣ на головѣ, съ небольшой бородкой, улыбающейся физіономіей, играющій на домбрѣ (балалайкѣ); снаружи кибитки противъ двери, лицемъ къ киргизу, была представлена его жена, съ смѣющимся лицомъ и толкущая въ деревянной ступѣ деревяннымъ же пестомъ просо, а около нея на землѣ—двое нагихъ дѣтей, играющихъ съ котенкомъ. Шевченко отлилъ изъ гипса много этихъ группъ, которыми и надѣлилъ какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Послѣдніе

---

[1]) Шевченко былъ мѣрою въ 2 арш. $3^1/_4$ верш. и значился по ранжирному списку 2-й роты 191-мъ рядовымъ (въ 1849 г.).

[2]) Впослѣдствіи это было разрѣшено и высшимъ начальствомъ.

брали охотнѣе «Царя Іудейскаго». Офицеры платили за группу по рублю, а нѣкоторые и больше. Кромѣ того, Тарасъ Григорьевичъ писалъ стихи и любилъ распѣвать малорусскія пѣсни, особенно «Дують витры».

Мало-по-малу общество офицеровъ приблизило къ себѣ штрафованнаго художника-поэта, и вскорѣ Шевченко былъ уже полноправнымъ членомъ нашего небольшого общества. Страсть къ вину однако не покидала его. Нѣтъ-нѣтъ, да и напьется бывало до положенія ризъ. Пьянство часто вредило ему и по службѣ, и нерѣдко мнѣ приходилось выдерживать его подъ арестомъ. Однажды онъ въ нетрезвомъ видѣ зашелъ въ офицерскую комнату, гдѣ собралось довольно много молодежи. Ему предложили выпить и закусить, отъ чего онъ не отказался, а вскорѣ его уже нашли спящимъ на диванѣ. «Господа! Шевченко умеръ», крикнулъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.—Спящаго обступила толпа, а онъ неистово храпѣлъ и свистѣлъ носомъ. Молодежь обрадовалась, что представился случай немного пошкольничать и тутъ же выкинула шутку надъ спящимъ поэтомъ. Сняли они дверь съ петель, положили на нее Шевченка и понесли вокругъ своей квартиры, напѣвая: «Святый Боже, Святый Крѣпкій». Услышавъ пѣніе, я вышелъ изъ своей комнаты и, увидѣвъ странное шествіе, спросилъ, чтó это такое.

— Шевченка хоронимъ,—съ хохотомъ отвѣчали мнѣ офицеры.

Конечно я, какъ начальникъ, приказалъ имъ оставить свою выходку и на той же двери отнести Шевченка въ казармы и сдать его дежурному по батальону. Поутру Шевченко былъ посаженъ подъ арестъ на сутки, а офицеры отдежурили безъ очереди по гарнизону и по работамъ.

Какъ человѣкъ образованный и хорошій разсказчикъ, Шевченко былъ всегда желаннымъ гостемъ, и его приглашали какъ семейные, такъ и холостые. По мѣстному обыкновенію, тогда, преимущественно въ воскресные дни, устраивали или завтракъ въ 12 ч. дня, или вечернюю закуску часовъ въ 9. Когда приходилъ Шевченко, за нимъ строго слѣдили, сколько рюмокъ водки онъ выпьетъ. Послѣ третьей рюмки семейные обыкновенно выпроваживали его въ казармы, а холостые—послѣ четвертой или пятой. Сообразно съ количествомъ выпитыхъ рюмокъ, у Шевченка проявлялась страсть къ анекдотамъ и разсказамъ, которые постепенно доходили до того, что нужно было затыкать уши. Шевченко впрочемъ былъ скупъ и поэтому никогда не расходовалъ на водку своихъ денегъ, а выпивалъ болѣе при случаяхъ.

Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи находился тогда отъ акцизнаго откупа отставной чиновникъ 14-го класса Зигмунтовскій, человѣкъ лѣтъ 70-ти, но еще здоровый и бодрый, съ женою своею, пятидесятилѣтней здоровой бабой. Еще въ нижнихъ чинахъ Зигмунтовскій служилъ въ какомъ-то гусарскомъ полку и былъ въ походахъ съ княземъ Суворовымъ за Балканами; по окончаніи же походовъ вышелъ въ отставку съ чиномъ 14-го класса, долго жилъ въ Бессарабіи и затѣмъ, съ занятіемъ укрѣпленія, перебрался къ намъ и занялся торговымъ дѣломъ. Зигмунтовскій ужасно любилъ тѣхъ людей, которые внимательно выслушивали его разсказы о походахъ, и готовъ былъ разсказывать днями и ночами, привирая при этомъ немилосердно. Въ это время хозяйка дома выносила большой подносъ съ винами и разными закусками, при видѣ которыхъ разсказчикъ воодушевлялся. Шевченко, когда некуда было болѣе дѣваться, любилъ заходить къ «спиртомору» (такъ солдаты называли Зигмунтовскаго, потому что, при отпускѣ спирта въ команды, онъ показывалъ крѣпость его спиртометромъ Траллеса) послушать его разсказы, а главное—хорошенько выпить и закусить. Вотъ онъ и отправляется бывало къ отставному гусару.

— Здравствуйте, добрѣйшій мой Константинъ Николаевичъ и многоуважаемая Софья Самойловна,—привѣтствуетъ онъ хозяевъ,—какъ ваше драгоцѣнное здоровье, какъ живете-можете?

— Ахъ, безцѣнный нашъ Тарасъ Григорьевичъ, живемъ мы, слава Богу, помаленьку, вашими усердными молитвами. Какимъ васъ это вѣтромъ занесло къ намъ? Ну, очень, оченъ рады, просимъ милости садиться, дорогой нашъ гость, побесѣдуемъ о чемъ, а то намъ скучно однимъ-то со старухой!

Гость и хозяинъ садятся на диванъ, за круглый столъ, а хозяйка идетъ собирать закуску. Вотъ тутъ-то и начинаются мало-по-малу безконечные разсказы о походахъ, о Балканахъ, о Бессарабіи и т. д. Разъ Зигмунтовскій дошелъ до того, что сталъ разсказывать, будто въ Бессарабіи родятся такіе громадные огурцы, что бывало разрѣжетъ солдатъ пополамъ огурецъ и изъ одной половины дѣлаетъ лодку, а изъ другой два весла, сядетъ и переплываетъ черезъ Дунай на другую сторону.

— Это что за диковину вы разсказываете, Константинъ Николаевичъ,—прервалъ разсказчика Шевченко,—а вотъ когда я служилъ на Раимѣ, такъ видалъ рѣку Сыръ-Дарью; вы не повѣрите, какая она рыбная. Рыба вся почти поверху плаваетъ; бывало захочешь от-

правиться на другую сторону рѣки и прямо перебѣгаешь по рыбѣ. Одной ногой встанешь на сома, другой на осетра, а потомъ на сазана, судака, усача; а иногда такъ случится, что большая рыба и сама догадается, перевезетъ,—смотришь, и переправился; стоишь на берегу и любуешься на эту рыбную рѣку.

Понялъ хозяинъ насмѣшку, обидѣлся немного, но скоро успокоился и примирился. А между тѣмъ бутылки пусты, и гость, покачиваясь и напѣвая «Віють витры», тащится въ казармы.

Помню, въ 1851 г. пріѣхалъ въ укрѣпленіе инженеръ, прапорщикъ Добровольскій, игравшій на флейтѣ. Съ помощью его у насъ составился оркестръ музыки. Я игралъ на скрипкѣ прима, прапорщикъ Сергѣевъ—секунду, а Гарлихъ одинъ вечеръ на контрабасѣ, другой — на кларнетѣ. Къ святкамъ у насъ составился и театръ: играли комедію Островскаго «Свои люди сочтемся». Подхалюзина игралъ я, женскія роли—молодые прапорщики, а Ризположенскаго—Тарасъ Шевченко. Онъ гдѣ-то досталъ себѣ шаровары гороховаго цвѣта, синій старенькій, немного узкій ему фракъ, измятую поношенную шляпенку и намалевалъ себѣ красками лицо, такъ что весьма походилъ на приказнаго, идущаго въ питейное заведеніе опохмѣлиться. Роли были всѣми твердо выучены, и комедія сошла недурно. Шевченко же положительно потѣшалъ своею ролью, особенно въ сценѣ, когда онъ спрашивалъ Аграфену Кондратьевну относительно Огурчикова и говорилъ: «Это у васъ водочка?—я рюмочку выпью!» По окончаніи спекталя комендантъ, подполковникъ Маевскій, угостилъ все общество, какъ актеровъ, такъ и зрителей, великолѣпнымъ ужиномъ, передъ которымъ устроились еще танцы. Шевченко попросилъ въ это время музыкантовъ сыграть трепака, а самъ, переодѣвшись хохломъ, сталъ отплясывать малороссійскій танецъ. Плясалъ онъ свободно и весьма потѣшно, такъ что по требованію публики долженъ былъ повторить нѣсколько разъ. По общей просьбѣ спектакль былъ данъ вторично, а затѣмъ его повторили еще два раза для нижнихъ чиновъ. Послѣднимъ онъ такъ понравился, что нѣкоторые изъ нихъ сами стали пробовать, и въ средѣ ихъ нашлись скоро толковые актеры, которые уже на слѣдующей масляницѣ стали играть комедіи и водевили. И съ этого времени театръ у насъ не переводился.

Припоминаю еще,—это было уже годъ или два спустя. Комендантъ укрѣпленія полковникъ У., большой любитель охоты, собралъ разъ цѣлую компанію и отправился за нѣсколько верстъ, захвативъ

съ собою и Шевченка. Выѣхали мы на берегъ моря, сопровождаемые козачьимъ конвоемъ,—время тогда было небезопасное; киргизы только и ждали случая напасть на русскихъ. Проѣхавъ верстъ 15, мы выѣхали въ урочище Лбище (мысъ, выдающійся съ сѣверовосточнаго берега Каспійскаго моря), съ котораго видны острова Кулалинскій и Каинный. Видъ былъ очень живописный. Море широкою гладью своихъ водъ разстилалось, какъ ровная скатерть, на необозримое пространство. Два смерча невдалекѣ отъ насъ казались подпирающими небо и то расходились, то приближались одинъ къ другому. Спустившись къ морю, мы оставили лошадей и экипажи и засѣли въ ожиданіи перелета. Тарасъ Шевченко, отойдя отъ нашего лагеря, гдѣ приготовлялся ужинъ, шаговъ на 15, сѣлъ на камень, досталъ бумагу и карандашъ изъ портфеля и началъ рисовать красивый видъ на морѣ. Огромная соломенная шляпа, сплетенная имъ самимъ изъ морскихъ водорослей, была нахлобучена сильно на носъ и скрывала его лицо. Около остатковъ разрушенной туркменской крѣпости мы ожидали добычи, а многіе разбрелись въ разныя стороны съ тѣмъ, чтобы къ вечеру всѣмъ собраться въ назначенное мѣсто. Въ 6 часовъ мы стали собираться, и когда я спускался съ горы, то видѣлъ Шевченка въ томъ же положеніи съ нахлобученной шляпой и опущенной головой. Увлеченные разсказами объ охотѣ и хвастаясь своими трофеями, мы однако совершенно позабыли про Шевченка, который все не приходилъ. Между тѣмъ шашлыкъ былъ готовъ, запахъ жареной баранины пріятно щекоталъ носъ, а рюмка водочки соблазнительнымъ миражемъ уже рисовалась въ нашемъ воображеніи.

Каково же было наше удивленіе, когда три бутылки водки оказались порожними, а бутылка спирта, захваченная для козаковъ, оказалась тоже почти пустою. Тутъ мы вспомнили о Шевченкѣ. «Ужъ не онъ ли все это выпилъ»?—спросилъ полковникъ.

— «Да его бы разорвало отъ такой дозы»,—замѣтилъ кто-то. Въ сопровожденіи коменданта, мы отправились посмотрѣть, что дѣлаетъ нашъ художникъ. Онъ сидѣлъ все въ томъ же положеніи и крѣпко спалъ, опустивъ голову на колѣни. Около него валялся прекрасно исполненный рисунокъ Каспійскаго моря съ двумя смерчами. Запахъ водки такъ и разносился вокругъ спящаго. Мы стали будить его, но онъ повалился на землю и только мычалъ, но не проснулся,— очевидно, что онъ былъ мертвецки пьянъ.

Тогда козакамъ приказано было взять его, положить на арбу и отливать водою, но и это не помогло. Шевченко не проснулся до

самаго укрѣпленія. Эта продѣлка не прошла ему даромъ; онъ былъ посаженъ на недѣлю подъ арестъ съ исполненіемъ караульной службы. Послѣ этого случая онъ долго не пилъ и написалъ на малорусскомъ языкѣ большое меланхолическое стихотвореніе.

Въ 1856 году я выпросилъ себѣ смѣну и отправился въ Уральскъ, гдѣ и пробылъ до весны 1857 года, когда возвратился опять въ Ново-Петровское укрѣпленіе, такъ какъ маіоръ Л., смѣнившій меня, умеръ, и мнѣ было приказано снова вступить въ завѣдываніе двумя ротами.

По возвращеніи я засталъ Шевченка въ добромъ здоровьѣ и уже бросившимъ пить. Въ слѣдующемъ же 1857-году Шевченко получилъ Высочайше дарованное прощеніе и уволился отъ службы. Въ концѣ августа того же года онъ былъ отправленъ на почтовой лодкѣ въ Гурьевъ Городокъ для препровожденія оттуда сухимъ путемъ въ г. Уральскъ къ баталіонному штабу, откуда, по окончательномъ увольненіи, и выѣхалъ въ Кіевъ (назначенный ему для пребыванія) 8-го сентября 1857 года. Съ тѣхъ поръ я его больше не видалъ, О немъ, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ и показывалъ письма, хлопотала одна графиня, благодаря которой онъ и получилъ прощеніе.

О памятникѣ Шевченку. Въ одномъ изъ январьскихъ номеровъ (14) С.-Петербургскихъ Вѣдомостей М. И. Корниловичъ возбуждаетъ вопросъ о памятникѣ Шевченку. Вотъ что онъ говоритъ по этому предмету: „Едва-ли кто-либо изъ нашихъ поэтовъ, говоритъ г. Корниловичъ, имѣлъ столь печальную судьбу, какъ знаменитый пѣвецъ Украйны. Всѣмъ извѣстно, какъ неудачно сложилась его жизнь. Только любовь къ народу и его исторія вдохновляли поэта на образы свѣтлаго; что же касается его личной житейской обстановки, его внутренней жизни, то въ этомъ не было ничего отраднаго. Жизнь пришла и прошла, полная страданій и несбыточныхъ надеждъ. Кто не знаетъ, какъ страстно поэтъ, сынъ народа, любилъ свой народъ, и съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ освобожденія его отъ вѣкового рабства! Но злой рокъ не далъ ему и этого утѣшенія: только недѣлю Шевченко не дождался радостнаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ...

Какъ печально читать ежегодно появляющіеся ко дню годовщины поэта призывы помочь бѣдствующимъ его родственникамъ! Съ этой стороны наше общество нужно прямо упрекнуть въ недостаткѣ вниманія къ памяти великаго поэта. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы общество не знало или забыло про Шевченка. Напротивъ, его всѣ знаютъ и читаютъ, ибо онъ—не только поэтъ малорусскій, но и общерусскій. Въ послѣднее время даже вышло въ продажу дешевое и вполнѣ общедоступное изданіе его сочиненій. Такимъ образомъ, мы читаемъ Шевченка, мы увлекаемся и вдохновляемся красотами его поэзіи, но мы скупы на то, чтобы сдѣлать что-либо для памяти поэта.

Однако, кромѣ общей всѣмъ намъ слабости—отсутствія общественной инициативы и самодѣятельности, тутъ имѣли мѣсто и разныя другія причины. Недалеко еще то время, когда о Шевченкѣ избѣгали говоритъ въ печати, публично: поэтъ, очевидно, былъ на дурномъ счету. Слава Богу! теперь уже это время миновало, и нынѣ не слышно болѣе криковъ о возможности Запорожской Сѣчи.

Мнѣ думается, что именно теперь насталъ удобный моментъ сдѣлать что- либо для памяти поэта, и обществу слѣдуетъ серіозно подумать объ этомъ.

Намъ нужно взять примѣръ съ поляковъ, которые, пользуясь такимъ моментомъ, строятъ памятникъ Мицкевичу. Такимъ дѣломъ должна быть, безъ сомнѣнія, постановка памятника и нашему поэту и устройство бѣдствующихъ его родственниковъ. Не мѣшаетъ вспомнить, что въ настоящее время строится памятникъ другому украинскому писателю, Котляревскому, творцу „Энеиды".

„Кобзарь" Шевченка представляетъ собою самое лучшее и естественное дополненіе къ твореніямъ великаго автора „Мертвыхъ душъ"...

Думается, что дѣйствительно настала уже пора для того, чтобы просить о разрѣшеніи подписки на памятникъ Шевченку. Дѣло скоро пойти не можетъ, что мы видимъ на памятникѣ Гоголя. Слѣдовательно, пройдутъ многіе годы, пока можно будетъ собрать достаточный капиталъ.

Похороны запорожца въ 1772 году. Предлагаемый здѣсь разсказъ принадлежитъ маститому историку Запорожья Аполлону Александровичу Скальковскому и напечатанъ имъ ровно *пятьдесятъ лѣтъ* назадъ[1]). Разсказъ основанъ, какъ говоритъ авторъ, „на рапортѣ за номеромъ и печатью одного козачьяго полковника". Перепечатывается онъ здѣсь безъ всякихъ измѣненій.

„Это было въ 1772 году. Посланный въ Ново-Сербію узнать, что сдѣлалось съ больнымъ, храбрымъ въ битвахъ и усерднымъ къ службѣ атаманомъ куреннымъ, который, жестоко раненный при взятіи турецкаго корабля подъ Кинбурномъ, отправился въ Добрянку, роту (селеніе) Молдавскаго гусарскаго полка[2]), къ одной бѣдной вдовѣ-дьячихѣ, чтобы воспользоваться „знахарствомъ" во всѣхъ вообще болѣзняхъ. Пріѣхавъ въ селеніе, говоритъ полковникъ, я отыскалъ бѣдную избу лекарки и нашелъ тамъ большое собраніе. Хозяйка въ слезахъ сидѣла въ углу своей свѣтлицы подъ образами и подчивала водкою, не смотря на крайнюю бѣдность, добрыхъ сосѣдей—посѣтителей „за упокой души умершаго". На дубовой лавкѣ, головою къ иконѣ Покрова Богородицы, лежалъ въ полномъ козачьемъ боевомъ нарядѣ, въ *юпкѣ*, *кажанѣ* и *кунтушѣ*, запорожскій витязь; его пика стояла съ одной, а ружье съ другой стороны гроба, бурка накинута была на ноги, шапка съ сѣрою оборкою и алымъ бархатнымъ мѣшкомъ лежала на груди его. Дьячокъ читалъ апостольскія посланія. Вскорѣ явился священникъ изъ Никольской церкви, покойника положили въ „домовину" (гробъ), покрыли сѣрою *намиткою* (родъ кисеи) вмѣсто парчи, и поселяне чинно понесли его въ церковь; добрый конь, снаряженный какъ бы къ бою, съ сѣдломъ, пистолетами „въ кобурахъ" и съ клубками (вьюками), понуривъ голову, шелъ назади за гробомъ; его велъ вѣрный молодикъ Карпо, весь оборванный, и горько плакалъ; въ промежуткахъ церковнаго пѣнія онъ, обтирая слезы рукавомъ, всхлипывалъ и напѣвалъ:

„И взявъ мій панъ соби дружиночку
Высокую могилочку".

---

¹) Русск. Инвалидъ 1847 г. № 32.

²) Нынѣшная сѣверная часть Херсонской губерніи состояла изъ ротъ или селеній: Молдавскаго, Чернаго и Желтаго и Гусарскихъ и Елисаветградскаго Пикинерскато полковъ.

На гробѣ, рядомъ съ саблею, козачьею шапкою и пикою, положила старуха и барвинковый вѣнокъ въ знакъ его цѣломудрія, что то былъ *малоецъ* (celibataire), а не посполитый козакъ. Пара воловъ шла позади и везла бѣлый, каменный, чисто полированный крестъ съ изображеніемъ муки Спасителя и приличною надписью:

„Здѣ почиваетъ—Рабъ Божій Григорій Покотило, знатный товарищъ войска Запорожскаго Низоваго и куреня Кущовскаго. Преставися року 1772 Іюлѣ 4-го дня.

Этотъ могильный памятникъ добрый козакъ „справлялъ" себѣ еще при жизни, ибо послѣ его кончины некому было бы его упокоить; отецъ и мать вѣрно давно уже померли, а сестры у него не было на свѣтѣ[1]). Принесли гробъ въ церковь, отслужили панихиду и тѣмъ же чиномъ понесли на кладбище.

Когда козака положили въ яму и при трогательномъ напѣвѣ „вѣчная память", благочестивые гусары и посполитые люди мигомъ насыпали высокую могилу и тутъ же вкопали крестъ, на память потомства о рыцарѣ-покойникѣ, старая хозяйка попросила „какъ слѣдовало" панъ-отца священника съ клиромъ и добрыхъ людей сосѣдей откушать „за упокой его души". Пошли гости въ хату, кто какъ могъ помѣстился за столомъ, кто на лавкѣ, кто около печи (хотя и такъ уже было жарко); только хозяйка и добрый цюра (слуга, хлопецъ) покойника ничего не ѣли, глотая слезы вмѣсто хлѣба. Поблагословивъ яства и выпивъ рюмку водки, панъ-отецъ откашлялся, погладилъ лысину и сѣдую бороду и сказалъ собранію:

„Панове братья, добры молодцы! покойный Данило, дай Богъ ему царство небесное, былъ человѣкъ добрый, козакъ храбрый, но уже старый; родился онъ въ Польшѣ, гдѣ и отъ кого—никто не знаетъ, и онъ никогда и никому о томъ не говорилъ. Кажется, отъ роду шляхетскаго, бо долго червоный, китайчатый жупанъ, совсѣмъ уже старый и поношенный, хранилъ онъ въ скрыни, и только на „великъ день" (св. воскресенье) и у причастія подъ

---

[1]) Одинъ только памятникъ, поставленный отцомъ, нашли мы на гробахъ Запорожцевъ. Онъ стоитъ въ с. Гирлахъ (Херсонской губерніи и уѣзда) надъ Днѣпромъ, принадлежащемъ князю М. С. Воронцову. На крестѣ съ одной стороны надпись: „Здѣ почиваетъ рабъ Божій, козакъ куреня Рогивскаго, Данило *Харченко*, преставися року 1762 года Марта 2. Съ другой же стороны эти краткія, но горькія слова: „стараніемъ *Харька стараго*, батька его, постановленъ 1763 года, ибо весьма горько отцу пережить свое дитя.

„мундуромъ“ надѣвалъ его. А красный жупанъ, панове, вы знаете, есть одежа роду шляхетскаго. Покойный сказывалъ, что когда ему было 3 или 4 года, онъ сидѣлъ однажды на печкѣ и игралъ съ котенятами, какъ крикъ „пожаръ! гайдамаки!“ наполнилъ хату, а въ скорости и все селеніе; какая-то пани, видно его мать, схватила его на руки, закутала въ червоный жупанъ и побѣжала въ лѣсъ, но на дорогѣ какой-то человѣкъ догналъ ее, ударилъ топоромъ, повергъ на землю; съ матерью и Данило упалъ тоже, облитый ея кровью и защищенный ея трупомъ. Она такъ сильно схватила его руками, что покойный, 60 почти лѣтъ жившій послѣ этого несчастія, все еще, казалось ему, чувствовалъ эти предсмертныя объятія и прощаніе матери. Упокой Господи, ихъ души! Что сталось послѣ? онъ не знаетъ. Помнитъ только, что какой-то выстрѣлъ раздался надъ его головою, и онъ обомлѣлъ отъ страха; когда же пришелъ въ себя, онъ былъ на лошади и на рукахъ у кого-то. Старый козакъ крѣпко прижималъ его къ груди, скакалъ что ни было мочи, приговаривая: „не бійся хлопче, я тато“ (отецъ). Добѣжавъ до какой-то воды, онъ остановился и крикнулъ громко: пугу! пугу! Какіе-то люди отозвались съ другой стороны. Козакъ бросился съ лошадью въ воду. Данило опять обмеръ и очутился на буркѣ, въ большой избѣ, какъ послѣ оказалось, въ куренѣ Кущовскомъ, куда панъ Иванъ Завадовскій, куренной атаманъ, его спаситель, привезъ его и посвятилъ „славному Запорожу“. Зная, что онъ латининъ (да проститъ имъ Богъ ихъ заблужденіе!), добрый атаманъ миропомазалъ его въ церкви чрезъ отца Веніамина. Панъ судья и панъ бывшій асаулъ были крестными батьками, а мать Сѣчь-Запорожская была кумою. Такъ прошла его молодость. За службу царскую и войсковую зробили его атаманомъ куреннымъ; въ походѣ на Турка командовалъ онъ на лодкѣ своего куреня; а съ паномъ Аѳанасіемъ (Колпакомъ) подъ Кимбурномъ взялъ онъ турецкую судину; но тамъ дважды пострѣленъ: одна куля попала въ ногу, но ту заживила наша старая Оксана (не плачь, матко, и мы туда пойдемъ, куда пошелъ панъ Данило). Панове! дай Богъ ему царство небесное!“ И выпили. „Другая куля, чортъ бы ее побралъ (Господи, прости мое поганое слово!), попала прямо въ грудь козацкую. Данило былъ уже 7-го десятка, куля не свой братъ-атаманъ,—кулакомъ не выбьешь. Оксана робила, что могла, но пришла смерть, хвать косою, и атамана нема якъ небувало. Смерть, панове, никого не розбирае. Что Богъ повелѣлъ, то и будетъ.

„Но панове! Данило былъ козакъ щирый и добрый, жилъ и умеръ христіаниномъ и православнымъ, какъ слѣдовало. Хоть часомъ и поколотилъ Ляшка, хоть одурилъ Жида або Татарина,—ну, это дѣло нехорошее, но бѣда не велика, это нехристь, и они не разъ добрыхъ христіанъ обижали, да онъ и покаялся, болѣлъ крѣпко, молился усердно, защищалъ Церковь Божію отъ бесурмановъ и уніатовъ, Богъ проститъ его грѣхи. Чего и вамъ, панове, добре желаю.

„Вотъ я говорю вамъ, что онъ козакъ былъ добрый и честно окончилъ свою жизнь. У него было 20 рублей денегъ; онъ подаровалъ ихъ на войско, и я прошу васъ, пане атамане громадскій, послать ихъ съ добрымъ человѣкомъ, чтобъ кто-нибудь изъ васъ, панове гусары (Молдавскаго полка), ихъ не отнялъ". (Всѣ улыбнулись и еще хватили горѣлки). „Да оставилъ 9 руб. на похороны, и вы видѣли—мы его похоронили честно; да оставилъ коня съ сѣдломъ на церковь, другого коня на мою долю; да оставилъ жупанъ свой красный, то мы его и похоронили въ немъ, бо онъ былъ роду шляхетскаго человѣкъ, а серебряную икону и 1 руб. денегъ подаровалъ пани Оксанѣ за то, что его недѣли съ 4 лечила и кормила; да пани Оксана, хоть часто и безъ хлѣба бывае, а только иконку взяла и носитъ, а гроши дала намъ вотъ на эту страву, чтобъ ему легко было успокоиться; ну, доброе и это дѣло, хоть и лишнее, панове, для такой бѣдной женщины. А третю клячу и рушницу и каптанъ и бурку подаровалъ своему Карпу—молодику и принялъ его въ свой курень, да оставилъ ему 80 коп. денегъ. Да Карпо такой же дурень, какъ и Оксана, бурку и одежу взялъ, а гроши,—отъ подывитесь, панове, въ оконечко, отъ собралъ нищую братью, калѣкъ та бабъ, да и задалъ имъ трапезу; ну, хлопче, вотъ и вамъ наше благословеніе. Хоть ты и оборвался немного на службѣ, та въ куренѣ тебя поодѣнутъ. Тамъ, кажутъ, на Запорожьи, карбованци решетомъ мѣрятъ, а гуси печеные сами съ земли выростаютъ. Ну, панове! отъ и борщъ кажись наливаютъ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!"

Всѣ сказали: аминь! и начали усердно кушать, какъ бы Данила-атамана никогда не бывало ни живаго, ни мертваго; только Оксана около печи—то подаетъ страву, то плачетъ, приговаривая: „барвиночку мій! сыночку мій! лебедочку мій!" а тому сыночку было 10 лѣтъ больше, нежели Оксанѣ. Только вѣрный цюра не ѣстъ и не пьетъ, а кормитъ нищихъ, да поетъ подъ окномъ:

„Ой гуси мои, гусинята!
Возьмить мене на крылята,
Понесить мене до батенька...“

И при этомъ словѣ цалуетъ свое ружье, словно покойнаго пана атамана, и плачетъ...

Не думайте, читатели, чтобы я выдумалъ это событіе; я только прибавилъ два, три слова; все взялъ изъ оффиціальной бумаги за № и большою печатью и внизу подписанной: „*Полковникъ Иванъ Мандро* съ старшиною и товариствомъ“. Не правда-ли, сколько тутъ поэзіи: и въ юности добраго козака, и въ его духовной, и въ самоотверженности старухи „знахарки“, почти ежедневно терпящей отъ голода, и вѣрнаго слуги, оборваннаго и бѣднаго, безъ рода и племени, „какъ всѣ молодики“, и уже раздѣлявшаго послѣднее добро съ толпою нищихъ и калѣкъ, своихъ братій по страданію![1])

Воспоминанія подольскаго старожила о временахъ крѣпостного права. Нигдѣ въ Россіи крѣпостное состояніе не было такъ мучительно-тяжело для крестьянъ, какъ въ юго-западномъ (и сѣверо-западномъ) краѣ. Въ остальной Малороссіи, какъ и въ Великой-Россіи, помѣщика и крестьянина объединяло единство вѣры и національности, и сознаніе этого единства, хотя до извѣстной степени, смягчало ихъ взаимныя отношенія. Не то было въ юго-западныхъ губерніяхъ. Здѣсь «панъ» и подвластный ему «хлопъ» были крайними полюсами, представлявшими двѣ искони враждовавшія между собою народности, религіи и культуры. Здѣсь четыре съ половиною милліона сельскаго населенія, испоконъ-вѣка русскаго и православнаго, принадлежавшаго, и по старому историческому праву, и по только-что совершившемуся (въ концѣ XVIII ст.) факту завоеванія, къ племени коренному, господствующему, къ племени побѣдителей,—въ силу крѣпостного права закрѣпощены были въ подданство сравнительно ничтожному по числу сословію иновѣрцевъ и инородцевъ, которое и de jure и de facto принадлежало къ племени пришлому и побѣжденному. Эта масса сельскаго населенія по старой памяти, еще до временъ Хмельницкаго и Желѣзняка, питала непримиримую вражду къ сво-

[1]) Отрывокъ изъ посмертныхъ распоряженій Григорія Покотила напечатанъ въ Истор. Нов. Сѣчи, 1846 г., т. 1, стр. 198.

имъ помѣщикамъ-полякамъ, и во время мятежа 1831 года многіе крестьяне, какъ и въ мятежъ 1863 года, усерднѣйшимъ образомъ хватали и передавали въ руки начальства своихъ пановъ, руководимые, кромѣ вѣковой ненависти, надеждами на выходъ изъ своего безотраднаго положенія. Но надежды не сбылись, а за усердіе пришлось бѣднякамъ дорого поплатиться. Имѣнія замѣшанныхъ въ мятежѣ и осужденныхъ перешли или къ ихъ родичамъ, или, конфискованныя въ казну, были сдаваемы въ арендное содержаніе тѣмъ же полякамъ-шляхтичамъ, которые, опираясь на полицейскую и судебную власти, находившіяся въ рукахъ чиновниковъ, по большей части ихъ же «родаковъ», постарались теперь воздать сторицею «хлопамъ» за недавнія услуги. Руководясь, кромѣ мщенія, принципами крѣпостной политической экономіи, помѣщики и арендаторы видѣли въ усиленіи панщины и повинностей всякаго рода вѣрный источникъ для поправленія состоянія, потрясеннаго мятежемъ. Съ этого именно времени въ архивахъ мѣстнаго управленія накопляется огромная масса дѣлъ о всевозможнаго рода притѣсненіяхъ крестьянъ; эти дѣла еще ждутъ своего историка. Въ нихъ сплошь и рядомъ живыми красками рисуются такія потрясающія картины безчеловѣчныхъ жестокостей и неимовѣрныхъ страданій, что встревоженная мысль читателя невольно переносится ко временамъ христіанскихъ мучениковъ... Чтобы сколько-нибудь оградить крестьянъ отъ этого дикаго произвола со стороны рабовладѣльцевъ, генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ ввелъ въ 1847 г. извѣстныя *инвентарныя* правила, которыми точно опредѣлялись крестьянскія повинности и число рабочихъ дней. Но опытъ показалъ, что и эта мѣра (противъ которой въ свое время такъ энергично протестовали помѣщики) мало облегчила положеніе крестьянъ: съ одной стороны, за исполненіемъ инвентарныхъ правилъ должны были слѣдить главнымъ образомъ предводители дворянства (поляки-помѣщики) и затѣмъ все тѣ же малонадежные полицейскіе чиновники; а съ другой—владѣльцы и ихъ управители, лишенные прежняго права пользоваться крестьянскимъ трудомъ въ теченіе всей недѣли, остроумно перевели *поденную* барщину на *урочную,* что косвенно дозволялось и инвентарными правилами. Къ какимъ невыгоднымъ для крестьянъ результатамъ приводила эта *урочная* система—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ «Воспоминанія» подольскаго старожила, протоіерея Н. Михневича, помѣщенныя въ «Подольскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» 1890 года. Достойно вниманія, что воспоминанія ѳ. Михневича ближайшимъ образомъ

относятся къ имѣніямъ *русскаго* вельможи графа Гудовича; между тѣмъ оказывается, что въ экономіяхъ этого столичнаго предводителя дворянства вся администрація была исключительно *польская*, и крестьянамъ въ его имѣніяхъ жилось ничуть не легче, чѣмъ въ польскихъ помѣстьяхъ. Такъ было и въ казенныхъ имѣніяхъ, сдававшихся въ аренду все той же польской шляхтѣ.

«Когда я сталъ пастыремъ словеснаго стада (разсказываетъ о. Михневичъ, принявшій священство въ 1839 году), крѣпостное право проходило три стадіи: 1) древнее крѣпостное право, безъ всякаго права для крестьянина; 2) урочное время съ 1847 года[1]), когда для отбыванія барщины назначались уроки, и наконецъ 3) временно-обязательная барщина въ 1861 году, когда крестьяне обязаны были, послѣ объявленія имъ свободы, еще нѣсколько лѣтъ отбывать барщину помѣщикамъ. Самое тяжелое для крестьянъ время—это были уроки. Наступала косовица, и на одного дѣйствительнаго косаря отмѣривались покосы и на его жену, и на дѣтей, если они уже ходили на панщину. Во время жнивъ было то же, и не разъ случалось видѣть, что на двухъ-трехъ десятинахъ, отмѣренныхъ, какъ уроки, для всѣхъ лицъ семьи, жнетъ одна душа, мужъ или жена; съ понедѣльника до субботы они не кончали работы, а съ понедѣльника назначались уже новые уроки. На себя работали люди только по ночамъ, и Богъ вѣдаетъ, какъ выдерживала ихъ натура этотъ сверхъчеловѣческій трудъ. Но особенно трудна была молотьба. У крестьянина жена и двое дѣтей, отбывающихъ барщину, положенную на четыре души,—экономъ выбрасываетъ по 3 копы, такъ какъ всякая душа должна была отбывать въ недѣлю три урока, и бѣдный мужикъ цѣлый день первый только носитъ изъ скирды 12 копъ въ свой стожокъ и затѣмъ молотитъ и молотитъ, а если до субботы не кончитъ своихъ уроковъ, то *его молотятъ*... Я жилъ въ имѣніи графа Гудовича, бывшаго 13 лѣтъ московскимъ предводителемъ дворянства. Богатство и связи огромныя! Могъ ли быть противъ такого лица какой-нибудь протестъ со стороны крестьянства? Все молчало и терпѣло. Всѣ служащія лица въ экономіи графа Гудовича, отъ управляющаго до послѣдняго конюха,—все было польское; о русскомъ языкѣ не было и помину. Полиція получала отъ экономіи значительную

---

[1]) Въ „Под. Еп. Вѣдомостяхъ“, откуда мы цитируемъ (Прибавленіе къ № 17 1890 г.), напечатано „въ 1842 году“. Полагаемъ, что это опечатка, такъ какъ по всему видно, что рѣчь идетъ объ инвентаряхъ 1847 года.

субсидію, но и безъ того она не смѣла рта разинуть, боясь за свое существованіе и служебное положеніе. А что же духовенство? Предъ польскими властями оно было безсильно. Когда священникъ просилъ эконома за какого-нибудь крестьянина, то экономъ, приступая къ экзекуціи, говорилъ: «Я думавъ тоби даты 25 ризокъ, але ты скаржывся попови, то я дамъ тоби 50», и слова приводились въ дѣйствіе. Былъ случай въ с. Великой-Вербкѣ, гдѣ я жилъ, что крестьянинъ чѣмъ-то оскорбилъ эконома; тотъ послалъ за нимъ двухъ десятскихъ. Когда они вели его около пруда, несчастный, предчувствуя муки, вырвался изъ рукъ провожавшихъ, бросился въ прудъ и утонулъ. На другой день вытащили трупъ, и онъ три дня лежалъ на берегу пруда. Плачъ жены и дѣтей погибшаго возбуждалъ жалость въ крестьянахъ, и они тоже плакали. Наконецъ пріѣхала полиція и безмолвно дала мнѣ предписаніе: крестьянина, «неосторожно утонувшаго», предать землѣ по христіанскому обряду. Во время лежанія трупа на берегу пруда проѣзжалъ мимо экономъ, и одинъ крестьянинъ не выдержалъ и крикнулъ эконому: «душегубець! изъ-за тебе люды топлятся! Богъ тебе накажетъ!» Экономъ поѣхалъ сейчасъ съ жалобою къ управляющему на мужика, его оскорбившаго, какъ ему казалось и его панскому гонору; крестьянина привели на другой день на конюшню управляющаго, который предоставилъ эконому удовлетворить себя за обиду, и онъ удовлетворилъ, и окровавленнаго крестьянина отвезла жена на возу, заливаясь слезами.

Въ это тяжелое время духовенство оказывало единственную нравственную поддержку для крестьянъ: незримо оно воодушевляло ихъ нести терпѣливо свой тяжелый крестъ; въ церкви, на исповѣди, при исполненіи требъ, при вздохахъ бѣдныхъ тружениковъ, пастыри указывали на крестъ и распятаго на немъ Спасителя; не разъ духовные отцы плакали съ своими духовными дѣтьми,—и это сердечное участіе къ судьбѣ народа поднимало духъ его.

Для духовенства юго-западнаго края въ этотъ «урочный» періодъ времени было тоже немало горя. Правила объ урокахъ барщины читали торжественно въ церкви, въ присутствіи предводителя дворянства, исправника, благочиннаго и станового пристава; гдѣ былъ помѣщикъ на лицо, приглашался и онъ въ это собраніе. При крестьянахъ правила передавались мѣстному священнику съ заявленіемъ крестьянамъ, что чего они не будутъ знать или станутъ сомнѣваться въ чемъ, то обращались бы къ своему священнику. Теперь крестьяне увидѣли, что уроки тяжелѣе имъ прежней панщины, при

которой бывало, что если мужикъ пошелъ тайкомъ куда-нибудь въ сторону на заработки и тамъ пробылъ недѣлю и двѣ и затѣмъ приходилъ, то его подвергали только «сѣкуціи», а время работы уже пропадало и не взыскивалось; а при урокахъ ему считали и пропущенную работу, и онъ впадалъ въ неоплатные долги по неисполненію уроковъ. Священники, по требованію прихожанъ, читали правила уроковъ, а крестьяне волновались, но, конечно, не отъ чтенія правилъ объ урокахъ, а отъ невыносимой ихъ тяжести, а помѣщики-поляки всю вину сваливали на священниковъ. Эти жалобы получало правительство, и велѣно было отобрать эти правила отъ священниковъ; но дали ихъ открыто, а отобрали секретно. Тутъ священники стали среди двухъ огней: помѣщики жаловались, что священники читаютъ крестьянамъ правила, хотя и секретно, а прихожане нарекали на своихъ пастырей, почему не читаютъ. Вслѣдствіе этого многіе священники пострадали: ихъ переводили на другія, часто худшія, мѣста, и когда священники, чувствуя свою невинность, упирались и не хотѣли переходить на другіе приходы, имъ угрожали полицейскими мѣрами и нерѣдко угрозы приводились въ исполненіе. Тутъ часто архипастыри были не при чемъ; священниками нерѣдко распоряжалась гражданская власть.

Но все это прошло, какъ сонъ: явилось 19 февраля 1861 года— и крестьянинъ вздохнулъ свободнѣе, и духовенство стало самостоятельнѣе. Но полную свободу принесъ 1863-й годъ, когда вспыхнулъ польскій мятежъ. Всѣ обязательныя отношенія крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ кончились. Ксендзы стали кланяться священникамъ, паны пожимали руки имъ. Водворились естественныя отношенія между пастырями и пасомыми. Всякій достойный іерей, строго исполнявшій свои обязанности и далекій отъ вымогательствъ, былъ глубоко уважаемъ народомъ. Экономическое положеніе крестьянъ послѣ 1863 года быстро стало возрастать; черезъ годъ—два бѣдный мужикъ, имѣвшій двѣ овечки, уже имѣлъ пару лошадокъ и коровку для молока дѣтямъ. Доходы церквей и духовенства значительно поднялись»..,

F.

Крестоносъ (*Бытовая картинка*). Дивныя мѣста у насъ, въ южной Волыни! Всюду горы и пригорки, лѣски, дубравы и гайки по склонамъ горъ; а внизу изъ-подъ горъ текутъ родники, свѣтлые и чистые, блеститъ маленькая рѣчка, бѣлѣетъ плотина, высыпанная мергелемъ; за ней небольшой «ставокъ», а при немъ непремѣнно мельничка, день и ночь шумящая своими колесами. Селенія у насъ расположены обыкновенно на косогорахъ. Хатки бѣлыя, крытыя соломой, съ непремѣннымъ крестомъ, выдѣланнымъ на фронтовой части крыши. Ниже усадебъ идутъ огороды, а за ними—левады и сѣнокосы. Церковь стоитъ непремѣнно на пригоркѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ жилищъ, обсаженная вокругъ вѣковыми липами, кленами, яворами и ясенями. Кто садилъ эти деревья—никто не знаетъ. „У насъ на сели и памятныка (т. е. помнящаго) такого немае, щобъ знавъ, хто тіи дерева посадывъ"—говорятъ крестьяне. Церковь обычно деревянная, дубовая, построенная въ формѣ корабля, иногда съ тремя куполами. Крестьяне очень привязаны къ своимъ старымъ церквямъ и сердечно благодарятъ, если кто похвалитъ ихъ церковь.

Въ нашемъ селѣ была такая же церковь, только очень ужъ старенькая. Старые люди говорили, что она стояла болѣе двухсотъ лѣтъ: её строили еще въ то время, когда турки „воювалы св. Почаивъ". Хранились въ ней старыя, очень старыя книги и утварь, было евангеліе, которому считали около трехсотъ лѣтъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ ѣздилъ по нашимъ мѣстамъ какой-то человѣкъ, возилъ съ собою красивыя новыя книги и церковныя вещи и „морочывъ" людей, вымѣнивая старыя вещи и книги на новыя. Обошелъ онъ и нашего молодого батюшку: далъ ему новое евангеліе, а себѣ взялъ старое. Какъ узнали объ этомъ наши люди—чуть не плакали: „Покійный панотець не зробылы бъ сёго й зроду!" Стараго батюшку очень любили у насъ; его родъ священствовалъ въ нашемъ приходѣ болѣе двухсотъ лѣтъ; а нынѣшняго батюшку прислали къ намъ откуда-то изъ Полѣсья.

Когда наша старая церковь стала совсѣмъ уже тѣсна, да и отъ ветхости разошлась въ углахъ и накренилась, рѣшили построить новую церковь. На нашихъ дубравныхъ сѣнокосахъ нарубили сколько нужно дубовъ, нарѣзали изъ нихъ брусьевъ, подрядили „руськыхъ"—плотниковъ и стали строить. За постройкою наблюдали, кромѣ священника и старосты, выборные отъ „громады", а больше всѣхъ Мыкола Чорный, человѣкъ еще не старый, но поль-

зующійся у насъ всеобщимъ уваженіемъ за разумъ, физическую силу и „прыхильнисть до Божого дому". Въ одно лѣто постройка была вчернѣ окончена. Новая церковь оказалась куда выше и помѣстительнѣе старой, а колокольня, по оцѣнкѣ крестьянъ, „мало чымъ ныжча, нижъ у святому Почаиви". Все уже было готово, оставалось только водрузить крестъ на куполѣ церковномъ. Хорошо вызолоченый крестъ стоялъ на „цвынтари", и всѣ люди ходили глядѣть на него. На воскресеніе было назначено освященіе креста и постановка его на церкви. Рано утромъ сталъ собираться народъ; многіе пришли изъ окрестныхъ селъ; съѣхались и сосѣдніе священники. Когда освящали крестъ, люди жертвовали „хусткы", ручники, полотна и деньги. Окончилось служеніе. Плотники-мастера, немного уже выпившіе, стали было увязывать крестъ, чтобы тянуть его вверхъ по блоку. Всѣ присутствовавшіе были какъ-то смущены; а Мыкола Чорный сталъ передъ крестомъ и говоритъ:

— Негодыться святый хрестъ тягты вирёвкою!

— Чаво тамъ „негодится?" возразили плотники. Хохламъ все годится—Богу молиться.

Подошли ближе старики и стали говорить:

— Мыкола добре каже; колысь було тее, що люды на крыжахъ (на спинѣ) зносылы хрестъ святый на церкву, а не тяглы на блокахъ та на вирёвкахъ.

— Правда, свята правда!—загудѣли остальные.

— Я хочу знесты святый хрестъ на крыжахъ,—сказалъ Мыкола.

— Молодецъ хахолъ! И то можно! сказали мастера. Только знай, братъ, что крестъ-то маленько тяжеловатъ: въ немъ вѣсу-то четыре пуда и десять фунтовъ!

— Дозвольте мени знесты святый хрестъ на крыжахъ! сказалъ Мыкола и поклонился священникамъ и народу на всѣ стороны.

— Якъ що маешъ надію на Бога, нехай тоби святый Господь допомагае! отвѣтили люди. Священники тоже согласились.

Мыкола положилъ три земныхъ поклона, приложился къ кресту, поклонился на всѣ стороны; а тѣмъ временемъ мастера сняли крестъ съ подставки и начали увязывать его „на крыжахъ" у Мыколы. Весь погостъ притихъ въ нѣмомъ ожиданіи, а одна молодая матушка такъ испугалась, что бѣгомъ пустилась въ домъ священника. Нѣкоторые изъ молодыхъ подошли и предложили Мыколѣ

свою помощь; онъ наскоро поблагодарилъ, но отъ помощи отказался.

— Молодецъ ты, братъ Мыкола! Помогай тебѣ Богъ! сказали мастера и, внимательно оглядѣвъ, прочно ли увязанъ крестъ, мигомъ шмыгнули по лѣстницамъ и канатамъ на самый верхъ церкви, и стали ожидать тамъ Мыколу съ крестомъ.

Медленно и осторожно началъ онъ взбираться по лѣстницѣ.

Она крѣпко гнулась и шаталась подъ нимъ. Были минуты, когда всѣ замирали отъ ужаса, что вотъ-вотъ лѣстница не выдержитъ десятипудовой тяжести и обломится. Но, хвала Богу, Мыкола благополучно добрался до самого верха. Тамъ мастера сняли съ него крестъ и уставили его на мѣсто.

Когда Мыкола спустился внизъ, его умиленное лицо сіяло какимъ-то внутреннимъ просвѣтлѣніемъ, а на плечахъ, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ лежалъ крестъ, выступили сквозь сорочку кровавыя пятна. Люди окружили его, но онъ стоялъ молча и, казалось, не видѣлъ никого; потомъ вдругъ началъ плакать—сначала тихо, затѣмъ все сильнѣе, всхлипывая какъ ребенокъ. Всѣ съ участіемъ обступили его: „Чого плачешъ, Мыколо? Може тоби боляче? Тутъ и диды и бабы, усяке зилья и добри масти знають: якъ помастышъ, хутко загоиться!"

— Ни, добри люде,—проговорилъ Мыкола,—не того я плачу; мени зовсимъ не боляче. А якъ прыгадаю соби, що Хрыстосъ нисъ хрестъ и пролывавъ свою кровъ за насъ гришныхъ,—и мени Господь давъ велыке щастя несты хрестъ и пролыты свою кровъ за святый хрестъ,—то якъ прыгадаю соби тее, не можу втрыматысь, щобъ не плакаты!..

Дѣло о совращеніи въ католицизмъ княжны Любомирской.

Разбирая бумаги, оставшіяся послѣ протоіерея г. Ровно, волынской губерніи, о. Андрея Корноковскаго, я съ особымъ интересомъ остановилъ свое вниманіе на нѣкоторыхъ, какъ оффиціальныхъ (указы волынской консисторіи), такъ и неоффиціальныхъ (частныя письма) документахъ, дающихъ возможность сказать нѣсколько словъ по поводу невыясненнаго еще длиннаго дѣла о совращеніи княжны Зинаиды Михайловны Любомирской въ католицизмъ. Зин. М. Любо-

мирская была православной дочерью могилевскаго губернскаго предводителя дворянства Михаила Голинскаго. Михаилъ Голинскій принадлежалъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію; но женился на православной (дочери графа Толстого) и подпиской обязался воспитывать своихъ дѣтей въ православіи. Князь Казимиръ Фридриховичъ Любомирскій, вліятельный помѣщикъ г. Ровно, которому принадлежали громадныя имѣнія въ волынской губерніи, женился на его дочери Зинаидѣ. Обрядъ обрученія хотя былъ благословленъ православнымъ священникомъ, но таинство брака съ польскою пышностью совершено было въ 1845-мъ году римско-католическимъ ксендземъ въ кіевскомъ костелѣ. Молодая супруга К. Любомирскаго, вращавшаяся преимущественно въ сферѣ польскихъ помѣщиковъ, составлявшихъ мѣстную аристократію въ краѣ, только номинально считалась православной, на самомъ дѣлѣ она совершенно оставила „wiaru chłopów“ и перешла въ католицизмъ, что явно выражалось нехожденіемъ ея въ православную церковь, небытіемъ у исповѣди, посѣщеніемъ костеловъ и соблюденіемъ польско-католическихъ обрядовъ. Такъ какъ княгиня оффиціально была приписана къ одному изъ православныхъ приходовъ, то благочинный Червинскій донесъ объ отступничествѣ Любомирской епархіальному начальству. А когда чрезъ нѣкоторое время у Зинаиды Михайловны родился сынъ, котораго крестили обливаніемъ въ костелѣ, онъ послалъ „вторичное доношеніе“, въ которомъ говорилъ, что „отступленіе отъ православія высокопоставленной особы можетъ производить соблазнъ въ средѣ прихожанъ, ибо повлечетъ за собою разные толки, могущіе послужить къ непоколебимости для православныхъ въ ввѣренной ему паствѣ“ [1]).

Послѣ Червинскаго благочиннымъ былъ о. Венедиктъ Омелянскій, которому, повидимому, очень хотѣлось попасть въ миссіонеры къ двору Любомирскихъ и который съ этою цѣлью дѣлалъ самыя ревностныя донесенія („секретныя“) духовной консисторіи. Но волынская духовная консисторія почему-то нашла удобнымъ поручить это дѣло не о. Омелянскому, а другому протоіерею, о. Равиновичу. Послѣдній получилъ формальное предписаніе убѣдить безотлагательно всѣми мѣрами З. М. Любомирскую обратиться въ православіе, и донести консисторіи о результатахъ дѣла. Равиновичъ медлилъ донесеніемъ. Доносить было нечего. Его увѣщанія (если они только

---

[1]) Донесеніе отъ 5 января (безъ обозначенія года) № 3.

были въ дѣйствительности) остались безрезультатны. Чрезъ нѣкоторое время послѣдовалъ новый консисторскій указъ, которымъ на помощь Равиновичу назначался еще протоіерей ровенскій о. Лотоцкій. Совмѣстными усиліями двухъ протоіереевъ было достигнуто только то, что Зинаида Михайловна Любомирская *обѣщала* выполнить долгъ исповѣди по православному чину у о. Лотоцкаго, о чемъ и было донесено консисторіи. Консисторія и епархіальныя власти между тѣмъ почему-то сильно интересовались этимъ дѣломъ. Въ 1850 году волынская консисторія, не получая никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій отъ Равиновича о ходѣ дѣла, поручила протоіерею Венедикту Омелянскому забрать справки, что сдѣлано Равиновичемъ по дѣлу присоединенія къ православію Зинаиды Любомирской и почему Равиновичъ ничего не доноситъ?[1]) Протоіерей Омелянскій донесъ, что о. Равиновичъ медлитъ этимъ дѣломъ, но вмѣсто разъясненія причинъ медлительности переслалъ въ консисторію какую-то переписку объ отступничествѣ Любомирской, переданную ему о. Лотоцкимъ.[2]) Чего касалась эта переписка,—изъ документовъ, какіе были у насъ подъ руками, не видно. Черезъ 5 лѣтъ, въ 1855—6 годахъ консисторія снова подняла дѣло о Любомирской и стала посылать указы за указами[3]), но протоіерей Лотоцкій донесъ, что Любомирская уже два года за границею, гдѣ проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ. З. М. Любомирская въ выѣздѣ за границу нашла для себя лучшее средство избавиться отъ претензій русскихъ священниковъ.

Въ этомъ дѣлѣ интересны нѣкоторыя интимныя бумаги, наприм. секретное отношеніе протоіерея Омелянскаго къ Казимиру Фридриховичу Любомирскому въ 1858 году съ представленіемъ подлиннаго указа о дѣлѣ Любомирскихъ и просьбою дать ему „совѣтъ и наставленіе, что я долженъ отвѣчать своему начальству"[4]). Почтенный протоіерей не постѣснялся въ оффиціальной бумагѣ, за нумеромъ, просить „противную" сторону научить его, какъ ему дѣйствовать въ интересахъ православія... Нужно думать, что Казимиръ Фридриковичъ далъ о. протоіерею соотвѣтствующій „совѣтъ и на-

---

[1]) Ук. вол. дух. конс. 1850 г. отъ 23 дек. за № 10,772.

[2]) Отнош. 1851 г. отъ 8 янв. за № 3.

[3]) Указъ вол. консист. 1855 г. за № 12,155; указъ вол. конс. 1856 г. отъ 30 іюня за № 4,581.

[4]) Отнош. 1858 г. отъ 20 сент. за № 102.

ставленіе", судя по тому, что послѣ этого дѣло о присоединеніи княгини отложено было на долгое время. На особомъ „чернякѣ" (безъ хронологич. даты и подписи) сохранились между прочимъ наброски любопытнаго письма, писаннаго, кажется, рукою протоіерея о. Равиновича къ Любомирскому: „Досточтимый Казимиръ Фридриховичъ! Корецъ муки зъ крупою я получилъ и за вашу добрость очень благодару, а за мелево также бардзо (т. е. очень) дя́чу (благодарю). Только бы по своему протоіерейству я не попался-бы въ лапы консисторіи, которая занадто (слишкомъ) чепляется (т. е. пристаетъ)... Что касается до жалобы, то совѣтую дуже (т. е. очень) не беспокоиться, бо зъ того ницъ (ничего) не выйде... А бумагу зъ извѣстнымъ вамъ доношеніемъ я давно послалъ зъ нарочнымъ куды слѣдуетъ"... (дольше три строчки разобрать нельзя было). Это письмо о. протоіерея прямо указываетъ дѣйствительные интересы нѣкоторыхъ изъ лицъ мѣстнаго духовенства въ дѣлѣ присоединенія кн. Любомирской къ православію. Дѣло это, можетъ быть, потому и затянулось такъ долго: еще въ 70-хъ годахъ оно не было окончено, судя по указу вол. дух. консисторіи, которымъ протоіерею ровенскому Клюковскому предписывалось употребить „все свое пастырское усердіе и опытность къ возвращенію Любомирскихъ въ нѣдра православія"[1]). Но о. Клюковскій отвѣтилъ на это предписаніе цѣлымъ рядомъ какихъ-то жалобъ на затрудненія и интриги... Кажется, это дѣло такъ и кончилось ничѣмъ.

Что касается разныхъ жалобъ и доношеній, которыхъ было много въ этомъ дѣлѣ, то умѣстно вспомнить слова м. Филарета, сказанныя по поводу подобныхъ дѣлъ юго-западнаго края: „Тутъ много жалобъ и воплей неизвѣстно на кого; много разнородныхъ предметовъ, большею частью неопредѣленныхъ потребными обстоятельствами" [2])...

Ѳ. Кудринскій.

---

[1]) Отъ 9 февр. 1870.

[2]) Рус. Арх. 1873 г. кн. 2. стр. 135. Письма м. Филарета къ Нечаеву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Историко-топографическіе очерки древняго Кіева *(съ планомъ древняго Кіева 1638 г.) Н. И. Петрова. Кіевъ, 1897 г.*

Кіевъ, его святыни и памятники. Сост. проф. Петровъ. *Редакція В. И. Шемякина (Приходская библіотека). Спб. 1896.*

Названныя книги принадлежатъ одному автору и посвящены одному предмету, но изложены въ совершенно различной формѣ. „Очерки“ представляютъ рядъ серьезныхъ статей, снабженныхъ всѣмъ научнымъ аппаратомъ и первоначально печатавшихся въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“; „Кіевъ“ появился въ популярномъ изданіи „Приходской библіотеки“, разсчитанной на простого „грамотнаго читателя“ и представляетъ популярный очеркъ Кіева и путеводитель по кіевскимъ святынямъ. Тѣмъ не менѣе оба сочиненія преслѣдуютъ, повидимому, одну общую цѣль. Задача „Очерковъ“, какъ видно изъ предисловія къ этой книгѣ, состоитъ въ объединеніи разрозненныхъ матеріаловъ и изслѣдованій по исторической топографіи Кіева съ цѣлью „представить пока общую только схему ея, на основаніи которой можно было бы въ послѣдствіи времени построить и полную историко-топографическую картину древняго Кіева“. Вторая изъ названныхъ книгъ, повидимому, представляетъ попытку такого синтетическаго построенія, хотя, по замѣчанію самого г. П., „въ этой книгѣ, вслѣдствіе популярнаго характера ея, не вездѣ могли быть указаны и полно развиты научныя основанія проводимыхъ имъ новыхъ взглядовъ на истори-

ческую топографію Кіева" („Очерки" Предисл.). Посмотримъ же, какъ поставленная задача выполнена въ обоихъ сочиненіяхъ.

Остановимся сначала на „Очеркахъ". Книга эта составлена по слѣдующему плану. Въ краткомъ вступленіи (стр. 1—5) излагается общій очеркъ исторіи Кіева съ древнѣйшихъ (доисторическихъ временъ до X в., съ указаніемъ постепеннаго заселенія различныхъ частей территоріи города. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе этихъ частей и находящихся на нихъ достопримѣчательностей въ порядкѣ ихъ (предполагаемаго) заселенія, а именно: 1) Щековица и ея окрестности, 2) Плоская часть или Оболонь, 3) Печерскъ, 4) Старый городъ, 5) Подолъ и 6) нѣкоторые загородные памятники древности и святыни (Песочный городецъ, Вышгородъ и Межигорье). Самое изложеніе представляетъ довольно полный сводъ изданныхъ и отчасти неизданныхъ матеріаловъ; г. П. постоянно цитируетъ какъ старыхъ изслѣдователей (Берлинскій, Фундуклей, Максимовичъ, Закревскій), такъ и позднѣйшихъ (Антоновичъ, Бѣляшевскій, Грушевскій, Гошкевичъ, Лашкаревъ, Лебединцевъ, Хвойко и мн. др.), чуть не на каждой страницѣ встрѣчаются ссылки на Кіевскую Старину, Чтенія въ Обществѣ Нестора лѣтописца, Археологическую картѣ Кіевской губерніи В. Б. Антоновича, Планъ Кіева 1695; изъ неизданныхъ матеріаловъ г. П. ссылается на различныя изображенія К. П. Лавры, планы Кіева 1713—1715 и 1719 г. и на только что изданный имъ приложенный и къ настоящему изданію планъ Кіева Кальнофойскаго.

Всѣ указанныя особенности придаютъ большой интересъ книгѣ г. П. Но при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ она представляетъ и крупные недостатки. Такъ общія положенія, на которыхъ основанъ весь планъ сочиненія, далеко не могутъ быть признаны научно обоснованными. Для доказательства своихъ предположеній о постепенномъ заселеніи территоріи Кіева г. П. съ одинаковымъ довѣріемъ ссылается на безспорныя археологическія и историческія данныя, и на легендарныя сказанія. Такъ признавая „баснословное" и „экономическое" значеніе легенды о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, онъ тѣмъ не менѣе пріурочиваетъ ее къ VI вѣку, а такъ какъ потомки этихъ князей покорились Хозарамъ, то слѣдовательно „въ періодѣ Хазарскаго владычества средоточіемъ кіевской жизни была часть Кіева, соотвѣтствующая древней Щековицѣ" (5). „Хазаръ смѣнили два *варяжскіе боярина* князя Рюрика"—Аскольдъ и Диръ; они „укрѣпились южнѣе древней Щековицы: Аскольдъ на

нынѣшемъ Печерскѣ, а Диръ, по всей вѣроятности, на западномъ склонѣ горы Кія". „Со времени Олега первенствующее значеніе получаетъ гора Кія или нынѣшній Старый городъ и защищаемый имъ Кіевоподолъ" (тамъ же). Мы думаемъ, что введеніе легендарнаго элемента привело къ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Что Щековица и прилегающія къ ней высоты представляютъ древнѣйшіе населенные пункты кіевской территоріи—это несомнѣнно доказывается археологическими находками; но также несомнѣнно сравнительно позднее возникновеніе „Стараго *Кіева*" (съ чѣмъ, отчасти, согласенъ и г. П.). Возвышеніе Печерска при Аскольдѣ болѣе чѣмъ сомнительно, если даже вѣрить тому, что Аскольдова могила дѣйствительно находилась на Печерскѣ [1]). Точно также сомнительно позднее заселеніе Подола; правда г. П. основываетъ это свое мнѣніе на археологическихъ данныхъ и ссылается на „Арх. карту" пр. Антоновича, но тотъ же пр. А. въ публичныхъ лекціяхъ (изд. въ 1897 г.) высказывается объ этомъ вопросѣ совершенно въ другомъ смыслѣ [2]).

Что касается остальныхъ изслѣдованій, между которыми встрѣчаются не только своды уже высказанныхъ мнѣній, но и самостоятельные очерки по неизданнымъ матеріаламъ (напр. о послѣдовательныхъ перестройкахъ великой церкви К.-П. Лавры, о постепенномъ переустройствѣ Печерска въ XVIII ст.), то и здѣсь на-ряду съ очень цѣнными и добросовѣстными изслѣдованіями встрѣчаются сомнительныя толкованія и противорѣчія. Не будемъ останавливаться на тѣхъ мнѣніяхъ, которыя основаны на своеобразномъ объясненіи г. Петровымъ плана Кальнофойскаго; г. П. и въ настоящемъ изслѣдованіи настаиваетъ на своемъ объясненіи и даже въ прибавленныхъ къ книгѣ „дополненіяхъ и поправкахъ" помѣстилъ цѣлую статью по этому вопросу (стр. 260—267). Постанова эта представляется намъ столь же мало убѣдительною, какъ и предисловіе къ новому изданію плана Кальнофойскаго, о которомъ мы имѣли

---

[1]) Что г. П. имѣлъ въ виду только этотъ фактъ, показываетъ слѣдующая его фраза: „Аскольдъ, судя по его могилѣ, сидѣлъ на нынѣшнемъ Печерскѣ" (стр. 53).

[2]) „Древнее заселеніе Подолія и его торговая дѣятельность подтверждаются находками на Подолѣ монетныхъ кладовъ, языческихъ гробницъ и спорадически разсѣянныхъ отдѣльныхъ предметовъ древности, относящихся къ до-христіанскому времени (Публ. лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя пр. П. Я. Армашевскимъ и В. Б. Антоновичемъ), (стр. 53).

случай высказаться на страницахъ „Кіевской Старины“ (1896, № 12). Не будемъ останавливаться и на случайныхъ обмолвкахъ, вродѣ того, что „названія Хоревица и Угорское происходятъ отъ одного корня (52), или категорическаго утвержденія, что Богоявленскій монастырь *съ Академіею основанъ* въ 1615 г. дворянкою Галшкою *(Еленою)* Гулевичевною Лозкиною (206). Но не можемъ не указать на странное противорѣчіе въ описаніи К. П. Лавры. На стр. 78 читаемъ: „Въ 1230 г. 3 мая произошло въ Кіевѣ землетрясеніе, отъ котораго великая церковь печерская разступилась на четыре части, т. е. дала большія четыре трещины, *которыя и обнаружены были въ 1881 г.* при ремонтировкѣ штукатурки наружныхъ стѣнъ этой церкви“. И непосредственно затѣмъ: „Въ 1240 г. Батый *совершенно раззорилъ* Печерскую обитель, *превративъ ее въ развалины*, за исключеніемъ малаго Предтеченскаго храма и Троицкой церкви надъ вратами лавры“. Вслѣдъ затѣмъ говорится, что великая церковь печерская долго еще „повидимому находилась въ развалинахъ“ и была возстановлена только въ 1470 г. Симеономъ Олельковичемъ.

Вторая книга написана по тому же плану, какъ и „Очерки“, но изложена совершенно иначе. Она состоитъ изъ двухъ частей: 1) краткій очеркъ исторіи Кіева и 2) Описаніе отдѣльныхъ мѣстностей, святынь и памятниковъ кіевскихъ. Первая часть соотвѣтствующая краткому предисловію „Очерковъ“, занимаетъ болѣе 1/4 всей книги (51 стр. изъ 180); вторая распадается на тѣ же отдѣлы (по мѣстностямъ), но описаніе отдѣльныхъ мѣстностей слѣдуютъ другъ за другомъ, „придерживаясь того порядка, какому обыкновенно слѣдуютъ кіевскіе богомольцы при поклоненіи кіевскимъ святынямъ“ (53): Печерскъ, Старый городъ, Подолъ и, наконецъ, Щековица; изъ окрестностей описанъ только Вышгородъ. Ясно, что авторъ имѣлъ въ виду менѣе подготовленнаго читателя; но именно поэтому книга представляетъ не болѣе подробное[1]), а скорѣе сокращенное изложеніе фактовъ обслѣдованныхъ въ „Очеркахъ“. Что касается изложенія, то и здѣсь наряду съ удачно написанными страницами встрѣчаются изложенныя неясно и сбивчиво. Такъ, въ первой части, представляющей вообще довольно вѣрный и полный очеркъ исторіи Кіева съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени, встрѣча-

---

[1]) „*Подробнѣе* объ исторической топографіи древняго Кіева сказано авторомъ въ приготовленной имъ къ печати книгѣ: Кіевъ, его святыни и памятники“ („Очерки“, стр. 1).

ются мѣста очень неудачно изложенныя. Особенно неясно изложенъ древнѣйшій періодъ. „Еще задолго до того времени, говоритъ г. П., когда Русь выступила на поприще исторіи, мѣсто занимаемое Кіевомъ, заселено было *какимъ-то племенемъ*, которое жило въ пещерахъ" и т. д. „*Это племя* очень рано познакомилось съ предпріимчивыми греками"... Затѣмъ говорится о временномъ прекращеніи этихъ сношеній вслѣдствіе *вторженія варваровъ*, и о возобновленіи ихъ въ VI в., къ которому „нужно отнести баснословное лѣтописное преданіе объ основаніи г. Кіева тремя братьями: Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ". Потомки этихъ князей покорились Хозарамъ и „черезъ Хозаръ Кіевъ вошелъ въ торговыя сношенія съ восточными народами, какъ о томъ свидѣтельствуютъ клады *саманидскихъ* монетъ, найденные въ Кіевѣ" (1—2). Затѣмъ слѣдуетъ преданіе объ Аскольдѣ и Дирѣ. Мы думаемъ, что и подготовленному читателю не легко разобраться въ этой путаницѣ (гдѣ даже не упоминается имя славянъ), а неподготовленный, конечно приметъ ничто же сумняшеся всѣ упомянутыя но не названныя племена за предковъ русскаго народа и только съ недоумѣніемъ остановится передъ саманидскими монетами. Такое же недоумѣніе возбудитъ сообщеніе, что въ 1620 г. *возстановлена* была въ Кіевѣ православная іерархія, а въ 1632 г. она *разрѣшена* была и польскимъ правительствомъ (42). А въ болѣе подготовленномъ читателѣ не можетъ не вызвать недоумѣнія сообщенія объ основаніи *въ 1857 г.* въ Кіевѣ „множества учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ", открытіи Свято-Владимирскаго братства и нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ Историческаго *св. Нестора* при университетѣ и Церковно-археологическаго съ музеемъ при Духовной Академіи (49). Не говоримъ уже о мелкихъ погрѣшностяхъ, вродѣ Введенской Общины *Краснаго Креста* на Печерскѣ (51) и опечаткахъ въ собственныхъ именахъ (Вичуровщина стр. 22, Даніевская вм. Деміевская 51), очень неудобныхъ въ справочномъ изданіи, предназначенномъ для большой публики. Вторая часть книги представляетъ въ большинствѣ случаевъ повтореніе (часто буквальное) сказаннаго въ «Очеркахъ»,— съ одной стороны сокращенное—опущеніемъ подробностей и мотивировки высказываемаго мнѣнія, отчасти дополненное—описаніемъ новѣйшихъ сооруженій и памятниковъ и нѣкоторыми разъясненіями разсчитанными на менѣе подготовленныхъ читателей. И въ этой книгѣ г. П. находитъ возможнымъ ссылаться на планъ Кальнофойскаго, „разсматривая его съ оборотной стороны на свѣтъ" (напр.

стр. 20, 69, 80), хотя совершенно основательно не вдается въ толкованіе столь необычнаго пріема. При описаніи отдѣльныхъ памятниковъ встрѣчаются мелкіе недосмотры, вродѣ того, что имя Гулевичевны Галшки переводится (какъ и въ „Очеркахъ") Елена (150), или имя Сагайдачнаго упомянуто въ исторіи Братскаго монастыря только по тому поводу, что имъ пожертвованъ крестъ (156). Нельзя не указать еще на одну странную погрѣшность. Желая опредѣлить, какая мѣстность носила въ древности названіе Хоревицы, г. П. говоритъ: «въ послѣднее время съ большимъ основаніемъ отводятъ ей мѣсто на лѣтописномъ Угорскомъ, нынѣшнемъ Печерскѣ» и ссылается при этомъ на статью г. Маркевича („Къ древней топографіи Кіева"—К. С. 1887, 12). Мы справились съ указанною статьею и нашли тамъ два предположенія относительно Хоревицы: по мнѣнію автора, это была или „мѣстность нынѣшняго Софійскаго собора и окрестныхъ усадьбъ", или „гора, на которой стоитъ нынѣ Михайловскій монастырь"; „Липки же, а тѣмъ болѣе Печерскъ, были въ то время, по его словамъ, мѣстами не кіевскими" (l. c. 785—786).

Сопоставляя все сказанное, можно, кажется, придти къ тому выводу, что разбираемыя книги имѣютъ различную цѣнность. „Очерки" представляютъ первую попытку систематическаго свода и пересмотра старыхъ и, въ особенности, вновь изданныхъ матеріаловъ, и потому, не смотря на всѣ свои недостатки, представляютъ полезное пособіе для всякаго занимающагося мѣстною исторіею и имѣютъ извѣстную научную цѣнность. „Кіевъ" преслѣдуетъ двѣ задачи—съ одной стороны обобщеніе и систематизацію матеріала, помѣщеннаго въ „Очеркахъ", съ другой—популяризацію этого матеріала; ни одна изъ этихъ задачъ не можетъ быть признана выполненною: съ одной стороны „Кіевъ", какъ популярная книга ни въ какомъ случаѣ не представляетъ той „полной историко-топографической картины древняго Кіева", необходимость которой указываетъ г. П. въ предисловіи къ „Очеркамъ"; съ другой стороны—по обилію и недостаточно тщательному выбору фактовъ и по своему тяжелому и сухому изложенію „Кіевъ" не можетъ быть признанъ хорошей народной книгой и едва-ли найдетъ много читателей.

В. Щербина.

Сборникъ свѣдѣній о родѣ «Максимовичъ» (чей). *Составилъ И. Максимовичъ исключительно для членовъ своей семьи, родныхъ, друзей и добрыхъ знакомыхъ, не предназначая таковаго для продажи. Рига. 1897 г., 8 д. л., 143 стр., 4 портрета 1) и родословная роспись.*

Какъ видно изъ заглавія, книга о Максимовичахъ издана *pro domo sua*. Одинъ изъ нынѣ живущихъ Максимовичей пожелалъ собрать свѣдѣнія о своемъ родѣ и, потрудившись немало, издалъ настоящую книгу. Источники собранныхъ свѣдѣній перечислены въ началѣ книги. Отсюда прежде всего видно, что у составителя „Сборника" фамильно-архивныхъ бумагъ не было вовсе. Почти всѣ свѣдѣнія о Максимовичахъ взяты изъ печатныхъ источниковъ, причемъ послѣдніе оказались не бѣдными потому, что Максимовичи были одно время (при Мазепѣ) видными людьми, оставили по себѣ слѣды въ бытописаніяхъ родины.—Родоначальникомъ Максимовичей былъ Максимъ, который хотя и былъ повидимому сыномъ „жолнера войска Запорожского" Ивана Шимашенка, но отцовское свое прозвище потерялъ и сталъ называться новымъ—*Печерскимъ*, съ того времени, какъ онъ взялъ въ аренду у Кіевской лавры принадлежавшее ей мѣстечко Печерскъ. Это было во второй половинѣ XVII в. Вмѣстѣ съ печерскою арендою Максиму удалось получить и должность сборщика пошлинъ (индуктаря) на печерской таможнѣ, чрезъ которую провозились разные товары изъ Польши въ лѣвобережную Малороссію. Индуктаремъ Максимъ сталъ по выбору Мазепы, который замѣтивъ дѣловитость печерскаго арендатора, поручилъ ему важное „войсковое дѣло" „около выбраня индукты." Вмѣстѣ съ тѣмъ Мазепа взялъ Максима Печерскаго съ дѣтьми „въ свою оборону", считая его „выгоднымъ себѣ человѣкомъ", какъ писалъ объ этомъ и въ оффиціальныхъ актахъ. У Максима было семь или восемь сыновей; всѣ они были люди расторопные и учившіеся. Старшій—Іоаннъ, принявъ монашество, былъ экономомъ Кіевской лавры, не достигнувъ еще и тридцати лѣтъ. Второй сынъ Максима—Василій былъ компанейскимъ полковникомъ; Михаилъ и Антонъ—бунчуковыми товарищами и лишь одинъ Петръ остался малозамѣтнымъ значковымъ товарищемъ. За то четвертый сынъ Максима—Василій былъ компанейскимъ полковникомъ; Михаилъ и Антонъ—бунчуко-

1) Потреты приложены: Іоанна Максимовича, митрополита Тобольскаго, М А. Максимовича (писателя), и отца, и дяди составителя „Сборника".

выми товарищами и лишь одинъ Петръ остался малозамѣтнымъ значковымъ товарищемъ. Зато четвертый сынъ Максима—Дмитрій сталъ однимъ изъ ближайшихъ наперстниковъ Мазепы. Сначала онъ занималъ полковые уряды—писаря и судьи въ Нѣжинскомъ полку, но потомъ—конечно, по милости гетмана, Дмитрій сталъ войсковымъ *экзакторомъ*, т. е. откупщикомъ налоговъ на продажу водки, табаку и дегтю. Позднѣе Мазепа поставилъ Дмитрія М—ча генеральнымъ есауломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ его гетманскимъ „Кравчимъ". Эти *придворные* чины ввелъ въ гетманщинѣ Мазепа и, сколько извѣстно, давалъ ихъ своимъ приближеннымъ. При такихъ милостяхъ гетмана Дмитрій М-чъ женился на одной изъ видныхъ въ Малороссіи невѣстъ, на дочери несомнѣннаго *шляхтича* Федора Сулимы, другія дочери котораго были замужемъ: одна—за гетманичемъ Самойловичемъ, а другая за Лубенскимъ полковникомъ и тоже любимцемъ Мазепы, за Зеленскимъ; а когда ко всему этому Мазепа, не скупясь, надѣлилъ его нѣсколькими мѣстностями, то Дмитрій М-чъ сталъ однимъ изъ первыхъ лицъ въ гетманщинѣ.— Такимъ образомъ при Мазепѣ сыновья Максима Печерскаго стояли всѣ на виду, хотя и не всѣ занимали одинаковое положеніе. Но внуки Максима стали уже въ другое положеніе. Обстоятельства сложились такъ, что сначала осиротѣла семья старшаго изъ *Максимовичей*—Василія, когда послѣдній былъ убитъ въ сраженіи, въ 1694 г., а потомъ осиротѣла и семья Дмитрія *Максимовича*, когда онъ, за участіе въ измѣнѣ Мазепы, былъ сосланъ въ Архангельскъ. Вмѣстѣ съ ссылкою Дмитрій М-чъ потерялъ и всѣ свои маетности. Эти несчастные случаи въ семьяхъ двухъ старшихъ сыновей Максима и были одною изъ главныхъ причинъ, почему тутъ не сохранилось семейныхъ бумагъ: онѣ были растеряны, когда семья Василія и Дмитрія лишились своихъ главъ. Другіе сыновья Максима занимали положеніе уже не столь видное, а потому не имѣли возможности разбогатѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли случая и накопить семейныхъ бумагъ. Послѣднія накоплялись почти исключительно лишь у богатой старшины, которая, располагая и образованіемъ, и богатствомъ, не могла обходиться безъ бумажнаго веденія своихъ дѣлъ. Такимъ образомъ мы видимъ, почему у Максимовичей не сохранилось семейныхъ архивовъ. Извѣстный знатокъ и любитель малорусской письменной старины М. А. Максимовичъ, происходившій отъ Василія *Максимовича*, ревностно искалъ у родичей старыхъ бумагъ о своихъ предкахъ, коихъ не находилъ (кромѣ обычныхъ «универсаловъ»), потому

что ничего изъ дѣдовскихъ «шпаргаловъ» у этихъ внуковъ и правнуковъ и не было.

Такимъ образомъ составителю настоящаго „Сборника" оставалось собирать свѣдѣнія о своихъ предкахъ почти исключительно изъ книгъ, гдѣ случайно печатались разнаго рода упоминанія о Максимовичахъ. Повидимому, свѣдѣнія собраны обстоятельно и члены размножившагося теперь рода Максимовичей, конечно, скажутъ великое спасибо Ин. Кл. Максимовичу, давшему имъ возможность уразумѣть „лѣта рода родовъ" своихъ.

Сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Сообщая свѣдѣнія о Максимовичахъ, составитель „Сборника" подробно говоритъ и о М. А. Максимовичѣ, причемъ упоминаетъ и о дѣтяхъ его—сынѣ Алексѣѣ и дочери Ольгѣ. Объ Ольгѣ Михайловнѣ сказано, что она умерла въ 1891 году, и больше ничего. Видимо, что И. К. Максимовичу остались неизвѣстными *печатныя* свѣдѣнія объ общественной дѣятельности этой замѣчательной дѣвушки, такъ результатно потрудившейся въ короткую свою жизнь (р. 1865, † 1891) въ дѣлѣ народнаго образованія. Довольно полныя свѣдѣнія объ Ольгѣ М-нѣ были напечатаны въ львовской *Зорѣ* за 1893 годъ.

А. Л.

Materyały antropologiczno archeologiczne i etnograficzne *wydawane staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie. Tom I. Kraków. 1896. 8 д. л. 108+425 стр. Съ рисунк. древностей и планами Варшавы.*

Изданіе это, не смотря на то, что появляется первымъ томомъ, не имѣетъ предисловія, объясняющаго его планъ; но по содержанію этого тома слѣдуетъ думать, что „Materyały" замѣнили собою извѣстный сборникъ *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, который издавался тою же краковскою академіей. Прежній сборникъ дѣлился на три отдѣла: (1) *Dział archeologiczno-antropologiczny*, 2) *Dział antropologii w ściślejszem znaczeniu*, и 3) *Materyały etnologiczne*), а теперешній сборникъ дѣлится на два отдѣла:

1) *Dział archeologiczno-antropologiczny* и 2) *Dział etnograficzny*. Какъ въ прежнихъ сборникахъ, такъ и въ настоящемъ польская наука не упускаетъ изъ виду малорусскую народность, отводя ея

изученiю немалое мѣсто. Повидимому, такое вниманiе къ Малороссiи основывается на историческихъ воспоминанiяхъ... Въ настоящемъ сборникѣ Малороссiю имѣютъ въ виду слѣдующiя статьи: 1) *Юлiана Талько-Гринцевича*—Charakterystyka fizyczna ludności Podola na podstawie własnych spostrzeżeń, 2) *Елены Чеховской*—Wesele w Rudzku и 3) Dumki i pieśni ludu ruskiego z Zadnieprza, собранныя *Натальей Зиммеръ*. „Wesele w Rudzku“ заключаетъ въ себѣ обстоятельное описанiе свадебнаго обряда въ Пинщинѣ (Рудскъ находится на границѣ Пинскаго и Кобринскаго уѣзда), гдѣ малорусская народность, повидимому, сохраняетъ бытовыя свои черты въ неприкосновенности, благодаря топографическимъ условiямъ, вслѣдствiе которыхъ пинчуки мало сообщаются съ своими сосѣдями. Далекая старина слышится, напр., въ слѣдующей пѣснѣ:

Не наступай Лытва,
Буде съ намы бытва!
Будемъ быты, войоваты,
Дивоньки не даваты....

Видимо, пинчуки не отождествляли себя съ Литвою.

„Думки“ и пѣсни, записанныя г-жею Зиммеръ, заключаютъ въ себѣ большею частью общеизвѣстныя пѣсни, снабженныя, впрочемъ, мотивами въ нотахъ. Пѣсни записаны почти исключительно въ Полтавѣ и около нея (напр. въ Тагамлыкѣ, а не Таганлыкѣ, какъ нѣсколько разъ указываетъ г-жа Зиммеръ.). Есть, впрочемъ, четыре пѣсни, записанныя будто бы въ Тамани отъ „тамошнихъ козаковъ“. Въ числѣ ихъ записана и слѣдующая:

Слава, слава!
Слава нашимъ козаченькамъ,
Нехай вороги идутъ;
Слава нашимъ Чорноморцямъ,
Орламъ Украины,
Що въ горы идуть
Черкезовъ бьють и т. д.

Извѣстно, что это не пѣсня, а одинъ изъ куплетовъ оперы Н. В. Лысенка „Чорноморци“. Какъ видно, г-жа Зиммеръ введена была въ заблужденiе какимъ-то г. Юрiемъ Зубовымъ, сообщившимъ ей эту пѣсню.

А. Л.

Складка. *Альманахъ. Року Божого 1897. Спорудывъ К. А. Билыловськый. Въ пользу Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. Чистая прибыль назначается на помощь малороссамъ переселенцамъ. С.-Петербургъ, 1897 г., цѣна 1 р. 25 коп., 193 стр. 8.*

Изъ подробно выписаннаго заглавія «Сладки» видно, что выручка отъ продажи этого сборника предназначается въ пользу переселенцевъ,—назначеніе симпатичное; остается только пожелать скорѣйшаго осуществленія назначенной цѣли. Но врядъ ли это случится въ такомъ непродолжительномъ времени, какъ было бы желательнымъ. Складка, составленная г. Билиловскимъ, не отличается, къ сожалѣнію, такимъ литературнымъ достоинствомъ, чтобы не залежаться ей на полкахъ книжныхъ магазиновъ. Правда, прозаическая часть сборника несомнѣнно говоритъ въ его пользу, а въ особенности разсказы: «Хрыстосъ на вколишкахъ»—Д. Мордовцева, «Стари гультяи»—Ивана Левицкаго и «Нудьга»—А. Крымскаго. Есть еще въ Складкѣ оповидання С. Д. Носа—«Запорожецъ Абыухъ», но это неудавшаяся попытка на беллетристическій разсказъ, а «Поѣздка на пепелище Чортомлыцкой сичи» и «Прысказка до нюхарей»—Д. Яворницкаго—это этнографическій матеріалъ съ предисловіями автора, подробнымъ описаніемъ путешествія и нѣкоторыми историческими справками. Остальныя страницы Складки заполнены стихотвореніями 15-ти поэтовъ, помѣстившихъ по 1-2-3 и до 10 стихотвореній каждый. Какъ видитъ читатель, недостатка въ поэтическихъ произведеніяхъ нѣтъ; однако же поэзію мы находимъ только въ стихотвореніяхъ Ивана Франка, Васыля Щурата, Мыколы Вороного да можно еще указать на одно стихотвореніе Я. Щоголева—«Суботы св. Дмитра». Остальная поэзія Складки настолько слаба, что кромѣ этого, ничего другого и сказать о ней нельзя. Остается только пожалѣть, развѣ, что издатель сборника такъ много отвелъ мѣста никому неинтереснымъ и никому ненужнымъ стихотвореніямъ. Несправедливо было бы не исключить изъ этого числа стихотворенія Ив. Стешенка; стихи послѣдняго отличаются гладкостію и музыкальностію, но такъ густо пересыпаны эпитетами—срибный, дзвинкучій, палкій, свитлый, гучный, свитозорый, злотыстый, блыскучый, яскравый, славутный, могутный, пышный и другими, что даже затемняется мысль стихотворенія и чувствуется какая-то приторность. Что касается остальныхъ поэтовъ, то лишь во избѣ-

жаніе упрека въ голословности, я позволю себѣ сдѣлать 2-3 выписки изъ ихъ стихоплетства, дабы подтвердитъ сказанное, что произведенія такія никому неинтересны и никому ненужны.

Вотъ, напр., стихотвореніе г. Шамраева, подъ заглавіемъ «Лирныку»:

Тяжки й смутни
Твои писни
Про бидну нашу долю,
Въ ныхъ щыра ричъ,
Въ ныхъ серця мичъ,
Котре мовъ стогне з болю и т. д.

Въ стихотвореніи Хведора Коржа—«Бида видъ кумедіянтивъ» (нѣчто вродѣ сатиры) находимъ такія прелести:

У голови одъ вдохновення
Йде гуркотня, якъ одъ млына.
Такъ, такъ: отъ вже й для драмы меннѧ:
«Бида никого не мына».

или:

Его дочка? Чья? Чы Гната?
Та въ його жинкы ще катъ-ма;
Тай хто жъ бува дочкою брата?
Ну, къ бису, трястя іи ма!

А вотъ стихотвореніе Ричыцького:

Морозна ясна ничъ. На мисячнимъ проминни
Въ безкраимъ поли снигъ алмазомъ чыстымъ грае,
Будынокъ камяный дае шыроки тини
И згорда навкругы все поле озырае.
Стоитъ вартовый пидъ дверыма,
Одынъ, якъ былынка,
И скоса поводыть очыма
По мури будынка и т. д.

Въ числѣ такихъ стихотвореній не послѣднее мѣсто занимаютъ и произведенія К. Билыловського; они заполняютъ 15 страницъ Складки, или одну двѣнадцатую часть всей книги, и блещутъ такими виршами:

Люблю тебе, чы й се сказаты.
Що ты моимъ дитямъ не маты;
Що любыхъ нашыхъ ты малятъ,
Якъ лебедь крыльмы лебедятъ,

До себе нижно горнешъ, крыешъ,
Впадаешъ коло ныхъ и мліешъ,
То трусысся за ныхъ, тремтышъ,
То смихомъ срибнымъ задзвенышъ,
Мовъ въ рай тоби видкрылась брама
Якъ вчуешъ въ перве слово: «мама»!.

Или, напримѣръ, въ стихотвореніи «Остання весна» —возлюбленная говоритъ своему возлюбленному:

Несы мене, несы изъ хаты,
Въ останній разъ ще потурай!
Несы туды, де пышны шаты,
Де спивъ и пахощи,—де рай!....

И много, много можно было бы повыписывать подобныхъ прелестей у 8 или 10 поэтовъ, что заполнили своими произведеніями добрую половину Складки.

Значительно выше по достоинству два стихотворенія Ивана Франка. Первое изъ нихъ озаглавлено: «Фантастычни думы, фантастычни мріи» и состоитъ изъ трехъ куплетовъ. Вотъ первый куплетъ.

Якъ бы знавъ я чары, що спыняють хмары,
Що два серця можуть известы до пары,
Що ламають пута, де душа закута,
Що въ пожыву нымы зминыться й отрута, —
То тебе бы, мыла, обдала ихъ сыла,
Вси въ твоимъ бы серци искры погасыла,
Вси думки й бажання за однымъ ударомъ,
Лышъ одна любовъ бы выбухла пожаромъ,
Обняла-бъ достоту всю твою истоту,
Мысли вси пожерла, всю твою турботу,
Тилькы мій тамъ образъ и ясніе й гріе—
Фантастычни думы, фантастычни мріи!

Во второмъ стихотвореніи – «Отсе тая стежечка» — въ прекрасной, милой формѣ воспѣвается та стежечка (тропинка), по которой милая унесла счастье, полюбивъ другого.

Отсе тая стежечка
Извываеться,
А у мене сердечко
Розрываеться.
Все, що найдорогшее,

Найулюблене,
Чымъ душа жыва була, —
Тутъ загублене.
Чымъ душа жыва була,
Чымъ пышалася.....
Отсе жъ тая стежечка,
Щобъ запалася!

Такъ оканчивается это стихотвореніе.

Въ произведеніяхъ В. Щурата и М. Вороного читатель также найдетъ ту искру и почувствуетъ ту теплоту, какая чувствуется въ стихотвореніяхъ, принадлежащихъ перу талантливыхъ поэтовъ. Въ особенности замѣтно это у В. Щурата въ стихотвореніи „Мое серце не тутъ, моя дума не тутъ", а у М. Вороного въ стихотвореніи „А море клекоче".

На отмѣченныхъ разсказахъ Д. Мордовцева и Ивана Левицкаго я не останавливаюсь потому, что сами имена авторовъ говорятъ за свои произведенія; относительно же оповидання А. Крымскаго— „Нудьга", въ которомъ описана тоска по родинѣ, можно сказать, что разсказъ этотъ очень симпатичный, описаніе душевной тоски изложено такъ правдиво и такъ рельефно, что производитъ глубокое впечатлѣніе, но оставляетъ по себѣ ясное сознаніе, что чувства такія испытываютъ и переживаютъ только люди больные. Впрочемъ, и самъ авторъ „Нудьги" говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „неужели это psychopathia nationalis"?—Да, несомнѣнно! отвѣтитъ читатель, прочитавши разсказъ.

М. Кононенко.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. *Кн. X. М. 1896.*

Десятая книга „Описанія", между прочимъ, знакомитъ насъ съ краткимъ содержаніемъ отдѣла книгъ кіевскаго стола (повытья), состоящаго изъ 55 нумеровъ за періодъ съ 1666 по 1706 годъ и представляющаго, повидимому, много цѣннаго для финансовой исторіи Малороссіи. „По содержанію, говоритъ „Описаніе", книги кіевскаго стола представляютъ росписные, смѣтные и счетные списки городовъ Кіева, Переяслава и Нѣжина и различнаго рода мелкіе

документы по губернаторскому управленію г. Кіевомъ и воеводскому управленію Переяславомъ, Нѣжиномъ и другими менѣе крупными городами". Такъ, среди книгъ Кіевскаго повытья мы находимъ за 1666 годъ „Переписную книгу разнаго званія" служилыхъ, жилецкихъ, промышленныхъ людей, крестьянъ и бобылей въ малороссійскихъ городахъ, мѣстахъ, мѣстечкахъ, слободахъ, селахъ и деревняхъ, составленную для разверстки хлѣбныхъ и денежныхъ окладовъ". Въ особенности много среди документовъ кіевскаго повытья „смѣтныхъ списковъ" г. Кіева.

Н. В.

Ѳ. В. Тарановскій. Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. *Историко-юридическое изслѣдованіе. Варшава 1897. 201 стр.*

Надѣясь въ одной изъ ближайшихъ книжекъ подробнѣе поговорить о трудѣ г. Тарановскаго, мы отмѣчаемъ теперь только его появленіе. Трудъ распадается на пять раздѣловъ.

Въ *первомъ* авторъ знакомитъ насъ съ исторіей распространенія магдебургскаго права въ Германіи и Речи Посполитой; во *второмъ* дѣлаетъ обзоръ памятниковъ магдебургскаго права русскихъ городовъ Речи Посполитой; въ *третьемъ* разбираетъ сочиненія Гроицкаго, какъ памятники магдебургскаго права русскихъ городовъ Речи Посполитой; въ *четвертомъ*—сочиненія Щербича; наконецъ, въ *пятомъ* характеризуетъ сочиненія Гроицкаго и Щербича съ исторической и литературной точекъ зрѣнія.

Работа г. Тарановскаго выполнена въ высшей степени добросовѣстно. Центръ ея лежитъ въ главахъ (раздѣлахъ), посвященныхъ разбору сочиненій Гроицкаго и Щербича, которыми, какъ руководствами, пользовались суды магдебургій въ русскихъ городахъ Речи Посполитой. Сборники Гроицкаго и Щербича—частнаго происхожденія и никогда не были утверждены законодательною властью; но практика ввела ихъ въ жизнь и дала широкое распространеніе, вопреки мнѣнію проф. В. Б. Антоновича, съ которымъ г. Тарановскій въ данномъ случаѣ полемизируетъ. Въ виду этого г. Тарановскій старательно отмѣчаетъ источники названныхъ трудовъ,

чтобы доказать, что сочиненія Гроицкаго и Щербича являются очень добросовѣстнымъ изложеніемъ положеній магдебургскаго права.

Н. В.

И. П. Лаппо. Земскій судъ въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI вѣка. (*„Журн. Минист. Нар. Просвѣщ.", 1897 г., № 6, стр. 263—302*).

Статья г. Лаппо заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе о земскомъ судѣ въ литовск. государствѣ въ концѣ XVI в., съ краткимъ очеркомъ его постепеннаго развитія на протяженіи всего XVI в. Послѣ изданія третьяго статута (1588 г.) въ Литовск. княжествѣ, кромѣ земскаго, существуетъ еще нѣсколько видовъ судовъ: гродскій (замковый), подкоморскій, трибунальскій мѣстскій, дворный королевскій,— каждый со своими особыми книгами; но среди этихъ всѣхъ судовъ земскій судъ занимаетъ то особое положеніе, что онъ независимъ,— въ противоположность другимъ,—отъ административной власти. Его составъ—судья, подсудокъ и писарь—выбирается земянами повѣта и лишь утверждается королемъ. Для выбора упомянутыхъ должностныхъ лицъ „вряда земского судового" должна была собираться вся шляхта „отъ вышъшого до низшого стану", извѣщенная королевскимъ листомъ, опубликованіе котораго обыкновенно производилось за 4 недѣли до дня выборовъ. На съѣздѣ выбираются четыре кандидата,— непремѣнно шляхтичи, при томъ коренныхъ родовъ, а не новоосѣлыхъ въ повѣтѣ, и уже изъ этихъ король, по своему усмотрѣнію, утверждалъ того или другого въ качествѣ члена суда. Членами суда не могли быть: 1) лица духовныя, 2) занимавшія какой-нибудь урядъ въ томъ же повѣтѣ, 3) занимавшія должность урядника судового въ какомъ-нибудь другомъ повѣтѣ. Должность урядниковъ судовыхъ пожизненна и неприкосновенна. Послѣ избранія, судья и подсудокъ должны были принесть присягу въ добросовѣстномъ и безпристрастномъ отправленіи своихъ обязанностей, а писарь—въ точномъ, правильномъ веденіи судовыхъ книгъ. Писать онъ долженъ „поруску, литерами и словы рускимы".

Собственно судъ производился судьей и подсудкомъ, но они

также спрашивали мнѣнія и у писаря; эта коллегія и составляла „судъ земскій“.

По статуту, урядники земскіе должны отправлять свои обязанности лично, но иногда одинъ изъ нихъ могъ отсутствовать по какимъ нибудь причинамъ; въ такомъ случаѣ неявившійся долженъ былъ извѣстить о своей неявкѣ шляхту и товарищей судовыхъ, и послѣдніе избирали временнаго замѣстителя. Впрочемъ, иногда такое замѣщеніе происходило и безъ помощи шляхты. Конечно, причина неявки должна быть уважительная, въ противномъ случаѣ виновный утрачиваетъ свою должность.

Что касается до писаря, то онъ могъ брать себѣ въ помощь подписка, одного или нѣсколькихъ,—но отвѣтственнымъ лицемъ являлся одинъ писарь. Въ качествѣ жалованья члены суда получали доходъ отъ каждаго разсматриваемаго дѣла или вписываемаго въ книги документа.

При судѣ состоялъ „возный“. Обязанности его—исполнительныя; его посылаетъ судъ по просьбѣ частныхъ лицъ „на всякие справы людские“. Онъ же доставляетъ „позвы“—повѣстки лицамъ, имѣющимъ стать передъ судомъ.

Земскій судъ съѣзжался на три сессіи, „роки“, „каденціи“, ежегодно. Роки были: трехкрольскіе (6 января), троицкіе и михайловскіе (29 сент.) Обыкновенно урядники судовые пріѣзжали заранѣе, дня за 3 до начала роковъ, чтобы покончить подготовительныя работы: „выписи“—кому надо и т. п. Самый судъ происходилъ въ особомъ „дому судовомъ“, въ центрѣ повѣта, „въ мѣстцѣ звыкломъ“; урядъ гродскій заботился о помѣщеніи для членовъ суда, а также и „иншихъ становъ“, пріѣхавшихъ на роки. Засѣданія происходили съ утра до вечера; иногда даже при свѣчахъ. Опредѣленнаго числа дѣлъ для разсмотрѣнія на засѣданіи не было положено,—иногда успѣвали рѣшить одно дѣло, иногда болѣе десятка. Сессіи продолжались обыкновенно около трехъ недѣль, при чемъ засѣданія происходили ежедневно, кромѣ дней большихъ праздниковъ и воскресеній.

Дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію земскаго суда,—распадаются на два отдѣла; одни только заносятся въ книги, другія требуютъ постановленія суда по существу дѣла; первыя могутъ быть и гражданскаго и уголовнаго характера; хотя статутъ и стремится разграничить кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ каждому суду, но de facto упомянутый кругъ, будучи весьма широкимъ, сливается съ дѣлами другихъ судовъ почти незамѣтно.

Изъ дѣлъ, которыя вѣдались земскимъ судомъ, главными были — дѣла по имѣніямъ, затѣмъ по „выводу шляхетства“, кромѣ того, ему принадлежитъ одна функція, которая ставитъ его выше другихъ судовъ,—это надзоръ за правильностью дѣйствій суда гродскаго; но онъ все же первая инстанція и на его рѣшенія, за исключеніемъ нѣкотораго рода дѣлъ, можно аппелировать къ высшимъ судов. инстанціямъ,—къ трибуналу и дворному королевскому суду.

Земскимъ судамъ были подсудны: земяне, шляхта, при чемъ наблюдается полная равноправность между обоими полами; но кромѣ этихъ, встрѣчаются часто мѣщане, евреи, слуги замковые, путные, „особы стану духовного“ и пр.; такимъ образомъ оказывается, что *земскій судъ не имѣетъ строго шляхетскаго характера*, хотя по закону лица судящія и подсудныя должны принадлежать только къ шляхетскому стану.

При судахъ состояли „прокураторы“, т. е. лица, на обязанности которыхъ лежало веденіе чужихъ дѣлъ въ этихъ судахъ; по статуту они безвозмездно должны были помогать вести дѣло людямъ неимущимъ и за отказъ исполнить требованіе суда лишались права вести на судѣ вообще чужія дѣла.

При разборѣ дѣлъ, кромѣ тяжущихся и нѣкоторыхъ ихъ пріятелей, не допускалось никого; поэтому засѣданія земск. суда не были вполнѣ публичными.

Послѣ окончанія роковъ, врядники еще оставались дня на три, которые проходили въ выдачѣ справокъ и въ удовлетвореніи „иныхъ потребъ шляхтетскихъ“. Разъѣзжаясь, члены суда „прячутъ книги прежнихъ роковъ“ въ „скрыню моцную“, за тремя замками и печатями и ставятъ ее въ безопасное мѣсто, въ „склепъ“, который находится подъ охраной воеводы или старосты. Книги только что отсуженныхъ роковъ остаются на рукахъ у писаря до слѣдующихъ роковъ „для парадного справованья и начисто переписанія“.

Языкъ актовъ русскій, но подписи дѣлались и по польски; нарушеніе статута (писать по руску литерами и словы русскими) началось еще съ 1560 г.; начиная съ этого года идутъ акты, писанные русскимъ языкомъ, но латинск. буквами. Въ началѣ XVI в. въ Литвѣ земскій судъ находился всецѣло въ рукахъ воеводы, старосты и державцевъ, которые передавали власть своимъ намѣстникамъ; послѣдніе, по статуту 1529 г., должны выбирать 2-хъ земянъ, „людей добрыхъ и годныхъ веры“; при нихъ долженъ быть писарь; намѣст-

никъ въ отсутствіи обоихъ присяжныхъ не имѣетъ права судить. Но требованіе статута не могло такъ сразу скоро утвердиться въ юридической практикѣ Литвы. Еще въ 1554 г. виленскій земскій судъ по прежнему былъ судомъ намѣстника воеводы или старосты. Роковъ, въ смыслѣ сессій послѣдующаго времени, не существуетъ,— судъ творитъ „справедливость" цѣлый годъ, безъ перерывовъ даже въ годовые праздники. При судьѣ находились иногда „люди добрые", съ которыми онъ „чинитъ размову", прежде чѣмъ постановить свой приговоръ; число такихъ совѣтниковъ различно: иногда одинъ, иногда и болѣе. Не рѣдко вмѣсто намѣстника разбираютъ дѣло его слуги, одинъ, или вдвоемъ, или же его писарь.

Крупныя перемѣны принесъ съ собой 1564 годъ; въ этомъ году по Бѣльскому привилею, воеводы, старосты и иные врадники „вырекаются судовъ и справъ всѣхъ воеводскихъ", которые и замѣняются по новому уставу судами „звычаю права корунннаго"; самъ же земскій судъ, какъ и остальные суды литовскіе, былъ введенъ новымъ статутомъ 1566 года; однако, еще до 1570 г. подъ новой формой ведутся еще старые порядки. Земскій судъ до 1566 г. вѣдалъ всю массу дѣлъ, которая съ 1566 г. была раздѣлена между судомъ земскимъ, гродскимъ и подкоморскимъ.

Для „огледанья" шкодъ, ранъ, границъ судьи посылали своихъ вижовъ (большч. частью своихъ собственныхъ слугъ), а для приведенія приговора въ исполненіе отправлялись „дѣцкіе". Вижи не были исключительною принадлежностью уряда: ихъ избирали и частныя лица добровольнымъ соглашеніемъ; потомъ они превратились въ вижовъ повѣтовыхъ, и наконецъ въ возныхъ повѣтовыхъ, которые упоминаются въ 1565 г. въ городенск. книгахъ.

Такимъ образомъ, земскій судъ первоначально былъ судъ намѣстника воеводы или старосты, потомъ онъ обращается въ *судъ судей повѣтовыхъ*, назначенныхъ воеводою, и въ рѣшеніяхъ своихъ подлежитъ апелляціи послѣднему. Ко времени средняго статута (1566)—онъ уже отдѣльный отъ администраціи, засѣдаетъ по каденціямъ и судитъ именемъ государя, печатая его печатью. Послѣ 1570 г. характеръ его совершенно опредѣлился. Изъ приведеннаго здѣсь содержанія статьи г. Лаппо видно, что она даетъ обстоятельный очеркъ судоустройства въ литовскомъ государствѣ, основанный на ближайшемъ изученіи законодательныхъ памятниковъ. Такое судоустройство существовало и во всей Украинѣ. Возстаніе Хмельницкаго, измѣнивъ во многомъ прежнія формы общественнаго быта,

коснулось и судовъ. Земскій судъ былъ замѣненъ судомъ козацкимъ. Обстоятельнаго изслѣдованія по этому вопросу мы и до сихъ поръ не имѣемъ, если не считать попытки г. Миллера, очень слабо очертившей козацкій судъ [1]).

В. Д.

Библіографическая замѣтка.

На дняхъ въ Кіевѣ вышла книга постояннаго нашего сотрудника В. П. Горленка подъ заглавіемъ: *Южнорусскіе очерки и портреты*. Стр. 229. Цѣна 1 р. Она заключаетъ въ себѣ одиннадцать статей, появившихся ранѣе въ „Кіевской Старинѣ“, „Русскомъ Архивѣ“, „Трудѣ“ и „Русскомъ Обозрѣніи“, но значительно дополненныхъ и переправленныхъ. Вотъ ихъ перечень: 1) Родина Гоголя, 2) Изъ исторіи Южно-русскаго общества начала XIX вѣка, 3) Кіевъ въ 1799 году, 5) Шевченко—живописецъ и граверъ, 5) Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ, 5) Украина въ изображеніяхъ французовъ, 7) М. М. Макаровскій, 8) Г. Ѳ. Квитка, 9) Аполлоновы женщины, 10) Захолустье, 11) Завѣты деревни.—Книга издана очень изящно и, конечно, заинтересуетъ многихъ своими сюжетами.

Обзоръ журналовъ.

„Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“. 1897 г.

Свящ. I. Гордіевскій. Памяти каѳедральнаго протоіерея П. Г. Лебединцева. №№ 5, 6, 7, 9 и 11. Біографическій очеркъ по личнымъ воспоминаніямъ автора: дѣтство, знакомство съ поэтомъ Шевченкомъ, жизнь въ семинаріи и академіи.—Дѣятельность въ качествѣ профессора кіевской семинаріи и по народному образованію въ бытность въ Бѣл.-Церкви.—Видная роль при усмиреніи крестьянскихъ волненій въ 50-хъ г. г. Законоучительство во 2-ой Кіевск. Гимназіи, ре-

---

[1]) Сборникъ Харьковск. Истор.-Филол. Общ., VIII, стр. 63 и далѣе.

дакторство Епарх. Вѣдомост.—Услуги духовенству: ходатайство объ увеличеніи жалованья, отклоненіе проекта о переселеніи малороссійскаго духовенства въ центральныя губерніи, дѣятельность по управленію женскими духовными училищами.—Отношеніе къ родственникамъ и окружающимъ.

Очеркъ свящ. Гордіевскаго заключаетъ много интересныхъ свѣдѣній, извѣстныхъ автору, какъ близкому родственнику П. Г. Л—ва.

Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій. №№ *3. и 4.* Краткій біографическій очеркъ и перечисленіе литературныхъ трудовъ.

Попытка къ разрѣшенію вопроса: Кто именно перенесъ гробъ вел. кн. Ярослава съ западной стороны Кіево-Софійскаго собора на сѣверо-восточный уголъ его. № *4.*

Прот. П. Марковскій. Къ замѣткамъ о жизни учениковъ въ Кіевской Духовн. Семинаріи въ 30-хъ г. г. №№ 7 и 17. Воспоминанія автора, 85-лѣтняго старца, недавно умершаго, о прежнихъ тяжелыхъ для учащихся временахъ. „Плохая, скудная семинарская пища, тяжкія тѣлесныя наказанія, товарищескія классныя забавы, „могарычи", и проч. Путешествіе воспитанниковъ на каникулы пѣшимъ и воднымъ путемъ.

Причина, вызвавшая Брестскую Унію (перепечатка изъ газ. „Кіевлянинъ" отчета о рефератѣ въ Общ. Нест. Лѣтоп. О. И. Левицкаго), № *8.*

Прот. П. Орловскій. Поучительное чтеніе о святит. священномученикѣ Макаріи, митрополитѣ Кіевскомъ, № *8.* Общеизвѣстныя свѣдѣнія.

Прот. І. Корольковъ. Кіевскій Митрополитъ священномученикъ Макарій и его значеніе въ исторіи Юго-Западной церкви № 10. Такого же характера свѣдѣнія.

Изъ церковной лѣтописи Богоявленскаго прихода м. Паволочи, Сквирскаго уѣзда. Свящ. Серапіона Брояковскаго. №№ 12—14. Интересное свѣдѣніе о доходахъ церкви и содержаніи причта въ связи съ исторіей прихода, нач. съ XVIII в.

Генералъ Карѣевъ о штундизмѣ. № 12.

Флоръ Малеванскій. Пастырская дѣятельность кіевскихъ митрополитовъ съ 1686—1796. Кіевскій Митрополитъ Гедеонъ-Святополкъ князь Четвертинскій (1686—1690) № 15.

Онъ-же. Кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій (1690—1707), № 18.

Онъ-же. Кіевскій митрополитъ Іосафъ Кроковскій (1708—1718). № 19. Общеизвѣстныя свѣдѣнія, точно подобранныя по печатнымъ источникамъ.

Протоіерей Павелъ Федоровичъ Подвысоцкій (Некрологъ) № 16.

Св. князь-мученикъ Игорь Ольговичъ. А. Лотоцкаго, № 18. Сводъ лѣтописныхъ свѣдѣній.

Переходъ вотчиннаго лаврскаго духовенства въ вѣдѣніе кіевскихъ митрополитовъ. К. Н. Ш—аго. № 19. Статья составлена по архивнымъ свѣдѣніямъ „объ изъятіи бѣлаго духовенства, бывшаго въ лаврскихъ вотчинахъ, изъ подъ вѣдѣнія лавры и передачи его вѣдѣнію кіевскихъ митрополитовъ“.

Даніилъ Гавриловичъ Лебединцевъ (Некрологъ). Свящ. Іоанна Гордіевскаго, № 19. Біографическія данныя на основаніи семейныхъ свѣдѣній

Церковно-приходская школа 1897 г.

1. *К. Корольковъ. Приходскія школы при церквахъ въ XVIII в. и проэкты объ учрежденіи ихъ въ царствованіе императрицы Екатерины II.* № 6 (январь), и 7 (февраль). „Школа въ XVIII в. составляла такую же принадлежность каждаго прихода, какъ и церковь“. Особенно въ Малороссіи, гдѣ ихъ только въ двухъ полкахъ— Нѣжинскомъ и Черниговскомъ было *350.*

2. *Сравнительные итоги по народному образованію въ Херсонской епархіи за 1893/4 годъ. Кн. 6 (январь).* Свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ по ихъ превосходству по мнѣнію автора, надъ земскими.

3. *Свящ. Н. Сшеллецкій. О значеніи Кіева, какъ религіознаго центра православной Россіи. Кн. 4 (ноябрь) и кн. 5 (декабрь).*

Труды Кіевской Духовной Академіи 1897 г.

1. *Свящ. Θ. Титовъ. Кіево-Софійскій каѳедральный протоіерей Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ № 1, 133—176.* Біографическій очеркъ со свѣдѣніями о литературной дѣятельности покойнаго.

2. *Петровъ. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева,* Начало помѣщено въ „Трудахъ“ за 1896 г.

3. В. Серебренниковъ. Кіевская Академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г. № 3, 331—356, № 5, 107—128. № 7, 307—346. О содержаніи интересной работы г. С. см. Кіевск. Ст. 1897 г., декабрь.

4. А. Д. Эртель. О стѣнописи въ Великой Успенской церкви Кіево-печерской Лавры № 4, 500—527. Статья вызвана замѣткой, помѣщенной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", въ которой неизвѣстный авторъ обвиняетъ реставраторовъ Кіево-Печерской лавры, не пощадившихъ „даже историческихъ портретовъ княз. Острожскихъ и Сангушко, писанныхъ въ XVI столѣтіи". Г. Эртель, сличая документальныя извѣстія, утвержааетъ, что *никакихъ историческихъ* портретовъ XVI в. никогда не существовало. Первая реставрація, нарушившая древность и художественную красоту,—была произведена Симеономъ Олельковичемъ въ 1470 г., когда онъ построилъ новую церковь „едва не отъ основанія".—Затѣмъ послѣ страшнаго пожара 1718 г. произведена была новая реставрація, неизвѣстно кѣмъ и, вѣроятно, довольно неудачно, такъ какъ уже въ 1776 г. Захарія Голубовскій расписалъ, или лучше сказать, „размалевалъ" на-ново *всю* церковь, уничтоживъ такимъ образомъ всѣ остатки прежней Лавры.—Въ 1840—42 еще разъ реставрировалъ живопись, въ такомъ же духѣ, какъ и Голубовскій,—монахъ Иринархъ.

5. I. Н. Корольковъ. Кіевскій митрополитъ священномученикъ Макарій и его значеніе въ исторіи Юго-Западной церкви. № 6, 152—178. Общеизвѣстныя свѣдѣнія.

6. Свящ. Ѳ. Титовъ. Очерки изъ исторіи „Кіевской Духовной Академіи. № 10, 167—207. (Статья не окончена). „Преосвящ. Моисей Богдановъ-Платоновъ, первый ректоръ Академіи (1819—1823). —Біографія его.—Преобразованіе старой Академіи временно въ Духовную Семинарію—1817 г., и торжественное ея открытіе снова—28 сентября 1819.—Дѣятельность Богданова въ качествѣ ректора, профессора богословскихъ наукъ.—Дѣятельность по устройству экономической части Академіи.—Расширеніе и увеличеніе зданій и построекъ.—Оставленіе ректорства.

С. Т. Голубевъ. Прискорбныя столкновенія Петра Могилы съ своимъ предшественникомъ по митрополіи и кіево-никольскими иноками, № 10, 206—276. Устраненіе съ каѳедры епископовъ, поставленныхъ патріархомъ Ѳеофаномъ.—Протестъ со стороны Исаіи Копинскаго.—Столкновенія и недоразумѣнія между Исаіею и Пе-

тромъ Могилою.—Королевская комиссія для разбора жалобъ Исаіи на Могилу.—Протестъ игуменовъ и иноковъ Пустынно-Никольскаго монастыря противъ Петра Могилы.—Полученіе Могилою привилегіи на управленіе Пустынно-Никольскимъ монастыремъ и вооруженное занятіе имъ оной.—Судебное дѣло по поводу послѣдняго.

П. Орловскій. Столѣтіе кіевской епархіи въ настоящемъ ея составѣ (1 сентября 1797 г.—1 сентября 1897 г.) и состояніе церквей, въ какомъ онѣ вошли въ этотъ составъ. № 11, 400—418 Обозрѣніе кіевской епархіи митрополитомъ Іероѳеемъ.—Приказъ кіевской дикастеріи, въ которомъ указывалось на жалкое состояніе церквей и повелѣвалось сдѣлать исправленія согласно его инструкціи.—Печальная картина состоянія церквей.

живетъ у насъ пятой месяцъ, кажетца я вамъ писала і теперъ въ здешней краю, grace à ne pouvoir, спокойно такъ, какъ подъ Москвой, Прагу взяли, Варшаву взяли, Костюшку взяли і все полскіе затеи кончились; літовской генералъ губернаторъ назначенъ к. Н. В., но еще указу нетъ, а приватные вести. Мы збираемся въ Петербургъ, но также еще не знаемъ, какъ скоро приказано будетъ Тимофею Ів., а я въ деревню поеду и пробуду все то время, покуда онъ будетъ въ Петербургѣ, а тамъ ужъ вместе въ Минскъ возвратимся. Прошу покорно обнять за меня Александру Павловну і поздравить съ новорожденнымъ, і верте, м. г-дрь мой, что я всегда буду съ совершенною преданностію і почтеніемъ ваша верная і покорная слуга С. Тутолмина.

Ілья Андреевичъ три дні уже какъ въ Несвиже і слава Богу здоровъ.

17). (*Тутолминой*) Отъ 16 сего месяца писмо ваше, м. г-дрь мой, Григорей Петровичъ, я сейчасъ получила. Благодарю васъ за оное і за все дружескіе пожеланіи наипризнательнейше; весма одолжила мене Александра Павловна, припомнивъ сваріть мою любимую ягоду, прошу покорно за сіе поблагодарить и увѣрить, что я сердечно желаю возобновить старое наше знакомство і удостоверить о искренней моей привязанности. Писмо мое, чрезъ васъ въ Москву посланное, дошло исправно і я уже ізвестіе імела; теперъ же позволте васъ еще поблагодаріть, что вы не забыли въ семъ удостоверітца Осталось мнѣ попросить васъ, мой любезной благодетель, о зделаніи несколкихъ штофовъ и не менѣе 12 мятной водки для моего Тімофея Івановича. Оставленною вамі мне при отезде вылечила ево отъ спазмовъ, то онъ и положилъ не піть другой, кроме мятной. Вы симъ крайне насъ одолжіте, а мне также прикажіте исполніть ваши комісіи, кои со всею готовностію ісполнять буду. О здешнихъ новостяхъ скажу вамъ толко сіе, что князь Николай В. уже две недели, какъ суда пріехалъ і жіветъ въ нашемъ доме. Ахъ! когда бъ еще дожила я до сей радости, чтобъ увидеть благодетеля нашево почтеннаго Петра Александровича. Но я уверена, что Богъ меня симъ утешитъ и исполнитъ желаніе серца моего. Поляковъ везде поколачиваютъ. Кнорінгъ по своему обыкновенію воюетъ и еще болѣе, при васъ еще было начало, а теперъ пуще и надѣятца должно, что продолженіе будетъ и впредъ. Прастіте, благодетель мой, обоймите за меня сердечно любезную вашу Александру Павловну, такъже и дочку вашу, а мне верте оба, что я, покуда продлитца жизнь моя, пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ і признательностію вашею покорнѣйшей слугой С. Тутолмина.

18). *(Тутолминой)*. Покорнѣйше благодарю васъ, м. г. мой, Григорей Петровичъ, какъ за дружеское писмо ваше, такъ и за присланную водку и варенье; все оное прекрасно зделано і я вамъ за оное весма обязана і желаю очень, чтобъ сама могла вамъ здѣлать что либо пріятное. О извесномъ вамъ человеке буду просить Тимофея Івановича (Тутолмина) і естли сіе возможно, то онъ, конечно, любя васъ і уважая, не откажетъ здѣлать вамъ сію услугу, а я берусь ему напоминать. Мнѣ весма нужно переслать къ Алексею Филіоповичу Надаржинскому очень надобные для него бумаги, и опасаясь, чтобъ на почте какъ нібудь оные неутратились, то и прошу васъ, любезной другъ, отпісать мнѣ, могу ли я оные доставить къ вамъ и возмете ль вы на себя, чтобъ по полученіи доставить оные къ нему верно, чемъ вы много меня обяжите. Покорнѣйше прошу засвидетельствовать іскреннее усердіе мое Александре Павловнѣ і изъявить признательность мою за попеченіе ея въ исполненіи комисіи моей. Впротчемъ пребуду на всегда съ нелеснымъ почтеніемъ и преданностію, м. г. мой, вашей покорнѣйшей слугою С. Тутолмина.

19 іюля 1794 году. Несвижъ.

При извиненіи себя хлопотами, по случаю пребыванія здесь князя Николая Васильевича паче еще увеличившимися, я ежели не писмомъ, то темъ не менѣе признательнымъ сердцемъ, благодарю васъ, мил—го г—дря моего, за последнее ваше ко мнѣ толико дружеское отношеніе. Верте, что чувствіи приверженности моей къ вамъ есть непреложны и что я самъ и всегда пребуду съ душевною приверженностію вашимъ вернымъ и покорнѣйшимъ слугою. Т. Тутолминъ.

P. S. Андрей Степановичъ, которому приношу мое почтеніе, погрешилъ противъ меня, усумняся въ моей къ себе древней и непременнейшей привязанности и усердіи.

19). *(П. В. Завадовскаго)*. М. г. мой Григорій Петровичъ

Вскоре придетъ дѣло въ генеральный судъ по жалобѣ козаковъ Смялицкихъ. Пребывая удостовѣреннымъ о вашей ко мнѣ благосклонности, ищу преклонить ваше вниманіе къ объясненію слѣдующего: покойный мой братъ пріобрѣлъ куплею отъ разныхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ свое владѣніе въ Смялчи земли съ крестьянами, а проданная козаками есть толко часть. —Прошу, м. г., при разборѣ дѣла уважить обстоятельство сіе и не разрушить, а подкрепить вашимъ правосудіемъ законное стяженіе. Въ каковой надеждѣ, какъ и съ почтеніемъ искреннимъ пребываю вашего пр—ва покорнѣйшимъ слугою Г. Петръ Завадовскій С. Лялички. 11 іюня, 1800 г.

IV. ЛЮБЕЦКІЕ АКТЫ.

1. Купчая Лоевскаго войта Семена Дупла на проданную п. Григорію Слободецкому сѣножать. 1637 г., іюня 9.

Я, Семенъ Дупло, войтъ лоевъский, на тотчас наместником бывшимъ от пана Яна Тишевъского, подстаростего лоевъского, сознаваю тым моим листомъ, ижем продал сяножать пану Григореви Слободецъкому за шестъ золотыхъ, абы ему не былъ въ прешкодахъ нихто вичными часы, волно мнѣ продать и где мі колвек подеть и на пожиток свой обернуть у Ворихoвицы сеножать тая границею от цемляковъ (ажъ до) Непра ажъ до дуба хорошаго, там же далей до кривого дуба, отъ кривого ажъ до великого дуба, от великого дуба просто до лозы, там же долиною жывцомъ от оцъка знову зас через греду пришла тая сяножать до мое власное, так же уз дубняк пришло до высокого дуба, от Богойка граница ажъ до поповы. Року 1637-го мц҃а липца дня 9. Jako ja nieumiejątny pisma prosiłem dobrego człowieka na imie Bykocza, generała Rzeczyckiego. Boykocz, general rzeczycky ręką swą.

2. Купчій листъ Любецкаго мѣщанина Демида Брагинца на проданные любецкимъ мѣщанамъ Борису Бержновичу и Гришку Кужелевичу комору съ пляцомъ.

Року 1656, месеца септеврия 7 дня.

Передо мною Климомъ Шестаченкомъ, наместник от его милости пана Пол на тот час будучим любецким, и передо мною Омеляномъ Татарином, и передо мною Левонтием Бобруеницою, пред мещанами и обывателми любецкими и пред иншими людми на тот час будучих немало, ставши очевисто на ймя Демид Брагиниц, также мещанин и обывател любецкий сознал явне, ясне и доброволне, ани з жадного примушеня толко з доброи воли своей, иж будучи потребный пинязей продалем и пустилем, зрекся на вечност, то ест комору ис пляцом свою власну, никому ни вчим не заведеную ани пенную пану Борису Бержновичу и пану Гришку Кужелевичу мещаном и обывателем любецким посполу, ув одной стени зрублено с Кисниченою коморою, а меновите, за суму куп десят личбы и монѣты литовъской; котороем то вышпомененым мищаном волност даю на той коморе вшелякие товари держат и волно им будет также продат и дат, албо и дароват и ку якому хотячи пожиткови своему лѣпшому обернут; а по заплате право скасовано быти не мает, так и сеі лист мает въ собѣ моц зуполную и под закладом таковой же

сумы; нащо для липшое вири и твердости даю им сес мой купчий лист, то ест доброволный запис с притисненем печати и с подписом руки. Диялося у Любечу року, месеца и дня выш описаного. Климъ Шестаченко н(аместникъ) Л(юбецкий) от его милости пана П(олковника) Чер(ниговскаго) рукою. За устною и очевистою прозбою от особъ вышменованых до (се)го их листу подписуюся на прозбу Іван Попович рукою.

3. Продажный записъ любецкаго мѣщанина Ивана Стецкаго на проданные п. Калинику Манку грунта.

Року 1658, месеца июля 18.

Я Иван Стецкий, обевател и земянин любецкий, чыню вѣдомо и зознаваю сим моим продажным и доброволным записом моим кождому кому едно колвек вѣдати того будет потреба, ижем я, яко ведлуг продажы небожчыка славной памяти отца моего пана Стецкого, которой продажи и купли естем во всем доконале и добре свѣдом, яко з воли доброй, пан отец мой, мѣючы кгрунта свои власныи и добра нам належачыи; аже за уподобанемъ и за слушным торгом пана Калиника Манка, который, уподобавши собѣ так поле по межах звычайныхъ, якотеж и иншие добра до того належачыи, взядши границею од Решина идучи шляхом по Кирѣенкову границу и од Кирѣенковы границы взядши идучы у Гриневу дорогу, и з Гриневы узядшы притягла концем знову у Манкову; который то помененый кгрунтъ мый, Стецкий, доброволне продалисмо и уступили зрекшис на вѣчност ему самому, помененому пану Каленику Манку, жоне и потомком его вѣчными часы, который волен будет тот помененый кгрунтъ од нас купленый пан Каленик продат, дат, дароват и пожитки размножат, ведлуг воли и уподобаня своего; а жаден ему в той его купли прешкодою быти не мае, так я сам, жона и потомкови мои, и жаден з покривных, близких и далеких, албо и з людей общих, яко никому пенно, ани заведено, под зарукою вины на уряд любецкий золотых сто, а по заплате тот его купленый од нас кгрунтъ звышпомененый пан Каленик оддаленый бути не мае, так теж и сес лист мает моц зуполную. И на том далисмо сес наш купчий лист с притисненем печати и с подписом руки моей власной. Дѣялос у Любечу, руку, месеця и дня звышписаного.

4. Листъ Яна Стецкаго на проданные любецкому мѣщанину Каленику Манку кгрунты. 1658 г., 27 іюля.

Я, Ян Стецкий, чиню видомо тым листом моимъ и зезнаваю' иж по зейстю (з) свѣта сего, славное памети отца моего, будучи я

видомъ, иж продалъ отецъ мой поле зъ лисомъ из дубровами и зо всими пожитками, того кгрунту належачыми, за копъ двадцать и за чотыри личбы литовское на йме Калениковн Манкови, мещанинови любецкому, в старостве любецкомъ лежачым, то ест почавши граничит и описана и значит з Манковой границы шляхомъ черниговским, не займуючи поля пана Стецкого, уз лис решинский и з лису решинского у студенец Горасков, (з) студенца узявши до Гриневы дороги из законам граничит, и оттуля у Манкову межу, знову в тотже шлях черниговский, тогды той кгрунтъ належачий служачий до зажываня ест поданый и потвержоный вичными часы, и потомству его пуки стане домоства его, и жаден над той мой лист препшкоды не повинен чинит. Тогды я будучи яко дедич тоей продажи вядомо чиню, з раменя моего даю той лист под вшелякими варунками и с подписом руки моее, и зезнаваю вичными часы и зрекаюсе, же не естем належачий до того поля. Писан у Любечу месеца июля двадцат семого року тисеча шест сот петдесятъ осмого. Jan Stecky ręką swą (Мѣсто 3-хъ печатей). Лукян Амелянович, войтъ любецкий на тот час будучый подписуюсе рукою власною. Хилко Кгрышченко, сотник любецкий наказный, рукою. Демидъ Брегиченко, мещанинъ любецкий подписуюсе на тот час будучи рукою власною.

5. Росписка любецкаго земянина Опанаса Евсеевича Щуковскаго на долгъ священнику Пятницкому за пчелъ и жито. 1659 г., 28 декабря.

Я, Опанас Евсеевич Щуковский, земенин любецкий, вызнаваю сим моим писанем, иж зостанем винен господину отцу Пятницкому любецкому за слушне пришлую причину, то ест трое бчол и еще бчолы трое, и соснами, которые духовни лицы наименовали, а четверътыи тылко пчолы и мѣръку жита, жебы мело быт то без жадное завады, що се дияло при людех зацных и вѣры годных, при пану Мелхру Щуковским, при пану Гаврилу Щуковским, при пану Отроху Игнатовичу и при них зацьных людей немало. Що се дияло въ року 1659, месеця декаврия 28 дня. Феодор Попович рукою власною.

(М. П.)

6. Продажный листъ любецкаго мѣщанина Якима Пресмыченка съ женою на проданные священнику Пятницкому Григорію Пронковичу дворъ и садъ съ огородомъ.

Я, Яким Пресмыченко, посполе з жоною своею, обыватель и мещанин любецкий, чинимо вѣдомо и явно зезнавуем тым нашим

доброволным продажным вечистым листом, иж мѣючи мы двор и сад з огородом свой власный, никому ни в чем не заведенный, ани пенный и нияким правом, ни долгом не прекопаный, лежачий в мѣсте Любечу, з одное стороны межою од Яска Белоуска, а з другой от Семена Белоуска, прето будучи мы потребны пѣнязей пустилисмо и на вечност зреклися и продали чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию Пронковичу, священнику Пятницкому любецкому, на вѣчные часы, ему самому жонѣ и потомкам его за готовую суму пѣнезей, то ест за копъ пятнадцат грошей личбы литовской; которому волно тот двор з садом и з огородом спокойне уживат и з него вшелякие пожитки мѣть, албо ли кому продат, дат, дароват, иле ку своему болшему пожитку оборотит, яко свое власное, до которого не тылко я, вышъменованый Еким, але и жона, и потомкове мои и жаден с покревных моих, яко близких, такъ тежъ и далеких, не мают мѣт до оного двора и огорода з садом жадной потребы и вышъменованого чест(ного) г(оспо)дина отца Григория, так теж жону и потомковъ его в том спокойном уживаню турбоват не повинны. А еслибы хто ине колвекъ смѣлбы и важился оному вышъменованому чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию в том якую колвекъ кривду и перешкоду чинит, любъ теж якъ неслушъне за то на право позыват, таковый кождый заплатит вины на близко приналежачий урядъ нашъ любецкий копъ двадцат, а по заплаченю усих шкод и накладов и тоей помененой вины мает також зостават тот двор и огород з садом при честном господину отцу Григорию. И на том я, вышъменованый Еким, даю оному тот мой продажный вечистый лист, с подписом рукъ и с притисненем печати людей вери годных, на том моем листе нижей подписаныхъ. Писан в Любечу, року 1660. Яко писма неумѣетный до того листу казал руку свою подписат. Яско Стефанович рукою (М. П.) Usnie a oczewisto uproszony pieczętarz od wyszmianowanego Iakima Prosmyczenka, iako samego pisać nieumieiętnego w osobie jego do tego listu ręką swą podpisał. Gabriel Duryna ręką swą. Ісай Мартинович Ланка рукою. Евсей Варкович рукою. Микита Кузмович рукою.

7. Купчій листъ любецкаго козака Тереха Хоменка на проданный любецкому мѣщанину Якову Матюшенку огородъ.

Року 1660 мѣсеца априля 5 дня.

Передо мною Лукяном Омеляновичом, войтом любецъким, ставши очивисто Терох Хоменко, козак любецкий, мишкаючий в маетнощѣ любецкой сила, прозываемого Озмикови, зознал явне и доброволне, ани з жадного примусу, тылко з доброй воли моей, ижем я про-

дал огород свой властный, лежачий за брамою нагорнею любецкою берег огорода Скугаревского и берег Злобего огорода, то ест, продаю Якову Матюшенку, обивателю и мещанину любецкому, а меновите: за повчварта золотога, до котораго того пляцю огорода неповинен жадный, ани я сам, ани отец мой, ани с кревных моих, так и общих людей ниякои перешкоды чинити не мают, под зарукою вини на его милости пана полковника коп десят, а на уряд любецкий золотых двадцат. На що я оному задле лѣпшой вѣри и твердости даю сей мой лист купчий, с печатю и с подписом руки урядовой. Писан в Любечу, року и дня вышшей описанного. Лукян Омелянович, войтъ любецкий. Яско Билоуска при том часу был и на то руку подписал. (М. П.)

8. Тестаментъ любецкой обывательки Оксини Корнѣевны Потапихи Кезихи. 1660 г., 12 апрѣля.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа святую живоначалную и нераздѣлимую Троицу, станьсе тая речъ ку хвале Божой и ку вѣчной памети Аминь. Я раба Божия Оксиня Корнѣевна Потапиха Кезиха, обевателка тракту любецкого, чыню явно и зознаваю сим тестаментомъ остатнею волею моею кождому кому будет того вѣдати потреба тепер и на потомные часы, иж будучи я навежона от Господа Бога обложенною хоробою и на смертелной постеле лежачы и видечы себе быти близкое ку смерти, нижли ко животу, напервей полѣцаю душу мою в руцѣ Створителю, а тѣло мое грѣшное зят мой, на йме Сила Брехун, мает поховат погребом хрестиянским и вшеляких памети дорочных одправит, як на то ест звычай хрестиянский, которому то звышъреченому зятю моему одказую кгрунтъ свой отчызный добра лежачии у мысох, который небожчик отец мой купил за гроши свои власныи у Мехеда Илича Терешецкого, на що и лист купчий на тот кгрунтъ оному помененому зятю моему до рукъ давшы вѣчными часы варуючы, иж бы оному в тых добрах и во вшеляких пожитках кгрунту онаго од сынов моих Тишка и Кондрата, и Тимоха, и Исака жадной перешкоды и ущербку чынит не важилис, але жебы спокойны он то уживал, и волен будет и продат, дат кому, и дароват и иле якъ хотечи ку лѣпшому пожиткови своему оборочат ведлуг и с уподобаня своего. При котором то тестаментѣ були люде добрыи и вѣры годныи мещане любецкии, на йме Миско Чучанъ, Ничипор Щочал и Дмитр Козаченко, Кандрат Кезечко и иншых будучих не мало при писаню сего тестаменту. А хтобы мѣлъ и важился сес мой тестаментъ остатнюю волю мою нарушит, тоды ис таковым суд буду мѣти на

оном страшном судѣ Христовѣ предъ судиею нелицемѣрнымъ. Писан року 1660, мѣсяца апрѣля 12 дня. За устною и очевистою прозбою пана Тимоха Кезенка, яко сам писат неумиетный до того тестаменту подписал руку. Григорей Демидовичъ рукою. (М. П). За устною и очевистою прозбою звышпомененых особъ до того тестаменту подписался. Богдан Корнѣевич рукою.

9. Продажный листъ любецкаго обывателя Омеляна Тарасовича съ женою на проданный ими любецкому священнику Григорію Пронковичу огородъ. 1660 г., 1 мая.

Я Омелян Тарасович, посполе з женою своею Федосею, обывателе любецкие, чинимо вѣдомо и явно зезнавуем тым нашим продажным вечистым листом, ижесмо продали и в моц пустили огород свой власный, бывший Стосаковский, никому ни в чимъ незаведеный и неподлеглый, лежачий з одного боку межою от Богдана Петровича, мещанина любецкого, а з другой стороны от Миска Чучана, то ест чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию Пронковичу, священнику любецкому, ему самому, жонѣ и потомком его на вѣчные часы за копъ десет грошей личбы литовъской, волно оному честному господину отцу Григорию тот пляц спокойне уживат, дат, дароват, алболи ку своему доброму пожитку обернуть, яко свое власное; до которага то вышъменованого огороду, не тылко я сам, Омелян, але и жона моя, и потомкове мои, и жаден с приятелей моих, яко близких, так теж и далних не мае мѣт потребы и ему вышъменованому честному господину отцу Григорию в том жадное турбацыи чинит не важилис. А еслибы, который колвекъ з тых менованых людий смѣлъбы и важился честному господину отцу Григорию в том перешъкодою быт и его в спокойном уживаню турбоват, таквый кождый заплатит вины на уряд любецъкий копъ двадцат, а по заплаченю тоей вины и всих накладовъ и шкод, мает таковым же способом зостават тот огород при честному господину отцу Григорию, и тот лист мой в каждого права и суду цале а ненарушоне хован быти мает. При которой то продажи были люде зацные и вѣры годные мещане любецкие, меновите: панъ Богданъ Петровичъ и Михал Масленко и Тит Жупиченко. Дѣялося в Любечу; року 1660, мѣсеца мая 1 дня (М. П). Usnie a oczewisto uproszony pieczętarz od wysz mianowanego Omeliana Tarosowicza iako samego pisać nieumieiętnego w osobie jego do tego listu rękę swą podpisał. Gabryel Duryna ręką swą.—Устне прошоный до того купъчого листу от вышъ менованого Омеляна Тарасовича, яко неумѣтного писати, при печати руку подъписалъ. Богдан Петрович рукою.—До того листу

купчого устне и очевисто упрошонный о подпис руки, я Лукянъ Омоляновичъ руку свою подписалъ.

10. Продажный листъ Просмыковыхъ дочекъ на проданный Пятницкому священнику Григорію огородъ съ садовиною. Року тепер идучом 1661, мѣсяца априля 24 дня.

Перед нами Гаврилом Василевичом, сотником его царского величества войска Запорожского любецким, и при велю людех зацных и вѣри годных, при том часе будучих, постановив имсе очевисто Просмыковы дочки, меновите менъшая, которая явне очевисто сознала и на вѣчност зреклася пляцу своего то ест з огородомъ и що колвекъ до него належит з садовиною, а будучи потребная пѣнязей продала и на вѣчност пустила и подала чест(ному) господину отцу Григорию свещенику Пятницкому любецкому, за готовую суму пѣнязей, то ест за коп десет грошей личбы литовъской; которому вышъменованому честному господину отцу Григорию, жонѣ и потомкомъ его волно тот садъ ис пляцомъ спокойне уживат, любо продат, дат, даровать, иле ку своему болшому пожитку оборотит, яко свое власное: до которого то саду не тылко мы, помененые Просмыковые дочки, але жаденъ с покревныхъ наших, яко близких, такъ тежъ и далнихъ не мають мѣть жадной и оного вышейменованого честного господина отца Григория в том его спокойномъ уживаню турбоват не повинны. При которой той купли были люде зацные и вѣры годные, меновите: Тимох Хилченко и Ерошъ Стасенко и Иван Помаз, мещане любецкие. Писан в Любечу, руку, мѣсеца и дня вышей описанного. (М. П). Гавриил Василевич, сотник его царскаго величества войска запорожского любецкий рукою.

11. Тестаментъ лоевскаго мѣщанина Семена Василевича 1667 г., 26 января.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа святей живоначалной Троицы стався тая рѣчъ ку вѣчъной памети. Аминь. Я рабъ Божий Семион Василевич, прозываемый Плющъ, мещанинъ стародавъный и обиватол лоевъский а на сес час, през сию войну мешкаючый в мѣсте его царского пресвѣтлого величеста Чернигове, будучы мнѣ от Господа Бога навежоному хоробою обложъною, а видечи себе юже ближъшаго ку смерти нижъле ку жывоту, зачимъ сес мой тесътаментъ за цѣлого розуму своего и доброе памети, распоряжучы такъ убогое убозство свое, яко и кгрунъты свои отцовскии в кгрунъте лоевъскомъ лежачый, кому што будет; на первей жонѣ моей Аннѣ

Стасовнѣ отказую и отписую и з дочкою моею, з неюжъ спложеною, вес кгрунтъ мой отцевъский у Лоевщинѣ, што сам ходилом, знову зас у (?) атѣевъщине который маю кгрунтъ из Зѣнъковъцами, тамъ мнѣ належит половина того кгрунъту у........ве, то все отписую вышъмененои жоне своей, которая мает из дочъкою моею посполом спокойне вжывати, а если доросте лѣтъ своих и пойде в станъ светий малженский, то ей половина во всем том кгрунъте, а жоне моей половина; а если смеръть Богъ пошлет на дочъку мою, то ввесъ жонѣ моей, которая мает тѣло мое грѣшъное хрестиянскимъ погребомъ поховати и отпоминати. Духовному зас моему отцу Филипу Ивановичу свещенику николскому лоевъскому за все провъсе пуд меду повинна ув осен дати. А што ткнется о долъги, такъ я людем ничого, никому невиненъ, якож и мнѣ не винни. Притом заверяю моим тестаментомъ остатънее воли моея, абы нихто не нарушал под клятвою святых отец и позываю его на декрет пред маестат Божий. При которомъ том спораженю тестаменту моего были люде добрыи и вѣры годныи: напервей Лукъянъ Микитенко мещанин лоевъский. Мартинъ Кононович Бобровник мещанин лоевъский. Апанас Мишкович Лапатневецъ. Пархомъ Гаплыкъ. Сава Семенович Ковал, Иля Микитенко и инших немало людей добрых и вѣры годных. Писан у Чернигове, року 1667, месеца иануария 26 дня.

12. Дарственный (?) листъ стародубовскаго протопопа Андрея Грушевскаго любецкому мѣщанину Богдану Шпаку на пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ 1669 г., 19 апрѣля.

. . . .

. . . . сотником, асаулом и всего рицерства войска его царского пресвѣтълого величества запорожского, и от них будучим на уряде, иж я маючи пляц з (о)городомъ в Любечу за брамою киевъскою стоячий, по небожъчику Яцевичу мнѣ служачый за одправу духовную сорокоуста; которий то пляцъ и огород не ест никому пенный, ани в сумѣ ни от кого незаведенный, тилко я з доброи воли своей даю въмоц пану Богдану Шпаку, обывателю и мешчанину любецкому, приятелеви своему, волно ему на пляцу томъ будоватися и пожитку заживат с того (о)города без нарушеня писаня моего и под срокгим каранем и виною войсковою. Што для лѣпшой вѣри при печати моей руку свою подписую. Дѣялося въ Стародубѣ, року 1669, мѣсеца апрѣля дня 19. Аньдрей Грушевъский протопопа стародубовский.

(М. П).

13. Справа по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюжкою и Процкомъ Григоревичемъ Дейковичемъ о кгрунтѣ, 1671 г., 28 іюля

Перед нами, Стефаном Войцеховичем, сотником любецким, Петромъ Елоцким, атаманом городовым любецким, Мироном Демиденкомъ, войтомъ любецким, и перед велю людей на тот час будучих, справы добрѣ вѣдомых, приточилас справа межи Михайлом Тимоховичом, прозываемым Белдюжкою, а Процком Григоревичем Дейковичем о кгрунтъ Белдюжковъщизну, которыи през сес час военный в розных завирухах вакуючи в зобополном держаню а не роздѣлно покревные, так отец помененого Михайлы з родною братею маючи, так теж и по них потомству ув оных часах спал, аже поневаж до того часу частка, которая Михайлови по отцы спадат мѣла, которая волна аникому отцем а ни теж им жадным долгом и записом не заведена допоминался у суду нашего, которому помененый Процко звороняет и уживат недопускает и не хочет допустити, менуючи варунок и моц права описаного купчею, который повѣдаючи продали и завили и в моц вечистое поссесыи подали и уживат позволили Пархомъ и Семен Ивановичи Белдюжки, которые якобы ему промежку своими и Михайлову частку завели. Мы теды чуючи контроверсию стороны поводовой и отпорной пыталисмо, еслибы хто живый человѣкъ и старожитный о тых кгрунтах небыл свѣдомый? На що звышъпомененый Михайло становилъ двох особъ, мещан зацных и вѣры годных, а тоеи справы добре свѣдомых, пана Максима Костамаху и Феодора Бурдука, которые ставши своими особами устне и очевисто перед нами признавали, иж от килкадесят лѣт тот кгрунтъ Белдюжковщизна в зобополном держанъю зоставал и никому ни вчом небыл заведеный, ани описаный, такъ за живота дедичов, яко и по смерти волно зостаючи и до того часу, що теды мы чуючы сознане устное для далшое и лѣпшое вѣдомости и потверженя оную справу и записат казали. Писан у Любечу року 1671, месеца іюля 28 дня.

14. Декретъ атамана и войта любецкихъ по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюжкою Мушенкомъ и любецкимъ мѣщаниномъ Процкомъ Дейковичемъ о кгрунтѣ Року тепер идучого 1671, месеца августа 7 дня.

Перед нами Петром Елоцким, атаманом городовым любецким, Мироном Демиденкомъ, войтомъ любецкимъ, и при нас будучих иншых особъ людей вѣры годныхъ Мартина Евтушенка и Кирила Манка и инных немало будучих, справы добре свѣдомых, приточилас справа

межи Михайлы Тимоховича Белдюги Мушенка обевателя убѣжицкого в трактѣ любецкомъ, а Процка Дейковича мещанина любецкого о кгрунт дедичный, названый Белдюжковщизну, лежачий под Любечом, о част, которую небожчикъ Тимох отецъ помененого Михаля уживал, который мѣючи в зобополном держаню из небожчиком Иваном братом рожоным, так и по смерти не подѣлный Михайлови из братиею Ивановичами Белдюгами по родичах своих спадаючий в поссессыю спал; а же поневаж братя Тимохова Пархом и Семен Ивановичы, будучы потребны пѣнязей, част свою належачую помененого кгрунту, который им по отцы спал, продали, завели и купчею звышменованому пану Процкови Дейковичу завили и в моц вечистое поссесыи подали, уволнившы кроме части Михайловы зоставляючи волно, которая нивчим, никому не пенная, ани заведеная; которую то част звышменованый Процко, при той своей купленой части, и тую Михайлову зайшол был, хотечи его отдалити и дармо оттерти з его вечистои отчизны, и през лѣтъ киляка пашучи уживал и его недопускал и допустити не хотѣл; за що запозвавшые перед суд нашъ о скуток справы укривжоный просил насъ; мы тоды выслухавшы контраверсий стороны поводовой и отпорной, поневаж Михайло становил на тое сторону людей зацных и вѣры годныхъ, пана Максима Костомаху и Феодора Бурдука мещан. . . которые ставши своима особами сознавали, иж. . . . и в вечистой поссесыи Тимоха и Ивана небожков. . . . зостаючый потомком по них, никому ни в чом незаведеный сп. . . те в тыеж слова потвержаючи Кирила Манко сознал перед судом нашим, иж жадной продажи и заводу так за живота, якотеж и по смерти о части Михайлови належачую и до того часу не было чого о том добре будучи свѣдом о том у суду нашего и сознал. Мы тоды, чуючы сознане устное, наказалиемо моцю того декрету, абы помененый Процко от сего часу далей помененому Михайлови Тимоховичу Мушенкови у его отчизный кгрунтъ, то ест, у половицу Белдюжковщизны, которую и небожчикъ отец его Тимох Муха уживал, жадного уходу и потребы немел вѣчными часы; поневаж до того часу в зобополном держаню а нераздѣлъный зостает, розделит и розѣхат наказалисмо, абы жаден свого певен был. А еслибы теж далѣй, после того часу звыш менованый Процко Михайлови Тимоховичу Мушенкови якую колвек кривду и до его части уход який мѣти мал, тоди за донесенем скарги укривжоного повинен будет вины заплатит на уряд близко належачий золотых сто. И на том для лѣпшой вѣры и ствержения далисмо прореченому Михайлови сес наш декрет при печати и с подписом руки при печати менованых. Писан в Лю-

бечу, року, месеця и дня звышписаного. Петро, Елоцкий, атаман городовый любецкий (М. П). Миронъ Демиденко, войтъ любецкий.

15. Продажный листъ Павла Бакуринскаго и жены его Анны на проданный любецкому священнику Григорію Прокоповичу пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ. 1674 г., 15 января.

Ja, Paweł Bakurzynky, i ja, Anna Pierocka Bakurzynska, czyniemy wiadomo tym naszym pismem, iż my będąc potrzebnemi pieniędzy przedalysmy plac goły z ogrodem w Lubeczu z iedney strony od wału mieyskiego od szewca Semena Białouska, wielebnemu jego mosci oycu Hrehoremu Prokopowiczowi swieszczenikowi Piatnickiemu Lubéckiemu w wieczną possesyią za gotową summę pieniędzy, to iest złotych dẃadziescia; na coś my dali dla lepszey wiary tę naszę pismo s podpisem rąk naszych i s podpisem rąk przyiacielskich, od nas uproszonych. Data w Lubeczu, 15 january 1674. Paweł Bakurzynsky ręko swo własną. Na miescie małżonky moiey, jako pisma nieumiejętney podpisuię się Paweł Bakurzynsky. Proszony pieczętarz do tego pisma podpisuię się Lukasz Babski. (М. П). Устне прошоный от особы выш менованых подписую се Григорей Марътиновичъ.

16. Запись Кротинской громады о безпрепятственномъ пользованіи любецкимъ священникомъ Григоріемъ Пронковичемъ угодьями, принадлежащими къ церкви св. Параскевы и придѣлу св. Евстафія. 1675 г., мѣсяца марта 15 дня.

Мы Кротинци, Кузма Антонов и Сидор Яцкович со всѣми громадою своими мужами, Хомя и Отрох и вся люде, при бытности нашеге священника отца Феодора Даниловича, при пану Феодосию Михайловичу и при пану Роману Останъце, райци и мещанину черъниговском, при пану Дмитру Трохимовичу, мещанину чернѣговском, при пану Никифору Орловском, при пану Феодору Рубану, мещанину острицком, Василею Ивановичу, мещанину острицком, приняли згоду з отцем Григорием Прунковичом, священником Пятницким любецким, со всюми завсѣ заводы правнии, которіисмо мѣли межи собою проз тіе часы и подущеніем и побудки отца Ярофѣя Котовича Пречистского любецкого, на том, ижем ведлугъ подания от отца Якова Григорьевича, старого бывшого священника любецкого и ведлугъ подания правъ давных отцу Григорію Прунковичу, священнику Пятницкому, от рожных державцов любецких и ведлугъ постановіения и свѣдоцтва мѣста Любеча всеи

громады що колвек належито до церкви Св. вел. муч. Параскевой и до предѣла св. муч. Евстафія, якъ остров Змийский з озерцем и зо всѣми пожитками належитыми, в тим всѣм не перечачи повиннисмо отдават все тое належитое водлуг продков наших отцу Григорию Пятницкому любецкому; а ежелибысмо не мѣли отдати, подпадаем под вину, положонную правъ давних и отцов наших. А еслибы моглъ хто зновляти и турбацию якую правную зновляти, таковый заплатит выну, якъ з духовного стану, на его милость пана и пастира коп сто ку отданю неотложне, а если з мирских, то на его милост пана гетмана и пана полковника, туюж суму и на близконалежачий уряд коп 17. На що сіе наше писане даемо при людех вишменованих. Року 1675, месеца марта 15 дня. Дмитерь Отрохович бурмистрович черниговский рукою, Семен Григоревич н(аместник) любецкий. Феодор Михалович, рукою. Раман Астапович мещанин и райца черниговский. Писар того писма священник Кротичанский Феодор Данилович рукою власною. (М. П). Панъ Никифоръ Орловъский рукою.

17 Актъ передачи брагинскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Юрковичемъ своихъ грунтовъ во временное владѣніе брагинскому мѣщанину Степану Маковочичу. 1675 г., 7 іюля.

Я Алексѣй Юркович, бывъшый месчанин брегинскій, а тепер мешкаючый в Чернигове, чыню вѣдомо сим моим писмом, иж я, маючы кгрунъты отцовъские в мѣсте Брягиню, здавъ на наданые от Александра Батъковского, старосты Брягинского, од ксенженъци пана нашего милостивого, наштo и право маю; што теды углядѣвъши я в том, же тот кгрунътъ, огороды, сеножати и што при нем належно, упрошаю впрод пана а пана старосты теперешного, пана моего милостивого, жебы тая моя отчизна никому не была заведена зачым нас Господь принесе; толко тое все в моц и владзу подаю, Степану Маковочичу, месчанину брегинскому, и право тое подаю, который повинен моею отчизною, нихто иншый до моего приходу, толко яко я сам обладат и пожытковатъ, в чом я моего мосцивого пана упрашаю, а вашей милости во въсем поволный услугай. С Чернигова, року 1675, месеца июля дня 7.

Вашеи милости моему мосцивому пану во въсем поволный услугай Алексѣй Юрковичъ низко кланяюся.

18. Купчій листъ Ланка Мартиновича на проданный имъ любецкому священнику Григорію Пронковичу пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ. Року тепер идучем 1676, месеца мая 28 дня.

Я, Ланко Мартинович, бывший обевател з мѣста Черей,а тепер обевател Вербицкий тракту Черниговъского, чыню вѣдомо и зезнавую сим моим продажным и вечистым записом и листом кождому, кому будет того вѣдати потреба, у каждого права и суду и на каждом мѣсцу, иж я, мѣючы пляц селитбу из огородом, частку купленую от Якима Просмыка у Любечу на предмѣсти Кгончарыщу идучы от межы пляцу бояр Антоновских и помеж пляц сполне отца Григория Пронковича, священника Пятницкаго любецкаго, котору завѣвъ и продал тойже небожчикъ Якимъ Просмык, аже будучи я потребный пѣнязей и иншому никому не ухиляючи на сторону яко близшей и сполна належит ку пляцу помененаго отца Григория, с которым я заведшы торгъ продал есми и уступил зрекся на вѣчност, то ест, отцу Григорию ему самому, малжонцѣ и потомком его на вѣчные часы за готовую суму пѣнязей, а меновѣте: за коп шѣст грошей личбы и монеты литовъской, на котором пляцу волно будет отцу Григорию селитис, будоватис и огород пахати и вшелякий з него пожитокъ мѣти, албо и кому продати, дати, даровати и замѣняти и кому хотячи от себе яким правом пустити ведлуг воли и уподобаня своего, а жаден ему в тои купли перешкодою быти не мает, так я сам, малжонка и потомкове мои и жаден з близких кревных и повинных моих, албо и з людей общых, яко никому ни в чим пенный, ани заведеный, под зарукою вины на близко належачый уряд коп десет; а заплатившы предся оная купля при отцу Григорию вѣчне зоставатимет; так теж и сес мой купчий лист вечистои продажи мает мати моц зуполную. При котором справованю торгу и купли были люде добрыи и вѣры годные и того добре свѣдомыи, меновите быт рачил: пан Нецко Орловъский, мещанин любецкий, пан Кондрат Семак, Кондрат Ерченко Семак, Алексей Дроздовъский, земяне тракту любецкого и иншых на тот час будучихъ немало людей вѣры годных, добре справы свѣдомых. И на том дал есми пречоному отцу Григорию Пронковичу сей мой купчий лист вечистой продажи, с подписом руки и с притиснением печати. Писан у Любечу, року месеца и дня звышписаного. Богдан Корнѣевич Дробний, писар сего листу рукою власною Ланко Мартинович, сам писма неумѣетный, упросилем того же писара, абы он руку мою подписал.

19. Продажный листъ Евтуха Козла Гордѣенка съ женою на грунты, проданные Кирилу Чобутченку, съ условіемъ на случай возвращенія изъ татарскаго плѣна наслѣдниковъ этихъ грунтовъ. 1677 року, месеца апрѣля 25 дня.

На вряде Любецком перед нами Миною Михайловичом, атаманом городовым любецкимъ, и Мартином Евтушенком, вуйтом на тот час зостаючым Любецким, ставшы очевисто пред нами Евтух Козел Гордѣенко, обеватель тракту любецкого, сознал из женою своею Овдотею Яцковною, иж оны продали кгрунтъ небозчика родича своего Яцка Рыбалченка, лежачый в Салкове обмежу П. , . . Жыленицы кгрунта, а другим боком межою Курила Чобутченкова кгрунту, которому и сей помененый грунтъ Яцковщыну продали за готовую суму пѣнезей коп шѣст личбы и монеты литовское, так с полями розробленными и не розробленными, сѣножатями при томже грунти зостаючыми, яко (ужи)вал небожчык Яцко, а по нем зостаючым потомки его Ермола, которого татаре взяли из маткою, теды так и мы вручаем пану Курѣле, ему самому и жонѣ его, волне будет яко своим властным пожытковат, албо по смерти своей кому схотячы вручыт, до вызволеня з неволи целых господарей помененного Ермолы, албо матери его, албо сестры, которую посполе взято, того грунта, а ежелибы Богъ Всемоцный с тых трех особъ которое вызволил з неволи, теды отложившы суму помененному Куриле, албо в кого в поссесыи бы зоставал по нем тот грунт при собѣ одержати мѣе, яко свое непѣнное; що мы вышо помененный вряд, принявшы до себе тую справу, стверждаем сим нашим писанем, и даем потребуючой сторонѣ для лѣпшей твердости при печати нашой врядовой и с подписом рук под печатю нижей именованных и под закладом вины золотых ста на вряд близко належачый за вчынаня турбацый през сей лист описанный. Дѣелося в Любечу 1677 року, месеца апрѣля 25 дня. Устне и очевисто прошоный о поднис рук до того листа от Курила Чоботченка през тогож писаря подписалися Емелян . . . менко прѣ тои справе будучим и того добре свидом Кирил Худолѣенко печатам того листа рукою.

А особливе доходячы сего декрету и права достоеваючы помененный Курила тратил посполе из жоною своею, а менowите выкладу правного талеровъ два, которое все сполне при тойже суме копъ шести, и сие зостават мае цѣло вѣчными часы не нарушаючы права сего. А хтобы мой сей кгрунт от Курила отобрати (мел) ведлуг сего декрету теды при тых шести копах и сии два талеры повинны будутъ отдати.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LX.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.